

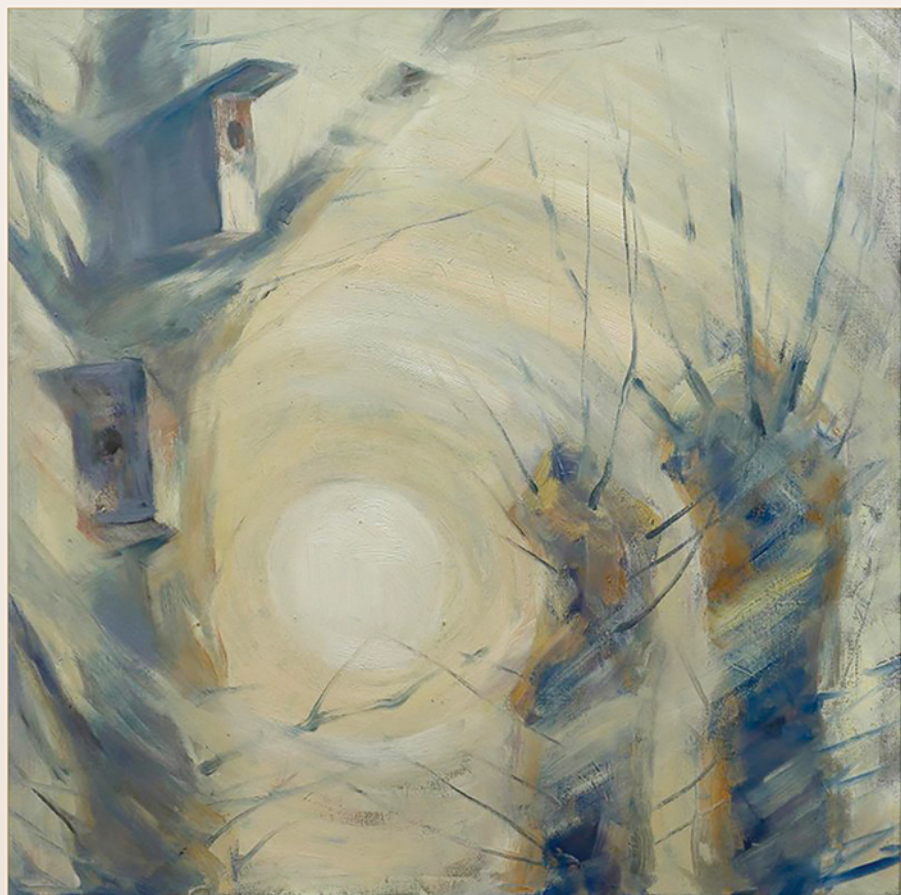
Начало

века

2024

№ 1

Литературный и краеведческий журнал

НАЧАЛО ВЕКА 2024/1

ЛИТЕРАТУРНЫЙ
И КРАЕВЕДЧЕСКИЙ
ЖУРНАЛ

Выходит с января 2007 года

ИЗДАНИЕ ТОМСКИХ
ПИСАТЕЛЕЙ

Главные редакторы:

Геннадий СКАРЛЫГИН
Владимир КРЮКОВ

Редколлегия:

Геннадий АНКУДИНОВ
Дмитрий БАРЧУК
Елена КИРИЛЛОВА
Елена КЛИМЕНКО
Галина КЛИМОВСКАЯ
Вениамин КОЛЫХАЛОВ
Софья РУБАКОВА
Оксана ЧАЙКОВСКАЯ

Адрес редакции:

634050, г. Томск, ул. Шишкова, д. 10.

Тел. 528-369.

E-mail: ya.oxana69@yandex.ru

Электронные версии журнала:

<http://elib.tomsk.ru/page/25940/>

<http://tompisatel.ru/proektyi/nachalo-veka.html>

<http://журнальныймир.рф/zhurnaly/nachalo-veka>

При перепечатке материалов
ссылка на журнал «Начало века»
обязательна.

Мнения авторов не обязательно
совпадают с мнением редакции.

На обложке: Виктор Гусаров «Фев-
ральское солнце. Скворечники»
(1988). Холст, масло. 100x100 см.
Томский областной художественный
музей.

Журнал выходит при поддержке
Администрации Томской области.

В НОМЕРЕ:

ПРОЗА

Станислав ФЕДОТОВ
Свидание с отцом 2

ПОЭЗИЯ

Николай БРЕННИКОВ 8

ПРОЗА

Иванна ДУНЕЦ
Вечные 14

ПОЭЗИЯ

СЛЭМ в Томске 22
Егор ВОЛОЩУК 23
Иван ИВАНОВ 27
Андрей ХАРЛАМОВ 33

ПРОЗА

Владимир КОЗУБОВ
Рокировка 38
Големы, или умягчение злых сердец 44

ПОЭЗИЯ

Елена КЛИМЕНКО 52
Виктор ПЕТРОВ 56

ПРОЗА

Андрей ПУЧКОВ
Красная незабудка 62
Александр ТАРАЗАНОВ
Дуэль 75

НА НАШЕЙ ОБЛОЖКЕ

Татьяна МИКУЦКАЯ
Виктор Гусаров –
«лирический монументалист» 81

БЫЛОЕ И ДУМЫ

Эмилия КАДЕТОВА
Метафоры жизни 84
Дмитрий БАРЧУК
Мама и другие близкие 100

КРАЕВЕДЕНИЕ

Анатолий ПШЕНИЧКИН
Мыс Могильный 137

КНИГИ ТОМИЧЕЙ

Елена КЛИМЕНКО
Отзыв о книге Г. И. Климовской 143

ЛИТЕРАТУРНАЯ УЧЁБА

Готовы к будущим состязаниям 145

ЧТО СМЕШНОГО?

Алексей НАЗАРОВ
Пародии 153

АВТОРЫ НОМЕРА 156

Станислав Федотов

СВИДАНИЕ С ОТЦОМ

Я смотрел по телевизору парад на Красной площади в честь очередной даты Великой Победы. Вернее, не сам парад – меня как-то мало волновали танки, бронемашины и прочая военная машинерия, – я вглядывался в лица ветеранов, камеры нет-нет да и выхватывали их из общей массы гостей на трибунах возле Мавзолея, прикрытого по случаю парада какими-то нелепыми декорациями.

Настоящие ветераны!.. Морщинистые лица... блёклые, почти потерявшие цвет глаза... На мужчинах – армейские фуражки с разного цвета околышами, немного морских, чёрных, с «крабами» над козырьками, на женщинах – военные береты. Многие с офицерскими погонами, полученными, как правило, уже «в запасе», некоторые с сержантскими лычками, но все – с орденами Отечественной войны, медалями и бесчисленными юбилейными значками. Помнится, когда-то я относился к этим знакам с изрядной долей иронии – чем бы, мол, старички ни тешились! – и только с годами начал понимать: это же для них отметки жизни и памяти! Вот, мол, ещё сколько-то лет прожито после войны, а нас не забывают. Хотя и сегодня, через семьдесят лет, не у всех есть нормальное жильё.

Смотрел я на них, смотрел и вдруг ощутил, как что-то когтистое схватило сердце, крепко сжало – аж из глаз брызнуло – и медленно-медленно отпустило. А в голове одна мысль осталась: Господи, да ведь в этом году моему отцу исполнилось бы сто лет!

СТО ЛЕТ! С ума сойти!

Отца я, в общем-то, не знал. Он ушёл сначала на Финскую войну рядовым, потом ненадолго вернулся, а в июле 41-го был снова призван и направлен в школу лейтенантов. В детской памяти осталось: мы стоим в тесной прихожей – мама с большим животом (она была на шестом месяце, беременна двойней), высокий отец в серой шинели и я, трёхлетний, у них в ногах, обнимаю сапог отца, а пола его шинели колюче трёт мою щёку.

Ещё помнится случай, кажется, из 42 года. Но к нему – маленькое предисловие.

Был у нас большой, накрытый половиком домашней вязки, сундук. Что в нём хранили, не знаю, но помню, как, свернувшись калачиком, на нём спал мой прадед Матвей Фёдорович Ставцев, вернувшийся из ссылки. Его в начале 30-х раскулачили (все детали я узнал много позже от мамы). Моя бабушка, её в нашей семье звали мама Поля, приходилась ему дочерью. Трёх сыновей раскулачивание не задело: отец их вовремя отправил из села, а жизнь раскидала по России. Деда, Гордея Антоновича Свечникова, мы называли папкой; он служил в звании старшего лейтенанта бухгалтером в военном госпитале. Деду полагался пистолет. Однажды он его забыл, я, конечно, добрался до него и случайно нажал

на курок. Пуля чуть не попала в спящего прадеда, срикошетила о порог комнаты, оставив на нём дугообразную обугленную щербину. Меня не наказали, а папке от мамы Поля досталось: чтоб не оставлял без присмотра опасные вещи.

Так вот, об отце. Вспоминается сумрачный вечер, мама сидит на этом сундуке с запелёнутыми моими братишками на руках и воет, запрокинув голову к потолку. Не плачет, а именно воет, на одной тоскливой ноте. Мама Поля суетится вокруг, пытается забрать деток, но мама прижала их к себе, не отдаёт... Оказывается, пришло письмо от фронтовой жены отца, в котором та категорически заявляла, что Пётр к семье не вернётся. Знал ли об этом письме сам лейтенант Федотов, для меня осталось неизвестно. Полагаю – знал, а самому написать рука не поднялась. Смалодушничал.

Как потом неохотно рассказывала мама, отец был мужчиной весьма любвеобильным. По отношению не только к ней. Из тех, кого называют в народе просто и ёмко – бабник. Но, наверное, было в нём что-то такое, что неотвратимо притягивало женщин. Вот и мама моя, юная ФЗУшница, повелась, и в результате появился я, всего через два месяца после её восемнадцатилетия. Но надо отдать должное молодому технику Федотову – он не отмахнулся от сына, а, узаконив отношения, дал мне фамилию и отчество.

Однако воющую маму с двумя пищащими свёртками на руках я решил не прощать отцу никогда.

Многие годы не думал о нём, жил своей детской жизнью, с её мелкими радостями и печалью. В Томске было голодно и холодно. Как-то зимой у нас на кухне замёрз мешок картошки, и мы – я, две моих тётки и дядька (старшей, Тамаре, четырнадцать лет, Зине двенадцать, а Гене – девять) – радостно грызли нечаянное лакомство: картошка заменила нам недоступные сладости. Ещё помню, как мы бегали в центр города, там в переулке Батенькова, в полуподвале, была пекарня, и мы подолгу стояли у открытых форточек, впитывая запахи свежеспечённого хлеба и разглядывая суетящихся внизу женщин в белых халатах. Может быть, надеялись, что угостят хоть корочкой. Не угостили.

В нашей семье работали два человека – папка (дед) и моя мама. Дед, как я уже говорил, в госпитале, мама – на теплоэлектростанции ТЭЦ-1, лаборанткой (она там проработала до пенсии). Бабушка, мама Поля, занималась детьми и хозяйством. По карточкам на семью в девять человек получали кирпич серого пеклеванного хлеба, его делили на равные части, и каждый мог со своей долькой делать что угодно – растягивать на весь день или сразу съесть. Зимой мы зарывали куски хлеба в сугроб возле крыльца и потом грызли их, замороженные до каменного состояния. Было очень вкусно! Я часто прятал свою пайку в какой-то пустой чемодан; зачем – не знаю, может быть, копил на случай худшего времени. После войны перетряхивали вещи и в чемодане нашли кучу заплесневелых сухарей – это был сэкономленный мною хлеб.

Летом ели много разной травы, особенно когда выбирались в лес. Там росли таёжные сиреневые лилии-саранки, мы выкапывали и ели их луковицы; срезали высокие с большими зонтиками «дудки» – если их очистить от грубого верхнего слоя, под ним была съедобная трубка. В мае собирали черемшу – от нас до середины июля пахло диким чесноком. Думаю, за счёт этой зелени я набрался здоровья на всю оставшуюся жизнь.

Дом наш был двухэтажный (он и сейчас стоит на улице Мамонтова, недалеко от Белого озера, природной жемчужины старого Томска). Низ – кирпичный, верх – деревянный. Наша квартира находилась наверху, туда вела, как мне помнится, жутко высокая и крутая лестница, а внизу жила семья какого-то торгового начальника. Летом из их кухни во двор выползали потрясающе вкусные запахи. Однажды мой дядька Геннадий, тогда уже десятилетний пацан, нашёл дохлую кошку и, раскрутив её за хвост, запустил в открытое окно. За окном стоял стол, семья ответственного работника собралась за ним обедать, и на первое у них был куриный суп. Кошка влетела как раз в тот момент, когда хозяйка поставила на стол и открыла кастрюлю. Лохматый вонючий снаряд попал точно по назначению и вызвал большое волнение. Таких многоголосых воплей наш двор не слышал ни до, ни после. Генку папка выпорол офицерским ремнём, но порол не по-настоящему: так, мазнул пару раз для порядка, а Генке приказал орать – и тот тоже базлал благим матом. Я стоял рядом и плакал «за компанию». Мне шёл пятый год.

Я не скучал по отцу. Может быть, потому, что в круге сплошной безотцовщины я был такой же, как все, а может, благодаря деду. Не случайно же все мы называли его папкой, единственного в семье мужчину.

Настоящая фамилия деда не Свечников, а Татько. Родом он был с Полтавщины, потомок запорожского казака. Так что я могу считать себя на четверть украинцем, так сказать, квартироном. Наверное, из-за деда семья наша тесно связана с Украиной: три его дочери из четырёх и одна внучка были замужем за украинцами – так что у меня родня есть и в Западной Украине, и на Одесщине, и в Донбассе. Правда, я её не знаю, а спросить уже не у кого.

Семью Татько понесло в Сибирь ветром столыпинской реформы. Шли пешком, где-то заразились тифом, и родители Гордейки умерли, а его самого усыновили русские Свечниковы. Новая семья была большая, жили скудно, однако Гордей не только учился в школе, но и курсы счетоводов закончил, и жениться сумел – на дочке зажиточного крестьянина Ставцева. Того самого Матвея Фёдоровича, которого я едва не застрелил. Не кулака, как его объявили при Советской власти, но крепкого хозяина, тоже из переселенцев, из Орловской губернии. Крепким он стал потому, что вместе с сыновьями работал от зари до зари, не пил и не курил. Гордей тоже не пил, не курил и служил, не считаясь со временем. А тут – Первая Мировая, и двадцатилетний счетовод оказался на фронте, оставив беременную жену. Курсы счетоводов спасли парня от окопов: грамотных не хватало, и до Февральской революции, до развала фронта Гордей писарил в штабе полка. Вернулся без наград и званий, зато – живой.

Гражданская тоже обошла его стороной. Уж как умудрился откосить от колчаковской мобилизации и партизанского добровольчества – не ведаю, не спрашивал, но факт остаётся фактом: все бурные годы он прослужил в сельском кооперативе (были такие и во времена Колчака). Росли две дочери – Полина и Мария (моя мама), родились и быстро умерли два сына – Гордей работал и жил в полном соответствии со своим именем. Гордо и независимо.

Внешность у него была не ахти какая: росточка небольшого, ноги кривоватые, на лицо – самый обыкновенный, без изъяна, но и без красоты – а вот чем-то приглянулся дочери богатея Ставцева, и сельская красавица благосклонно

принимала его знаки внимания. Зато трём ее братьям-здоровякам счетовод «шибко не пондравился», они попытались его отвадить кувалдами-кулаками, но не тут-то было: ухажёр от сестры не отстал, а та, заметив синяки и ссадины на физиономии «милёнка», тут же всё поняла, устроила своим заботникам скандал и, в пику им, а заодно и отцу, тоже не жаловавшему кандидата в зятья, пошла под венец без благословения. Пелагея была любимицей отца, и тот скрепя сердце осенил иконой молодых уже во время свадьбы. Братья тоже любили сестру и тоже смирились, но поставили Гордею условие – жить в семье Ставцевых и работать на неё. Однако молодожён их требование не принял: жену после свадьбы забрал в крохотную квартирку, выделенную кооперативом, и продолжал служить на прежнем месте. Жили молодые на одно жалованье счетовода, все попытки тестя помочь Гордей пресекал на корню. Правда, пока служил в армии, Пелагея, родив Полину, приняла помощь семьи, за что Гордей, вернувшись, едва не выгнал её из дому. Простил из-за дочери.

Детей папка любил до самозабвения – и своих, и меня, первого внука, а потом и моих братьев. Наверное, невольно перенял я это его душевное качество, потому что мои дети для меня всегда были на первом месте. Вспоминается случай пятидесяти с лишним лет давности. Я тогда работал в оборонном институте и много курил. Как-то, вернувшись из командировки в Москву, пообедал и тут же закурил – хотел насладиться привезёнными из столицы импортными сигаретами. Гляжу: подходят ко мне, бок о бок, мои пацаны – старшему тогда было тринадцать, младшему семь, – и старший говорит этаким ломающимся баритончиком:

– Батя, ты вот учишь нас не курить, а сам смолишь.

Не знаю, сами они до этого додумались или мать подучила, но я посмотрел в их ясные глаза, погасил сигарету и сказал:

– Всё, ребята, больше не курю.

И выполнил обещание полностью. Не мог не выполнить.

Отец снова появился на нашем горизонте в 50 году. Я тогда жил у маминой старшей сестры, тётки Поли (у неё не было своих детей, и она в 45-м взяла меня на воспитание; я прожил с ней все школьные годы), поэтому о приезде отца узнал от мамы, когда уже стал студентом.

Он приехал из лагеря, где отсидел три года за растрату своей жены. Она работала продавщицей в киоске, ревизия выявила недостачу, и отец взял вину на себя. Пока отбывал срок, жена его бросила. Он пришёл к маме в старом плаще и опорках на босу ногу, попросился обратно. Ему было тридцать пять лет, маме – двадцать восемь. Казалось бы, вернулся блудный муж, можно было всё начать сначала, однако мама его выгнала. Сказала мне, что побрезговала, но я думаю, что не смогла ему простить ту фронтовую жену, а может быть, проявленное малодушие. Она же считала его мужиком, а он спрятался за чужой спиной. И вот ещё – каюсь, не спросил у неё, а она не сказала, получала ли, пока отец был на фронте, деньги по офицерскому аттестату. Всё-таки трое детей, как-то надо было жить. У неё был, как теперь говорят, гражданский муж, но он исчез, когда вернулся я, потом женился Геннадий, и все мы жили в квартирке на полторы комнаты, общей площадью метров двадцать. Вскоре

у Геннадия родилась дочь – тоже простора для личной жизни не добавилось, так она, эта жизнь, у мамы и остановилась где-то на тридцати шести годах.

Да, вспомнился ещё один эпизод, имеющий отношение к отцу. Тётя Поля с мужем, дядей Саввой Хоменко, и я жили тогда в Шадринске, районном городке Курганской области. Я учился в шестом классе. Тётка держала меня, что называется, в ежовых рукавицах. Однажды она сильно на меня рассердилась и несколько раз стегнула ремнём. И до этого случая мне ремешка доставалось, но я относился к наказаниям довольно равнодушно, а в этот раз почему-то стало до того обидно, что я вспомнил – да тут же неподалёку, всего-то километрах в ста к северу, город Талица, откуда родом мой отец. Может, он там и живёт – уйду к нему! Не выгонит же родного сына!

Дело было зимой. Недолго думая, встал на лыжи и отправился в поход. Пройдя сколько-то километров по снежной пустыне, проголодался, тут и смеркаться начало, впереди же, да и вокруг, ни огонька, ни светинки – а что, если волки по степи шастают?! В общем, струхнул я и повернул назад. Не состоялось свидание с отцом.

Дом наш на улице Равенства (хорошее название, но в 61-м её переименовали в улицу Гагарина – власть нашла, чем пожертвовать), как ни странно, очень походил на прежний, что на Мамонтова: те же два этажа, низ кирпичный, верх – деревянный, и мамина квартирка на втором этаже – меньшая часть когда-то единых на весь этаж апартаментов. Большую занимала старая дантистка (приём на дому) с внуком. На общей с соседкой кухне нашими были шкафчик, конфорка на дровяной плите и стол. В выдвижном ящике стола среди всякой мелочёвки я случайно обнаружил медаль «За отвагу» на маленькой прямоугольной колодке без муаровой ленточки. Помню, меня неприятно поразило, что такая почётная для солдат и младшего командного состава награда валяется в каком-то затрапезном виде, но больше – озадачило, что край медали оплавлен. Было понятно, что сюда ударила пуля, и медаль спасла человека, моего отца. Тогда, пожалуй, впервые у меня в груди отозвалось болью это слово – «отец». И – разозлило.

– Я тебя ненавижу! – вслух сказал я, бросив медаль обратно в стол. – Ты предал всех нас, предал даже свою отвагу. Не хочу о тебе слышать, не хочу тебя знать!

Такой вот излился горький пафос.

Один лишь раз отступил я от своих слов. Вернее, не отступил – ситуация напомнила о них. Почти сорок лет спустя. Жил я тогда благополучно и счастливо в Благовещенске, славном городке на Амуре. Вследствие не очень приятных событий был вторично женат, родилась дочка. Вспомнил как-то свои школьные годы, первую любовь – жена упрекнула меня:

– Что же ты её не отыщешь? Первая любовь, она ведь навсегда – первая.

Жена много меня моложе, но и настолько же мудрей – не раз убеждался. Потому послушался, написал в адресное бюро того города, где, как я знал, жила моя школьная подруга, и получил ответ с адресом. Завязались ностальгическая переписка, разговоры по телефону. «И чуть больше стало доброты,

ярче солнце, веселее смех...» – стихи эти по другому поводу, но весьма созвучны случившемуся.

Несколько раз говорила жена и про отца: «Разыщи! Разыщи!» – но тут я упёрся, как баран, и ни в какую! Почему? Наверное, потому, что в памяти моментально всплывало: сумерки... сундук... воющая мама...

Жена оставила меня в покое, но я чувствовал, что не покидает её мысль о розыске. Однажды во время передачи телевизионной «Жди меня» сказала:

– Какой молодец этот парень! Никогда не видел отца, но разыскал аж через сорок лет! – и глянула на меня.

Я промолчал.

Сейчас я всматриваюсь в лица ветеранов на Красной площади. Мог ли быть отец среди них? Нет, не мог: сто лет – не шутка! Я задаю себе вопросы – спрашивать-то больше некого – и как бы заново оцениваю то, что мне известно.

Вопрос: можно ли считать его подлецом и предателем за роман на фронте? Молодые люди, каждый день под огнём, в любой момент могли быть убиты, а любить-то хочется, ласки и нежности хочется, тем более среди беспощадной грубости и жестокости войны. Нет, думаю я сейчас, нельзя его осуждать, не имею права. Вспомнился эпизод из михалковского фильма, когда обгорелый юный танкист на последних минутах жизни просит такую же юную медсестру показать ему обнажённую грудь, а то умрёт, не насладившись, хотя бы взглядом, женской красотой. Многие из-за этого обвиняли великого режиссёра в пошлости, а для меня та сцена пронзительна до слёз.

Другой вопрос: достойным ли человеком был тот, кого мама выгнала, да ещё и с презрением? Он взял на себя вину жены и пошёл на три года в лагерь, а там не пряниками потчуют. Почему он так поступил? Теперь, на остывшую за многие годы голову, понимаю: он считал, что как мужчина должен защитить женщину, тем более любимую. А за то, что, преданный той любимой, попытался вернуться к детям, разве можно презирать? Одна утрата напомнила о другой, в которой повинен уже он сам. Попытался исправить, покаяться. За покаяние и не такие грехи прощаются.

Ещё вопрос: как же он, мужчина, воин, бросил заслуженную награду, боевую медаль, спасшую ему жизнь? Но, если пришёл из лагеря с медалью, значит – дорожил ею, берёт, и, может быть, она была его главным аргументом, что он – всё-таки не последний человек из живущих. Уходя, изгнанный, оставил её на память детям, а выбросила медаль как раз та, что презрела его в драном плаще и опорках, не увидевшая и не понявшая его покаяния. Моя мама Мария, названная при крещении именем Богородицы.

...Я смотрел на парад, на ветеранов, пил водку, думал и плакал.
Прости меня, отец!

Ноябрь 2015 года

Николай БРЕННИКОВ

ИЗБРАННОЕ *

* * *

Я труд, и имя мне пчела,
но вся земля голым-бела,
как скучный сахарный сироп, –
где улей был, стоит сугроб.
Я страсть, и имя мне пчела,
но зиму каждую спала,
и нынче сплю и не жужжу,
к подкормке вяло выхожу.
Рыжеют сосны на заре,
поёт петух на топоре –
обыкновенные дела.
Я ум, а имя мне пчела.

24 января 1978

Гамаюн

Заливались скворцы, хохотал балаган.
Я упрямо искал себе птицу Каган,
да к обиде моей, на досаду мою
оставался слепой молодой Гамаюн.
Меловой головой торговали с возов,
танцевали медведи с рогожной козой.
Щебетал Гамаюн малой птахи скромней
и моими же снами тянулся ко мне,
только я-то желал себе птицу Каган,
только я доверял неуёмным ногам
и опять запустил башмаки на износ.
Громко Сирин кричал, и стонал Алконост,
а медведь, нараспев повторявший азы,
оторвал воротник у рогожной козы.

22 февраля 1983

---

* Публикуется в авторской редакции с различением слов «мир» (покой) и «мір» (общество, пространство).

* * *

Ворон белый на осиновом дубу
прозакладывал красивую судьбу,
проиграл, прожёт, прохерил, променял...
– Не рассказывайте сказки про меня.
Ах, судьба моя давно не такова,
она сложена в хорошие слова,
раззолочена, тяжёлая, в свинец,
позабыл у ней начало и конец.

16 января 1985
Ленинград

Любовь и Надежда

*Проходят соседки – Любовь и Надежда.
Снят вечным сном морские рыбы
в моей авоське.*

А. Богданов

Опять мимо окон проходят соседки, –
две мёрзлые рыбы качаются в сетке,
две мёртвые рыбы в авоське из лески,
как сколки с утраченной греческой фрески.
Соседки выходят из верхнего мира,
соседки проходят – всё мимо и мимо
крыльца и порога, дверей и прихожей,
на старых подружек ничуть не похожи.
Проходят соседки – почти что родные.
Из сетки две рыбы глядят ледяные.

14 декабря 1987

* * *

Возвратившись с похорон,
выпили у камелька
брatья Хронос и Харон,
два хороших старика.
А хозяйка – на порог:
мол, пора за прежний труд...
Чей-то горестный итог
они снова подберут?

1994, 2009
Новгород, Томск

Иеремия

Под старость лет узнал я, что ещё
давным-давно я тайно был крещён,
а имя нарекли – Иеремия.
Что делал бы я с именем таким?!
Да ведь не Бог назвал, а поп Аким.
Я вёл себя, как все. Да и пойми я,
что мне дано сердцá глаголом жечь,
я б мог сказать пронзительную речь,
но не сказал бы так или иначе,
я б испугался. Жалок мой итог,
но отстоять своё «и я бы мог»
теперь я вправе. И кричу и плачу.

19 ноября 2017

Разговор с Пифагором

Б. Н. Поизнеру

У нас репка и рыбка, ни корочки хлеба,
две бутылки вина, ни стаканов, зато
у костра у реки очень звёздное небо
сочетается с тёмной земной красотой.
Хорошо на душе. Тихо после заката.
И меня обнимает великое Всё.
И сосед предлагает добавить за Канта
и привычно бормочет о том и о сём...

Неожиданно он за пустым разговором
о значении соотношенья планет
заявляет:

– А прежде я был Пифагором.

Пьяноват, но в глазах сумасшедшинки нет.
И я думаю: ладно, поддержим беседу,
по известному вышью узор в темноте,
подскажу что ни то мудрецу и соседу...

– Кем бы ни были мы – всё равно уж не те.

– Да, не те, – отвечает. – Я пьянствую, это –
упражнение в явном безумии, но
не бросаю его. Моя песенка спета
в данной жизни, и я же себе же виной.
Поминай или не поминай Пифагора,
нарушение меры, ты даже не спорь,
тоже дело греховное, коли мы скоро
и гордыню считаем за смертную хворь.
Знай сверчок свой шесток, а шестком похваляться
и не думай.

Пожалуй, не очень и пьян, –
размышляю, уже не готовый смеяться,
но готовый всегда возразить:

– А вот я

не могу сочетать с православием веру
в заключение души из сосуда в сосуд.

– А ты зря не шуми, не зауживай сферу,
где она не заужена. Этаким суд
беззаконен, зашорен. А если иное,
не кивая на нынешний собственный счёт,
допустить, что тебе из того ж перегноя
дозволительно будет явиться ещё?

– Как я опыт учту? я же всё позабуду.

– Ты процентную ставку себе не готовь,
не играй на доход в бодисаттву и будду.
Забери с собой мира земного любовь
и пусти её в рост хоть на самую малость
ради мира и мира. Есть опыт души,
и не надо чинить то, что и не ломалось.

Я не спорю. Я замер в великой тиши,
от которой ни правду, ни помощь не ждём мы,
пред которой смешно что-нибудь изрекать.
Улыбается нам месяц новорождённый,
и бессмертием дышат костёр и река.

27 октября 2010 – 28 ноября 2020

* * *

Сон мне снится: опять через реку бегу,
льдины скользкие с хрустом под воду уходят.
Крайне нужен я всем на другом берегу,
но никак до него добежать не могу
и нельзя дожидаться, когда распогодит.
Берег рядом, а я просыпаюсь в поту,
не прейдя проведённую кем-то черту.

24 апреля 2018 – 28 июля 2021

Страна

Зачтётся мне за пыл,
с которым я названивал
и суетно забыл
туземное название –
ту землю, где я брёл
широкою излучиной,
холодным сентябрём,
Россией неизученной.

Не знают те места
крестьянина и воина,
темна земля, пуста,
ни словом не присвоена
и знаком никаким
вниманием людским
на карте не отмечена,
ну так тому и быть –
ни юрты, ни избы,
и бесу делать нечего.

Там, где наперечёт
нетронутая родина,
в Пучай-реку течёт
река-змея Смородина,
спокойная земля
лежит себе без имени,
не ради и не для
лежит сама своя
невывразимая
спасти меня.

12–13 августа 2021

Записка Лао-цзы, обращённая к себе

Жизнь, тебе данная, это рай.
Останься с небом наедине,
в раю гербарий не собирай
и не считай тут ночей и дней.
Свои идеи другим раздай,
все восхищения раздари.
Стань у дороги и наблюдай,
на мир сквозь радость его смотри.
Забудь желания и мечты.
А после просто забудь, кто ты.

2 сентября 2021

Томские писатели сердечно поздравляют Николая Валентиновича Серебренникова (Николая Бренникова) со славной годовщиной – его 70-летием. Желаем нашему автору здоровья и новых строк в стихах и прозе.

Иванна Дунец

ВЕЧНЫЕ

эссе

Если в нас любовь живёт – мы вечные¹...

Генрих Гейне

I

Рука непроизвольно тянется к странному старинному звонку слева от двери в квартиру Фёдора Михайловича. Я изначально даже не понимаю, что его следует не нажать, а легко потянуть на себя. За дверью раздаётся ни с чем не сравнимая трель колокольчика.

Я закрываю глаза и представляю тихое поутру семейство Достоевских, занятых обычными делами. Фёдор Михайлович отдыхает в своём кабинете после напряжённой работы ночью, листы одной из глав «Братьев Карамазовых» лежат в беспорядке на его письменном столе. В детской маленькие Любовь Фёдоровна и Фёдор Фёдорович тихо-тихо обсуждают предмет утренней записки для папá. Федя останавливается на сладостях и старательно выводит на бумаге «*Папá, дай гостинца. Федя*», а Любочка отвлекается на новую куклу, отмечая про себя, что у неё очень премиленькая шляпка! Незаметно для мамы Фёдор крадётся к заветной двери и просовывает свою записку в щель между полом и дверью.

Анна Григорьевна в своём кабинете занята подготовкой к публикации в «Дневнике писателя» речи её любимого мужа о поэте Пушкине. Кропотливо собирает она воедино все дополнения и комментарии Фёдора Михайловича. Солнечный свет приятно рассеивается по её кабинету, отражаясь в старинном зеркале. Слева от стола на резной этажерке фотография мужа, подписанная ей с любовью нежными словами – «*Моей доброй Ане от меня*». Она иронично и тепло улыбается, проговаривая про себя строки из стихотворения Александра Сергеевича о мгновении встречи, вспоминая о том, как впервые увидела² Фёдора Михайловича...

Голос одной из смотрительниц музея возвращает меня в реальность.

– Просила же не дёргать звонок! Говорим-говорим вам, что он настоящий,

---

¹ В 2021 году двукратный лауреат премии «Оскар» китайский режиссёр Хлоя Чжао сняла художественный фильм «Вечные», основанный на комиксах издательства Marvel. Сюжет фильма повествует о сверхлюдях, обладающих суперспособностями и отправленных с планеты Олимпия на планету Земля. Главным условием было их невмешательство в развитие человеческой цивилизации.

² «Достоевский сказал, что диктовать он сейчас решительно не в состоянии, а что, не могу ли я прийти к нему сегодня же, часов в восемь. Тогда он и начнёт диктовать роман. Для меня было очень неудобно приходиться во второй раз, но, не желая откладывать работы, я на это согласилась. Прощаясь со мною, Достоевский сказал:

– Я был рад, когда Ольхин предложил мне девицу-стенографа, а не мужчину, и знаете почему?

звенит тут со времён Достоевских, но нет, дёргают всё равно. Так он и не доживёт до следующего поколения!

Я чуть краснею, отхожу от двери и задумываюсь о вечности. Память человеческая, по-моему, самый неликвидный товар во Вселенной. Ещё два-три поколения – и трель аутентичного дверного колокольчика Достоевских стихнет навсегда?

Как сохранить в нас и в наших потомках желание и стремление познавать и чтить истории великих русских писателей, поэтов, художников или музыкантов? Как сможем мы адаптировать их произведения для клипового мышления людей будущего и гармонично встроить их слова/картины/музыку в мегацифровую реальность? Вы скажете, что слишком рано об этом думать. Возможно. Но мы не заметили, как перешли от стационарных домашних телефонных аппаратов до смартфонов, андроидов и айфонов. А ведь даже не прошло и пятидесяти лет?!

Но реальность возвращает меня к Достоевским. История жизни Фёдора Михайловича не может быть изложена кем-либо вне контекста любви. Ему посчастливилось родиться в семье, где любовь была частью мира людей. Маленький Федя был безмерно любим всеми, особенно матушкой и отцом.

«Я происходил из семейства русского и благочестивого. С тех пор, как я себя помню, я помню любовь ко мне родителей...»

(Достоевский Ф. М., Дневник писателя, 1873, XVI гл.)

Дедушка Фёдора Михайловича – Андрей Достоевский – был священником. Отца Достоевского ждала бы та же стезя, но вмешались обстоятельства. Михаил Андреевич Достоевский в 1802 году поступает в Духовную семинарию провинциального городка в Винницкой области. В 1809 году Александр I издаёт указ о дополнительном наборе в Императорскую медико-хирургическую академию лиц из духовных академий и семинарий. И Михаил Андреевич довольно успешно проходит отбор, что в корне меняет и его судьбу, и жизнь его близких людей. Если говорить современным языком, отец Фёдора Михайловича становится военным врачом. И, как вы понимаете, впереди война 1812 года и страшная эпидемия тифа.

Михаил Достоевский достойно служит, становится лекарем Бородинского пехотного полка, а затем достаивается и звания штаб-лекаря. В 1818 году его переводят в Москву ординатором в военный госпиталь. И вот здесь-то начинается история появления любви в жизни великого русского писателя Фёдора Михайловича Достоевского.

– Почему же?

– Да потому, что мужчина уж наверно бы запил, а вы, я надеюсь, не запьёте? Мне стало ужасно смешно, но я сдержала улыбку.

– Уж я-то, наверно, не запью, в этом вы можете быть уверены, – серьёзно ответила я. Я вышла от Достоевского в очень печальном настроении. Он мне не понравился и оставил тяжёлое впечатление. Я думала, что навряд ли сойду с ним в работе, и мечты мои о независимости грозили рассыпаться прахом...»

(Достоевская А. Г., Дневник, гл. 2, Знакомство с Достоевским, октябрь, 1866)

Мария Нечаева, дочь почти разорившегося во время войны с Наполеоном купца Фёдора Тимофеевича Нечаева, была представлена отцу писателя – Михаилу Андреевичу – его коллегой по военному госпиталю. Удивительный факт. Родословная Марии Фёдоровны со стороны матери тоже восходит к священническому роду. Родители писателя становятся не просто любящими людьми, они будут друзьями и единомышленниками касаясь всех житейских и семейных вопросов вплоть до скоропостижной смерти Марии Фёдоровны в конце февраля 1837 года. На тот момент ей было всего 36 лет.

Несмотря на условия жизни, а Достоевские-старшие тоже всегда жили в довольно стеснённых обстоятельствах, родители Фёдора Михайловича считали должным не просто любить своих прекрасных семерых детей, но и дать им достойное образование. Феденька учится читать по книге «Сто четыре священные истории Ветхого и Нового Завета». С раннего возраста он знаком с «Историей государства Российского» Карамзина, с романами Вальтера Скотта, с поэзией Жуковского и Державина. Возможно, многие удивятся, но Феденька мечтал стать поэтом. О поэзии он думал, как о жизненном пути.

Первые шестнадцать лет жизни Фёдора Михайловича будут наполнены радостью, открытиями, чтением, науками, невероятной искренней любовью и заботой всех домочадцев (родных, кормилиц, нянюшек, воспитателей) и, конечно, дисциплиной. Достоевский пронесёт любовь близких в себе на протяжении всей своей жизни. Но личное счастье и полноценная любящая семья будут дарованы ему только в последние годы жизни.

«Знайте же, что ничего нет выше и сильнее, и здоровее, и полезнее впрямь для жизни, как хорошее какое-нибудь воспоминание, и особенно вынесенное ещё из детства, из родительского дома. Вам много говорят про воспитание ваше, а вот какое-нибудь этакое прекрасное, святое воспоминание, сохранённое с детства, может быть, самое лучшее воспитание и есть. Если много набрать таких воспоминаний с собою в жизнь, то спасён человек на всю жизнь...»

(Достоевский Ф. М., Братья Карамазовы, 1878–80)

После смерти матери привычный мир Фёдора Михайловича исчезнет безвозвратно. Феденьке на тот момент было пятнадцать лет. Вдовец Михаил Андреевич примет для себя единственно верное решение – отправить старших детей учиться в Главное инженерное училище, военно-учебное заведение Русской императорской армии, располагавшееся в городе Санкт-Петербурге. Фёдор решению отца не противился, но Михаил Андреевич, зная, что Феденька тяготеет к литературе и поэзии и грезит написать роман о венецианской жизни, волевым решением рассматривает будущую жизнь старших сыновей только в единении с военной службой государю.

Фёдор Михайлович достойно исполнит сыновий долг, неизменно при этом оставаясь преданным своей мечте. Всё своё свободное время он будет посвящать изучению трудов великих литераторов и мыслителей. Мало кто говорит об этом факте, но Достоевский знал наизусть почти все произведения Александра Сергеевича Пушкина. И он был не просто начитанным и образованным

юношей, уже во время обучения в военном училище, Фёдор Михайлович будет работать над драмами «Мария Стюарт» и «Борис Годунов» и станет идейным вдохновителем организации литературного кружка в военном училище.

Мир Достоевского после смерти матушки меняется кардинально. Но через два года, в 1839 году, скоропостижно умирает и отец юноши, ещё не оправившегося от ухода матери. Выросший в любящей семье, знающий, каково это – быть любимым сыном, Фёдор останется и без семьи, и без возможности в любой момент вернуться в родные места и хоть на время стать частью любящего большого и дружного семейства. Одиночество Достоевского с того времени будет его постоянным спутником и тяжёлым бременем.

Ради памяти родителей Фёдор Михайлович успешно окончит военное училище и даже будет зачислен полевым инженером-подпоручиком в Петербургскую инженерную команду. Дослужившись до поручика, в 1844 году Достоевский подаст в отставку в стремлении реализовать свою главную и единственную мечту в жизни – стать писателем. Настоящая же любовь – важнейшая составляющая часть жизни человека – придёт в жизнь Фёдора Михайловича только спустя 20 лет и один неудавшийся брак.

За эти годы он станет достойным, почитаемым и ЧИТАЕМЫМ литератором, переживёт самую страшную трагедию своей жизни, связанную с петрашевским кружком, будет приговорён к смертной казни, пережив в тот момент невыразимые потрясения, и чудом останется в живых. О помиловании им государем в буквальном смысле будет объявлено в момент казни. Достоевский будет отправлен на каторгу, которая в корне изменит его отношение к миру.

Несмотря на жизненные обстоятельства, трагедии и испытания, Фёдор Михайлович сумеет сохранить в себе и нежность, и открытость, и любящее доброе сердце. И в 1866 году в возрасте 45 лет Достоевский встретит в лице любимейшей жены Анны Григорьевны Сниткиной то самое долгожданное счастье. Почти тридцать лет Феденька будет жить в надежде обрести утерянный в детстве дом и любящую семью. Анна Григорьевна и станет для Достоевского этим домом.

Их взаимная любовь, трепетное почитание друг друга и невероятная радость от возможности быть вместе вдохновят Фёдора Михайловича не только на сочинение «великого пятикнижия» и «Дневника писателя», но прежде всего на создание счастливейшей и любящей семьи. Благодаря этому Феденька сможет не сломаться внутренне в годы потерь и испытаний, не рассыпаться на мелкие претензии к миру и бытию и, безусловно, стать прекрасным отцом семейства.

И главное, остаться ВЕЧНЫМ, несущим в себе и своих словах Его любовь.

II

– Вы войдёте в книжный магазин, дождётесь своего экскурсовода и подниметесь в музей, а затем и в квартиру поэта. Иначе оказаться там невозможно. Нет обычной двери и звонка, понимаете?

Смотрительница музея-квартиры Иосифа Александровича Бродского даже не догадывалась, на какую параллель она нечаянно отправила человеческую мысль. Музей-квартира Бродского «Полторы комнаты» вернула меня к разсуждениям о вечных творцах.

Семья Иосифа Александровича была не так многочисленна, как семейство Достоевских. Но, к сожалению, жили они в сложное историческое время для России и пытались сохранить в тайне практически всю информацию, касающуюся родословной их еврейских семей.

Достоверно известно, что прадедом поэта по отцовской линии был Иосель (Иосиф) Шевелевич Свердлов, военный, служащий оружейником в лейб-гвардии Измайловского полка Российского Императора. В 1874 году в Кронштадте у него родится дочь Рахиль – будущая бабушка Оси. В двадцать четыре года она выйдет замуж за Израиля Янкелевича Бродского, владельца одной из питерских типографий³, родившегося в 1852 году. Разница в возрасте у них будет более двадцати лет. Был ли их брак заключён по любви? Неясно. Но именно сын Рахили и Израиля станет отцом будущего нобелевского лауреата.

Ося – единственный сын Александра и Марии Бродских – будет так же изначально одарён любовью родителей, как и Феденька Достоевский. Лишившись её, он так же будет всю свою жизнь жить в поисках этой любви. И так же, как и Фёдор Михайлович, Иосиф Александрович сможет обрести своё личное счастье и полноценную семью только за несколько лет до собственной смерти.

«Они почти не рассказывали мне о детстве, о своих семьях, о родителях или дедах. Знаю только, что один из моих дедов по материнской линии был торговым агентом компании «Зингер» в прибалтийских провинциях империи (Латвии, Литве, Польше) и что другой, с отцовской стороны, владел типографией в Петербурге. Эта неразговорчивость, не связанная со склерозом, была вызвана необходимостью скрывать классовое происхождение в ту суровую эпоху, дабы уцелеть...»

(Бродский И. А., Полторы комнаты, эссе, 1985)

Отец маленького Оси – Александр Израилевич Бродский – появится на свет в 1903 году. Его родители Рахиль и Израиль дадут сыну прекрасное воспитание и образование. До сих пор остаётся тайной, как именно их семья пережила падение монархии в царской России, как не подверглась гонениям со стороны советской власти, имея в арсенале их родных чистокровные еврейские корни? Но, к счастью, всё сложилось так, как сложилось.

Александр Израилевич станет признанным фотожурналистом. Во время Великой Отечественной войны он будет военным фотокорреспондентом Ленинградского отделения ТАСС, снимая хронику жизни блокадного Ленинграда и прорыва блокады. Отец Оси сможет завершить свою военную карьеру в Китае в 1948 году в звании капитана 3-го ранга Военно-морского флота СССР.

Мася, как ласково называл свою маму Иосиф Александрович, Мария Моисеевна Вольперт родится 17 июля 1905 года в семье Моисея и Фани Вольперт в Двинске (Даугавпилс). В 1918 году, опасаясь вторжения немецких войск в Двинск во время Первой мировой войны, семья Вольпертов

³ По другим данным биографов – Израиль Янкелевич был часовых дел мастером.

спешно покидает свой родной дом и уезжает в Санкт-Петербург. Мария Моисеевна, как и её муж, тоже была великолепно образованна. Она владела и точными науками, и несколькими языками: русским, французским, немецким, идиш.

Ося родится у них в 1940 году, когда Маше исполнится 34 года, а отцу Бродского – 36. Достоверных сведений о том, как познакомились родители Оси, почему он был единственным ребёнком и почему (по советским меркам) был рождён в таком позднем возрасте – нет. К сожалению, историю их любви, приведшую к браку и рождению великого русского поэта, Мария и Александр унесут с собой в мир иной под грифом «секретно».

«Время было послевоенное, и очень немногие могли позволить себе иметь больше чем одного ребёнка. Мне почти ничего не известно о том, как они встретились, о том, что предшествовало их свадьбе; я даже не знаю, в каком году они поженились...»

(Бродский И. А., Полторы комнаты, эссе, 1985)

Ося Бродский в отличие от Феденьки Достоевского не мечтал стать поэтом. Вы удивитесь, но он грезил военно-морской службой. Примером для него был путь отца – военного корреспондента, конечно же, по-мальчишески идеализированного Осей до полубога. И это закономерно. Иосиф рос в хроническом отсутствии отца дома. Почти до восьми лет Александр Израилевич был для Оси скорее героическим фантомом, чем живым обычным человеком. Но мечтам о военной службе Иосифа Александровича не суждено было сбыться. В 1954 году его попытка поступить во Второе Балтийское морское училище закончилась фиаско. Здоровье Оси не позволило стать ему морским офицером. И благодаря этому факту русская литература обрела в его лице талантливого поэта и эссеиста.

Путь в литературу Иосифа Александровича, как и Фёдора Михайловича, был тернист. Бросив школу в восьмом классе, юный Ося пробует себя в разных рабочих профессиях. И только в шестнадцать лет начинает делать первые неуверенные шаги в поэзии. «Бунтарь», «самоучка», «окололитературный трутень» – как только не оскорбляли Иосифа Александровича советские идеологи. Неуправляемый и неконтролируемый индивид должен быть причёсан по образу и подобию среднестатистического советского человека. Но Иосиф пишет. Самостоятельно изучает языки. Переводит. Общается с литераторами и поэтами-современниками. Преданно дружит с Анной Андреевной Ахматовой. И мечтает об одном. Обрести любовь.

Любовь для него должна стать панацеей, прививкой от серо-чёрного мира костюмов и равнодушных озлобленных людей, не живущих, а выживающих в форменно-советских реалиях. Любовь для него не что иное, как стремление обрести счастье, дом и любящую семью, дарованные ему в детстве. Любовь для него была единственно возможным доказательством присутствия Бога на земной поверхности.

И последующие годы для Иосифа Александровича – одинокого путешествен-

ника⁴ – станут не просто годами испытаний и преодолений, именно они приведут его к столь долгожданному личному счастью и обретению любящей семьи.

Принято считать, что страшный суд, которому Бродский подвергся на Земле, есть начало личного ада для Иосифа, но позвольте с этим не согласиться. По-моему, он обрёл его в 22 года, встретив Марианну Басманову. Осознание Бродским невозможности быть любимым ею – именно этот факт приводил его в отчаяние. Ничто, я повторю это, ничто не делало Осю вселенски несчастным, как это понимание, что его любовь к М. Б. безответна. Но, возможно, эта история была тем самым (несчитанным им) даром от Бога, дабы позволить Иосифу Александровичу смочь пережить непризнание, аресты, истязания в психиатрической клинике, суд, ссылку и, наконец, изгнание.

По его словам, не было ничего страшней того, что его любимая Марианна, его божество, может с такой лёгкостью предать его чувства и изменить с другом Иосифа. Все преследования пережить ему было гораздо легче, чем разрушение собственных представлений о преданной жене и, безмерно важного для поэта, – семье, как о защитной гавани творческого человека.

Одиноким, покинутым и изгнанным Иосиф Александрович (но, к счастью, состоявшийся и признанный за границей в профессии и призвании) на пороге своего пятидесятилетнего юбилея делится с друзьями мыслью о том, что, видимо, не суждено ему обрести личное счастье и полноценную семью уже никогда. Но ирония пространства оказывается, как всегда, на высоте. В январе 1990 года Бродский встречает прекрасную молодую итальянку русского происхождения – Марию Соццани. Девушка моложе Иосифа Александровича почти на 30 лет, влюбляет в себя русского поэта безоговорочно и навсегда. Юная студентка и заслуженный преподаватель долгое время пишут друг другу письма, потом вместе путешествуют и, наконец, в сентябре 1990 года женятся.

Ося никогда не был так счастлив, как во время своего брака с Марией. В возрасте 50 лет, на пять лет позже, чем Фёдор Михайлович Достоевский, он наконец-то обретёт своё самое сокровенное – любовь, преданную жену и настоящую семью. Через три года у Иосифа и Марии родится дочь. Ангелу Иосифа Александровича, спустившегося к нему с небес, дадут тройное имя, включающее оба имени родителей Оси – Анна Александра Мария Бродская.

Гений, бессмертный поэт, любящий и любимый муж и отец Иосиф Бродский уйдёт в возрасте 55 лет, обретя понимание и веру в то, что человек может здесь, на Земле, быть счастливым, несмотря на все пережитые трагедии и испытания.

И останется настоящим ВЕЧНЫМ, несущим в себе и своих словах Его любовь.

Как же сохранить в нас и в наших потомках желание и стремление познавать и чтить истории Вечных? Как адаптировать их произведения для клипо-

---

⁴ Эссе «Писатель – одинокий путешественник» И. А. Бродского было написано по-русски по просьбе газеты *The New York Times* в 1972 году и опубликовано в переводе Карла Проффера в воскресном приложении к ней – *Writer is a lonely traveller, and no one is his helper*. Машинопись русского текста сохранилась в нью-йоркском архиве поэта; в России эссе было впервые опубликовано в журнале «Звезда» № 5 за 2000 год.

вого мышления людей будущего и гармонично встроить их в мегацифровую реальность?

Думаю, просто. Любить их. Читать их. Декламировать их. Сохранять их наследие. Рассказывать о них нашим детям. Делиться каждому из нас своими открытиями о любимых Вечных творцах. Создавать авторские тексты или поэмы, позволяющие узнать Вечных в лицо и прочесть хотя бы один катрен или абзац их талантливых текстов или лицезреть их художественные полотна.

И, наконец, в будущем анимировать или экранизировать их в качестве наших Вечных – супергероев, спустившихся ради нас с Олимпии на Землю, преодолевших в своей земной жизни все предложенные испытания, обретших истинный дар – свою суперСИЛУ – и в итоге спасших (и до сих пор спасающих) нас!

Для начала несколько строк Википедии:

Поэтри-слэм (от англ. poetry slam – «поэтическое сражение») – творческое соревнование, во время которого выступающие поэты декламируют тексты собственного сочинения. Поэтри-слэм зародился в Чикаго в 1986 году. Американский поэт Марк Смит для популяризации поэзии вне академической среды решил положить конец скучным литературным чтениям, на которых поэт полностью игнорирует публику.

Возрастных ограничений не устанавливают. Но подобные выступления должны укладываться в заранее заданные временные рамки. Одной из задач поэтри-слэма является вовлечение публики в представление, потому именно зрительный зал и решает судьбу участников.

У нас в городе этот открытый поэтический турнир, который называется «Предназначено на СЛЭМ», проводится в рамках областного фестиваля «Томская книга» в зале областной библиотеки имени А. С. Пушкина. В роли ведущего как рыба в воде чувствует себя Юрий Татаренко – ныне новосибирец, а вообще-то бывший томич, победитель поэтических турниров в Красноярске и Томске, Севастополе и Коктебеле, пятикратный чемпион Новосибирского слэма.

Формат соревнования традиционный: три тура, три минуты каждому участнику, открытое голосование, отсев – 50 %. На сцене Пушкинки разворачиваются поэтические баталии. Поэты показывают не только уровень своего творчества, но и состязаются в манере его подать. Кто-то читает с надрывом, кто-то шёпотом, а кто-то распевает свои строки, перемещаясь по сцене, подчёркивая движением ритм. В течение трёхминутного выступления поэт может прочитать три-пять стихотворений на свободную тему, в зависимости от размера текста и скорости декламации. Главное – артистичность и эмоциональность подачи материала.

Голосуют, как всегда, сами зрители, поднятием руки – это непосредственная реакция, максимально личная, исключая какое-то воздействие со стороны. Победителями становятся три поэта, набравшие наибольшее число голосов в финальном туре.

«Отрадно, что томский турнир традиционно собирает опытных слэмеров и новичков. Слэм требует не только куража, но и багажа: для того, чтобы выступить в финале, нужно прочесть со сцены два десятка текстов, а это требует умения выстраивать программу по ходу соревнования. Поэтическая удача – когда сквозь быт прорастает бытие. Хочется, чтобы это происходило как можно чаще», – говорит Юрий Татаренко.

В состязаниях последних лет призёрами становились Ольга Бисюкова, Тарас Солонин, Егор Евсюков. В тройке победителей в позапрошлом и прошлом годах неизменно были Иван Иванов и Андрей Харламов. На последнем слэме их потеснил Егор Волощук. Именно эта тройка представлена в сегодняшней подборке журнала.

Владимир КРЮКОВ

Егор ВОЛОЩУК

НО ЧАС НАСТАЛ – ПОРА РАСПРАВИТЬ КРЫЛЬЯ

МЫ ВЫРОСЛИ

В бесконечно пустом и холодном пространстве
Под лучами бесчисленных призраков-звёзд
Продолжает своё одинокое странствие
Без руля, без штурвала и даже колёс

Наша хрупкая, нежная кроха-планета.
Столь уютный, но тесный и маленький шар
Голубого, щемяще-родимого цвета
Пожирает голодный и жадный пожар!

Будто жемчуг на тоненькой нити орбиты,
Скорлупой-атмосферой укрыта от бед,
Предоставила нам и покой, и защиту,
Не прося ничего ни взамен, ни в ответ.

Колыбель человечества – только пылинка!
Посмотрю на соседей: все тёзки богов.
Человек – головастик, планета – икринка.
Головастик икринку покинуть готов!

Мы взрослеем, и тут нам становится тесно.
Нам пора! Так птенец покидает гнездо.
Приготовьте ракеты, займите в них кресла.
«В добрый путь!» – напоследок послышится стон.

Где-то там, в этой чёрной космической бездне,
Нам удастся и опыт, и мудрость найти.
О Земле сложим сказки, придумаем песни,
Наша Родина будет стучаться в груди.

Колыбель с каждым годом теснее и меньше,
Нас уже лихорадит от грязи и войн!
Нам пора уходить, но, я верю, в дальнейшем
Мы взрослей и мудрее вернёмся домой!

ТЕМНЕЙ ВСЕГО ПОД СВЕТОМ ФОНАРЯ

Темней всего под светом фонаря.
Но я, как мотылёк, лечу на пламя,
Пока ночные тени, оживая,
Пытаются остановить меня!

Звук крыл пронзит полуночную тишь.
И ветер засвистит сигнал тревоги.
Мне говорили, я один из многих,
Кричали вслед: «Куда, дурак? Сгоришь!».

Глядите, я лечу из тьмы на свет!
Огонь пылает в зеркале фасеток!
Пуускай философ спорит с профурсеткой,
Я для себя давно нашёл ответ.

Мне так знакома, так привычна ночь,
Но час настал – пора расправить крылья.
Бояться света – оставаться пылью,
И вот из темноты лечу я прочь!

Темней всего под светом фонаря,
Ведь что там, я не знаю, и вслепую
Упрямо этот свет из тьмы штурмую.
Никто не в силах удержать меня!

«Второй Икар» – пророчила мне ночь.
Я больше не хочу блуждать во мраке.
Быть может, сгину в яростной атаке,
Но сам себя сумею превозмочь!

МЫС ГОРН

На юг! Южней! Ещё южней!
В пролив, где бьются океаны!
К могиле сотен кораблей
И горю сотен капитанов!

Мыс Горн, ты страх и ты мечта!
Восторг и ужас для матроса.
Одним надгробная плита,
Приют седому альбатросу.

Покуда ветер снасти рвёт,
Вгляжусь в голодный мрак пучины.
Увижу призрачный обвод,
Фигуру на носу в морщинах,

Изорванные паруса
И патину на старых пушках.
Тут ослепит меня гроза!
От грома вдруг заложит уши!

Мгновение! И только Горн
Концом дьявольского рога
Торчит среди тяжёлых волн.
Здесь не найти другого бога.

Кто огибал мыс Горн хоть раз,
Тот слышал крики в шуме ветра:
«Курс левентик! Меняйте галс!
Назад дороги больше нету!

Клянусь, что не найду приют,
Не миновав пролив проклятый!
Готов я встретить Страшный суд
В неистовых пятидесяти!».

«Да будет так, гордец. Плыви! –
Раздастся гром ему ответом. –
И не видать тебе земли,
Не передать семье привета,

Пока не грянет Страшный Суд!».
Прошли года, а он всё тут,
Опять штурмуется гребни волн
Корабль-призрак мыса Горн.

МОРЕ

Ты видел когда-нибудь море,
Его бесконечную гладь?
Там запахи йода и соли,
Там волны стремятся обнять
Тончайшую нить побережья!
Так жадно. Так злобно! Так нежно...

Ты слышал когда-нибудь море?
Те песни, что шепчет прибой?
Мелодию счастья и горя.
В ней есть и мятеж, и покой!
В ней встреча, и в ней же разлука
Сплетаются кружевом звуков!

Когда-нибудь чувствовал море?
Без разницы – ласку ли, гнев.
Его глубину и просторы!
В объятиях ли разомлев,
Страшась ли безжалостной силы!
Скажи мне, оно ведь красиво?

ГЛУБИНА

Легко набрать кувшин воды,
Сложнее вычерпать всё море.
Где первый кромку лишь затронет,
Другой дойдёт до глубины.

Горстями черпай! Пей взахлёб!
Солёный привкус – пот и слёзы.
Там в глубине сияют звёзды!
И много кто за них утоп.

Будь осторожен. Не наглей!
Ведь берег крут, легко свалиться.
Там под водой бледнеют лица
Стоявших здесь до нас людей.

Глубины манят за собой!
Чем больше пьёшь, тем выше жажда!
С ней может справиться не каждый,
Один глоток – прощай, покой!

Легко набрать кувшин воды,
Сложней всего остановиться!
Из всех испивших единицы
Уйдут долой от глубины.

Иван ИВАНОВ

НЕ ВЫСТАВЛЯЯ ВЕРНОСТЬ НА ПРОДАЖУ

* * *

Нет, Лиличка... Он больше не придёт...
В прихожей вашей бас не прогрохочет.
Сейчас апрель... На реках тает лёд,
Дни всё длиннее и короче ночи...

Он словно высечен был из гранитных глыб,
Сплетён из пряжи рельсовых узоров.
Ему уметь бы сглаживать углы б,
Но слишком твёрдым оказался норов.

Он мог оркестр собою заменять,
Вой медный труб и грохот барабанный!
Стихи металлом сплёвывал в тетрадь,
Строк грубоватых скульптор филигранный.

А вам свезло узнать его иным,
Распятым на привязанности к музе,
Любовью к вам истрёпанно-больным,
Пленённым в этом тройственном союзе.

И были вы, не стоя ни гроша,
Чудовищем в его стихах воспетым.
Вы были счастливы, салонная душа,
Обзаведясь своим ручным поэтом?

Нет, Лиличка... Он больше не придёт...
Ваш слух отвыкнет от его набата.
Сейчас апрель, на реках тает лёд...
Лубянка стала точкой невозврата...

* * *

Целуй его за всех,
Не отданных войной.
Дари ему свой смех,
Вновь мир ему открой.

Прости ему те дни,
Что отданы боям.
Тропинки протяни
К отеческим дверям.
Пороховую вонь
Смой утренней росой,
Вручи ему гармонию,
Пусть пьяный и босой
Он будет хрипло петь
Иль плакать...
Не поймёшь...
Не дай ему сгореть,
Ведь память не пропьёшь.
И будет она бить
По снам и песням век,
А ты должна любить!
Спасать!
Он – Человек.
Войной испепелён
И поднят на щите.
Но в тишину влюблён
И в краски на холсте...
Он ненавидит сталь –
В ней слишком много пуль.
Он проливал хрусталь
В небесную глазурь.
Целуй его Женой
И Матерью целуй!
Герой больной войной –
Лишь к ней его ревнуй.
И от неё спасай,
Обняв его в тиши...
Солдат – дитя в венце
Израненной души...

* * *

Хозяин, ты зачем полез на табурет?
И поводок на крюк зачем приладил?
Тебе ведь, дураку, шестой десяток лет!
Артрит, давление и ревматизм, будь он неладен!

Аууу! Ты слышишь меня, чёртов скалолаз?!
Ведь сердцем чую, навернёшься на пол!

А носом чую – не закрыл ты газ!
И чем-то красным ванную закапал...

Ты лучше слезь и мне скажи, обидел кто.
Порву на мелкие клочки любого гада!
Я без тебя – унылое Ничто
И рук твоих тепло – моя Награда...

Что, вновь ушла единственная в ночь?
И бытовуха встала поперёк гортани?
И сам себе не в силах ты помочь?
Ты из-за этого решил дойти до Грани?

Ну и дурак... А с кем останусь я?
Опять на улицу? В январь? К замёрзшим лужам?
Тогда и мне, родной, нужна петля...
Если тебе не нужен я, то и себе не нужен...

Спускается? Ну вот и хорошо.
Обнял, слезами в шерсть нырнул и что-то шепчет.
Да его время просто не пришло...
Мы будем вместе... Станем твёрже, крепче...

Взгляну в окно на полную Луну.
Почти 12... Небо всё темнее...
Уткнусь в ладони носом и вздохну:
«Пойдём гулять... Тебе оно нужнее...».

* * *

По бокалам спрятано
Лёгкое вино,
Сентябрём врывается
Улица в окно.
А в прихожей теплится
Звонкое «Привет!»,
Лепестков здесь парочку
Приютил паркет.
Мыло пахнет мятой,
Пахнет счастьем час.
И слегка запутанным
Будет твой рассказ
О мирах прочитанных,
О ветрах дорог,

О свершённых таинствах
Автостопных строк.
Захмелев отчаянно,
Вспыхнешь, словно мак,
Плечи неприкаянно
Кутая во мрак.
И, бессвязным шёпотом
Утонув в плече,
Станешь мягким золотом,
Мотыльком в свече.
Ты не будешь грешною.
Стыдно? Ну и что?
Но висит на вешалке
Не моё пальто...

* * *

Нам научиться б по-собачьи выть,
Луну зрачками по ночам вбирая...
Сливаясь с небом без конца и края,
В потоке ветра по течению плыть.
Нам бы уметь любить, а не желать,
Не выставляя верность на продажу.
Былых ошибок сбросить бы поклажу
И вновь уметь прощаться и прощать...
Нам вечность априори не дана!
Так почему же под обид давлением
Мы упиваемся, как ядом, озлобленьем,
Из нашей речи выжигая имена?
Нам бы расслышать красоту дорог...
Нам бы увидеть дымный ветра запах...
Растаяв снегом на кошачьих лапах,
Весной пролиться на родной порог.
Друзей бы находить не во хмелю,
И смысла в поисках не прибегать к стакану.
Впускать свободу в душу не по плану,
И в будни не влезать, будто в петлю.
Нам так хотелось бы...
Жилось...
И пелось бы...
Сквозь тернии дорога не пугает!
Да может мы владыки собственной судьбы...
Но так по-человечьи «бы» мешает...

* * *

Дельфины дельфиновой масти,
Орфеи печальные моря
Всё реже клокочут о счастье,
Всё чаще рыдают о горе.

Поют они горькие гимны
О том, какво быть трофеем,
Став в чьей то системе повинным
В том, что оказался слабее.

О том, как в сетях неуютно,
О сотнях украденных вдохов,
Теряемых сиюминутно
Во имя двуногих пороков.

Но мы прячем души под крыши,
Никто с нас за это не спросит.
Вновь делаем вид, что их слышим,
Но лучше б не слышать их вовсе.

Глуха человечья природа.
Как Мёртвое море, спокойна,
Ведь легче, когда веришь твёрдо,
Что мясу не может быть больно.

Дельфиньей агонии тщетность,
Разорванной в клочья свободы,
Безвольно всплывёт на поверхность,
И алым окрасятся воды.

Венец эволюции лестниц,
Вновь распорядившись финалом,
Прервёт надоевшие песни
Меж рёбер гарпунным ударом.

По падшему плакаться поздно,
Ему уж не станет больнее.
Сглотнёт океан эти слёзы
И станет чуть-чуть солонее.

* * *

Я свяжу себе шапку из конопли
И куплю носки с Микки-Маусом.
Моей шхуне обрыдло сидеть на мели,
Она жаждет полётов под парусом.

Я начну мелким почерком письма писать
На алеющих листьях кленовых.
Мне дурацкий дан дар – я умею мечтать,
Мне уютней в кругу бестолковых.

Обещаю, что выучу птичий язык,
Буду сойкам рассказывать сказки,
И творить только то, к чему я не привык,
Ночь марать в автостопные краски.

Я мечтаю, найдя меня ждущий порог,
Горсть июней достав из кармана,
Ленты пройденных мною счастливых дорог
Заплести в кудри цвета каштана.

Примирившись с усталостью прожитых лет,
Покрошив воробьям мякиш хлеба,
С той уйду, в чьих глазах мне был виден рассвет,
Босиком в петербургское небо...

Андрей ХАРЛАМОВ

ВРЕМЯ ПОЭТОВ

ОН ХОДИТ ПО ОБЛАКАМ

Он ходит по облакам,
И думает, что ей скажет.
Всю жизнь отдавая ролям,
Он смерти не понял даже.

Она сидит на краю,
И, ноги с облака свесив,
Смеётся, смотря в зарю,
Поёт весёлую песню.

Он тихо к ней подойдёт
И молча присядет рядом.
И давней обиды лёд
Растает от встречи взглядов.

У них не будет причин
Болезнь от ножа разлук.
«Смотри, там внизу наш сын,
И рядом бегают внук...».

СОБАКА ПО КЛИЧКЕ ТОСКА

Собака по кличке Тоска
Пытается съесть свой хвост,
Кусает себя за бока
И воет, напившись слёз.

Клочками на шкуре шерсть,
И крови сухой следы.
Всю боль её не перечесать,
Как в океане воды.

Её не усадишь на цепь,
Она не слышит команд.
И норов её свиреп,
В глазах настоящий ад.

Собака по кличке Тоска
Живёт у меня внутри,
Пока я учусь отпускать
Потери своей любви...

БЕССМЕРТИЕ

И мы скажем, что выжили
На краю у могилы,
В переломанных хижинах,
На заточенных вилах.

На земле, что разорвана
На клочки, как бумага,
В нас остались все органы,
Крови липкая влага.

Всё рассветом окрасится
После длительной ночи.
Ты в красивое платье
Оденешься точно.

Я возьму тебя за руку,
Ты в ответ улыбнёшься.
Знаем мы всю механику,
Что любовью зовётся.

Только в ней есть бессмертие,
Только с нею не страшно.
От её милосердия
Рухнут стены и башни...

ВРЕМЯ ПОЭТОВ

Если б стих мог забраться в дуло винтовки
И не дать из неё стрелять,

Заменял все запалы в боеголовках
На исписанную тетрадь,

Застревали бы в вязкой гуще чернильной,
Потеряв остроту, клинки.
И сражались бы рифмой слабой и сильной,
Не сжимая свои кулаки.

На земле бы настало время поэтов,
Создающих живую строку.
И пока меня носит эта планета,
Приближаю его, как могу...

ДАВАЙ ПОГОВОРИМ О МОРЕ

На небе говорят о море,
А на Земле – всё о войне.
А на Земле – лишь море горя,
И ищут истину в вине.

И чья вина здесь – непонятно,
Никто не говорит: «Прости!».
Кровавая идёт здесь жатва,
И ей размыты все пути.

И больно, больно, больно, больно.
Избиты души и тела.
Кто сделал нас игрой настольной?
По ком звонят колокола?

Давай поговорим о море,
Здесь и сейчас, пока живём.
Не будем, друг, с тобою спорить,
И с верой в этот мир умрём...

МЫ КРУЖИМСЯ В ТАНЦЕ

Мы кружимся в танце,
Прижавшись друг к другу.
Как пара испанцев,
Как снежная вьюга.

И смены мелодий
Мы не замечаем.
Плевать на погоду,
На ветки с грачами.

Создатели ритма:
Рисуем, стираем.
Все двери открыты,
И нет больше тайн.

Мы кружимся в танце,
Мешая день с ночью.
С обложки на глянце
Глядят отец с дочкой...

ДОЖДЬ В ДЕКАБРЕ

Дождь в декабре
Пришёл в сибирский город
Разнообразить новогодний стол.
И на стекле,
Что должен красить холод,
Вода с небес играет рок-н-ролл.

Ей подпеваает
Беспокойный ветер,
Цепляя всё, что видит на пути.
Как волчья стая,
Оставляя петли,
Чтобы потом их не смогли найти.

Уходит год
Под жуткие фанфары,
Пытаясь что-то людям донести.
Среди болот
Всё крутится сансара,
И жизнь всё так же – прячется в горсти...

А ПОЕЗД МЧИТСЯ СКВОЗЬ СНЕГА

А поезд мчится сквозь снега,
Везёт блуждающие души.
В вагонах вечный шум и гам,
И весь его не переслушать.

И знает только машинист,
Что сын его в хвосте состава.
Непримечательный турист,
Тот, что не ищет в мире славы.

Есть человек и стук колёс,
И огоньки во тьме мелькают.
Багаж, что он с собой принёс,
Был с ним в аду, но полон раем.

На каждой станции сходя,
Он ждёт звезду, что ярче солнца.
Это начало его дня,
Что в каждом сердце отзовется...

Владимир Козубов

рассказы

РОКИРОВКА

Рокировка (франц. roquier – рокировать, от roc – шахматная ладья), в шахматах – одновременное передвижение (перестановка) короля и ладьи с их начальных положений (король – через одно поле влево или вправо, ладья – на поле, через которое передвинут король). Термин «рокировка» употребляется также в значении перемены, перестановки (например, рокировка в политике).

Современный энциклопедический словарь

Взгляните, вот портрет, и вот другой...

Шекспир У., «Гамлет»

Эту забавную историю рассказал мне мой двоюродный братишка Серёжа Горжий. А случилась она с его знакомым Виктором.

Герой нашего повествования, Виктор, работал шофёром и был парнем бывалым, как, в общем-то, практически и все водители. И это неудивительно, ведь водитель – профессия, что ни говори, рисковая. Водитель довольно часто остаётся один на один с окружающей действительностью, и случись что в дороге, особенно зимой – тут надо действительно иметь недюжинную волю к жизни, такую же, как у героев рассказов замечательного писателя Джека Лондона, чтобы выйти победителем в схватке с Судьбой. И у Виктора, ввиду его молодости и некоторой бесшабашности, в большинстве случаев получалось ловко обходить все ловушки, которые ему расставляла жизнь. Ну а если и случалось пропустить некоторые удары, то произошедшее Виктор воспринимал философски и не роптал. Словом, это был нормальный парень, уверенно идущий по жизни. Вернее, едущий – шофёр ведь.

Внешне Витёк очень походил на одного из музыкантов знаменитого когда-то ансамбля «Песняры»: густые волосы до плеч, закрывавшие уши, и усы подковкой. Если одеть его в вышитую рубаху, дать ему какой-либо струнный инструмент и поставить рядом с песнярами – зритель и не заметит подставы. Потому как Витёк будет очень органично смотреться с прославленными музыкантами. Хотя, конечно, единственные музыкальные звуки, которые Виктор мог извлечь, это были звуки клаксона его автомобиля «УАЗ-452Д», или просто «уазика». Свой «уазик» Виктор любил. Любил скупое, по-мужски, не высказывая «телячьих нежностей». Ну любят иные водители сюсюкать насчёт своих авто: моя ласточка, лошадка и прочее. Нет, единственное, что иногда позволял себе Виктор, это грубовато похлопать по корпусу автомобиля и уважительно произнести: авто. И потому, когда ему на своём авто случилось как-

то аварийно съехать в кювет (причины этого мы оставляем за страницами данного повествования) и серьёзно помять правую сторону кабины, Витёк не счёл нужным ставить перед руководством вопрос о замене дверки, а самолично произвёл ремонт и устранение последствий аварии. Ну, не сам, конечно, в полном смысле этого слова, а с помощью знакомого «костоправа», Витёк смог в полной мере восстановить внешний вид своего железного коня. Да так искусно, что на первый взгляд со стороны и не заметишь, что авто побывало в аварии. И только небольшую щель между дверкой и кузовом, в самом низу кабины, ликвидировать не удалось, там сложная конфигурация. Не получилось обеспечить первоначальную герметичность, как ни бились ребята над проблемой. Но, в конце концов, что такое небольшая щель в кабине? Да не очень и важно. Конструктивно двигатель, источник движения и заодно тепла, находится в кабине, что зимой как бы несколько нейтрализует поступление холодного воздуха в кабину через ту самую чёртову щель. В общем, соблюдался некоторый паритет, оптимальный баланс между отрицательными и положительными температурами. Тем более что Виктор, уезжая в очередной рейс, особенно в зимний период, всегда одевался достаточно солидно: короткий овчинный полушубок, пыжиковая, видевшая виды шапка и добротные унты. Унты, мало того, что согревали ноги, но ещё и придавали некоторый шик водителю, делая его немного похожим на пилота полярной авиации. Так что экипировка Виктора вполне соответствовала зимним дорогам Степного Алтая. До поры до времени. До той самой поры, пока однажды не выпало Виктору выехать в командировку в город за получением некоего груза. Да не одному ему ехать, а совместно с экспедитором, Максимом. Ребята друг друга хорошо знали, поскольку работали в одной организации и частенько выполняли совместные задания начальства.

Витёк и Максим даже внешне немного походили друг на друга, Максим тоже носил усы, но небольшие, аккуратные. Поскольку работа экспедитора предполагает контакты с многочисленными людьми, от которых иной раз в большой степени зависит выполнение командировочного задания, то и одет Максим был несколько по-другому. Не без щегольства: ладная зимняя курточка, в меру потёртые джинсы, модные туфли. Дополняла одежду пышная шапка из шкуры лисы-огнёвки. Известно, по одежке встречают. Тем более что в среде товароведов и вообще работников складского хозяйства большой процент составляют женщины, то, само собой понятно, имелся прямой смысл немного пофорсить. Ибо, что греха таить, случается в командировках, как гласит народная мудрость, иной раз так есть захочется, что переночевать негде. Но если ты молод, внешне выглядишь браво, улыбчив, к месту вставляешь шутку, словом, обаятелен, то возникающие проблемы решаются намного легче. В том числе и с романтическим ужином. Да.

Так вот, выехали наши друзья ранним утречком, навстречу только-только поднимающемуся багровому зимнему солнцу. Мотор гудел ровно, лобастый «уазик» упрямо таранил встречный морозный воздух. Дорога без сопротивления ложилась под колёса – ещё не настало время воющих метелей, с лёгкостью перемещающих десятки тонн снега и способных в одночасье наглухо перекрыть путь любому транспорту.

Пейзаж Степного Алтая не балует путешественника особыми красотами. Географически это степная зона, безо всяких особых возвышенностей и низменностей, разбитая на прямоугольники полей лентами лесопосадок, часть из которых посажена ещё во времена оны. В годы того самого тоталитаризма. Была такая концепция – разбивать лесополосы, способствующие задержке весенней влаги, столь необходимой бесчисленным сельскохозяйственным угодьям в засушливый год, и не дающим особо разгуляться буйным ветрам на степных просторах. Полосы эти сажали тогда преимущественно из клёна, тополей и яблонь-дичков. Эти лесополосы также давали приют бесчисленным птицам, в том числе и хищным, зорко контролировавшим многочисленное поголовье мышей и сусликов, этих извечных врагов урожая, не давая выйти ему за разумные пределы. Здесь же находили приют зайцы и пережидали непогоду лисы и корсаки. Позднее стали практиковать более культурные посадки: в середине берёза, по краям – облепиха, а окаймляла лесополосу чёрная смородина. И это было очень верное решение, потому как такая лесополоса, кроме своей основной задачи, ещё давала крестьянам и ценные ягоды. И, как сейчас бы сказали, был ещё один бонус – в таких лесопосадках очень хорошо произрастали грибы, в иные годы их собирали мешками и вывозили телегами. А ещё проезжающему путнику встречались колки – различной величины массивы березняка вдоль извилистых мелководных речушек, в которых воды в середине лета – воробью по колено, а также у небольших степных озёр, в которых в изобилии водится самая распространённая рыба Алтая – карась. Лишь ближе к границе с Горным Алтаем березняки становились гуще и обширнее, и вдобавок появлялись ленточные сосновые боры. В общем, летом глаз путника немножко радуется изумрудная зелень колков и лугового разнотравья, полей колышущейся волнами пшеницы, золотистых подсолнухов и стоящей зелёной стеной кукурузы.

Но то – летом. А вот зимой... Зимой поездка уныла, монотонна, как скучная лекция, ибо не за что зацепиться глазу путешественника: вокруг только белая равнина, пересечённая тёмными полосками оголённых лесопосадок, да серое полотно дороги, если оно не переметено снежными сугробами. В общем, такая поездка навеивает дремоту и скуку. И единственный способ скрасить поездку – это беседа с напарником. Вот этим и развлекались Витёк с Максимом, перескакивая с темы на тему и вновь возвращаясь к ранее говоренному, обсуждая всё, к чему они имели отношение, равно как и то, к чему не имели. А что ещё делать в дороге? Ну не курить же сигарету за сигаретой, хотя и это присутствовало.

Так за разговорами незаметно шло время, оставались позади десятки километров дороги, и вроде бы ничего не нарушало относительного комфорта езды, но у Максима начала постепенно мёрзнуть правая нога. Да, та самая проклятая щель таки дала о себе знать. Холод, пробивавшийся снизу в кабину, обволакивал щегольскую обувь Максима, и пальцы правой ноги начали ощутимо мёрзнуть. Максим, насколько это можно было, переместил ноги влево, потом скрестил ноги, прижав правую поближе к тёплому кожуху двигателя, но это мало помогало, да и не высидишь долго в такой позе, ибо теперь начала мёрзнуть левая нога. Постепенно, вслед за мизинцем, начали мёрзнуть и

остальные пальцы. Максим перебирал ногами, словно застоявшийся боевой конь при звуках полковой трубы, пробовал шевелить пальцами на ногах, но холод медленно и упорно продолжал творить своё коварное дело. Левая нога окончательно застыла, и Максим не выдержал:

– Витёк, чёрт тебя поberi с твоей кабиной! Нога правая совсем замёрзла. Дует снизу сильно. Когда кабину сделаешь нормально?

Витёк осуждающе цокал языком, покачал головой, сдвинул шапку на затылок.

– Ты так, Максим, говоришь, как будто я первый день за рулём. Да хрен там что сделаешь! Надо порог кабины вырезать и кусок кабины, новый вставлять. А где его сейчас возьмёшь? Не так просто. Обещали ребята достать. Но когда это будет? Ты шевели ногами, Макс, разгоняй кровь...

– Скажешь тоже! Умный ты, Витёк! Да я всё время шевелю пальцами, а толку? Маршировать мне, что ли прикажешь? Может быть, мне проще за машиной бежать? Чтобы кровь разогнать? Я же до Барнаула задубею совсем... – продолжал сетовать на судьбу Максим.

– Эх, Макс, проблемный ты мужик! Вот скажи мне, какой идиот едет зимой в командировку, обутый в летние туфли? Неправильно говорят, дескать, форс мороза не боится. Боится форс мороза. Это вон по тебе видно. – Витёк неодобрительно покосился на Максима.

– Ну, ты даёшь, Витёк! Какой такой форс?! И что ж мне, одеться, как почтальону Печкину, брезентовый плащ накинуть, дырявый треух да кирзачи с портянками?

– Ну, кирзачи не кирзачи, а всё ж таки что-нибудь посущественней обувь надо было в дорогу. Ботинки тёплые, например. Зима ведь у нас. Ты не забыл?

– Да ладно тебе юморить, – буркнул Максим. – Тоже мне Петросян нашёлся.

Витёк благоразумно не поддержал навязываемую ему Максимом дискуссию, а замолчал, обдумывая сложившееся положение. И впрямь, получалось как-то не очень. Не по-товарищески получалось. Ему, водителю, комфортно ехать, он одет в овчинный полушубочек, на ногах – добротные унты, а вот его пассажиру и как бы старшему по командировке, приятелю Максиму, докучает холод. И как ни крути, а всё-таки есть тут его, Виктора, вина. За автомобиль ведь он отвечает, следовательно, и за комфорт пассажира – тоже. А Максима, видать, прижимает нешуточно, раз у него настроение начало портиться. Проблема требовала решения, а оно, как назло, не приходило на ум. А ехать ещё ой как далеко! Тряпками, что ли, заткнуть эту проклятую щель? Да как-то несолидно, хотя на крайний случай сойдёт, поискать надо под сиденьем обтирочную ветошь, и пусть Макс с помощью отвёртки законопатит. Правда, всякий раз после остановки придётся вновь конопатить, но как вариант годится. И на этом фантазия Виктора начала пасовать.

Однако Витёк, крепко сжимая в руках баранку и давя на газ, напряжённо продолжал думать. И не бесплодно! Нужное решение пришло как-то вдруг, таким высверком молнии. Без всяких там ассоциаций, аллюзий и перебора бесчисленных вариантов, коими так любят обставлять мыслительный процесс интеллигенты. Решение это выглядело логичным и красивым. И тем более – простым, не затратным, а потому выполнимым. Прямо здесь и сейчас.

Витёк заулыбался и, сбавив скорость, прижался к обочине, заглушил мотор и весело окликнул Максима:

– Эй, Максим, чо приуныл? Совсем залубенел, экспедитор? Да не сиди ты буклой, выход есть. Как говорится, для милого дружка – и серёжку из ушка. Щас решим твою проблему!

– Ну... – буркнул Максим, не врубаясь в ситуацию.

– Баранки гну! – заржал Витёк. – Гляжу, ты действительно задубел. И вдобавок ещё не только ноги, но и мозги застыли – ваще не врубаешься, кореш. А мы с тобой сейчас что? А мы сейчас с тобой рокировку сделаем.

– Какую ещё рокировку? – недоуменно вытаращил глаза Максим.

– Какую-какую... Точно, у тебя мозги застыли, как холодец. Медленно соображаешь, – ухмыльнулся Витёк. – У нас ведь с тобой, Макс, один размер обуви? Один. Вот тебе и условия для рокировки. Так что скидывай свою правую туфлю, а я тебе свой унт отдам. У меня-то правая нога возле двигателя. Ей тепло. А тебя от холода мой унт защитит. И будет всё в ажуре.

До Максима наконец дошло. Он заулыбался, подняв ногу, проворно снял и передал правую обувку Виктору, получив взамен мохнатый и тёплый унт. Помял застывшие пальцы ноги, согревая их, затем погрузил ногу в тёплое нутро зимней обуви.

– Вот это кайф! – лицо Максима расплылось в довольной улыбке. Как в раю нога!

– А то! – самодовольно хмыкнул Витёк, притопывая правой ногой, приравливаясь к новой обуви. – Унты – они и в Африке унты.

– А кому они в Африке нужны? – полюбопытствовал повеселевший Максим. – Неграм, что ли?

– Неграм не нужны, – покладисто согласился Витёк, – это просто присловье такое. Фигура речи. Ну, чо, погнали дальше?

И наши командированные путешественники «погнало дальше». Теперь, когда благодаря рокировке температурный статус-кво в кабине восстановился, и Максим почувствовал себя веселей. К нему вновь вернулось хорошее расположение духа. Унт исправно грел правую ногу, она уютно покоилась в тёплой обуви. И напрасно встречный морозный воздух, настырно протискиваясь в щель между дверцей кабины и корпусом, пытался понизить градус – унт успешно отражал атаку. Ещё бы! Унты – это вообще незаменимая вещь в холодное время года. В былые времена, когда в самолётах были неотапливаемые, а то и вовсе открытые кабины, именно такая обувь, как унты, и делала возможными полёты на больших высотах, где, как известно, очень низкие температуры. Ведь лётчик – не кочегар на паровозе, который постоянно в движении, кидает уголёк в топку паровоза, и потому не мёрзнет, лётчик сидит неподвижно за штурвалом, и потому тёплая обувь ему жизненно необходима. Впрочем, как и водителю автомобиля – если кабина холодная. Примерно такие мысли занимали Максима, и он уже начал подумывать: а не приобрести ли и ему унты? А что? Ведь приходится ездить зимой на дальние расстояния, и мало ли что может случиться в дороге? Вот как сегодня. Да и вообще, вдруг машина сломается в пути? А морозы в Сибири – будь здоров! Не пофорсишь шибко при ледящем ветерке – мигом

душу выдует. Враз замёрзнешь в щегольской обуви. Да, над приобретением унтов стоит подумать...

Эти практичные, здравые рассуждения Максима были вдруг прерваны предложением Виктора:

– Слушай, Макс! Сейчас по дороге будет большая заправка, бензин надо залить. А там же есть и столовая. Может, заодно и мы подзаправимся, перекусим горяченького? Ты как, не против?

Максим был очень даже не против, и Виктор, включив правый поворот и сбросив скорость, начал подруливать к автозаправке, нацеливаясь на свободную бензоколонку. Аккуратно притерев машину к колонке, Виктор молодецким скоком выпрыгнул из кабины, натренированным движением вставил дуло заправочного пистолета в горловину топливного бака. Затем, на ходу доставая и отсчитывая деньги, направился к кассе автозаправки. Присутствовавший на заправке народ, разом забыв свои дела, с неподдельным интересом уставился на шагающего Виктора, переглядываясь и недоуменно пожимая плечами.

Что за клоунада такая? Или это есть самый писк столичной моды, доказавшийся до нашей глубинки? У них там, в столице, иной раз такое выдадут, что хоть стой, хоть падай. Как то было у них модным делом держать во рту детскую соску-пустышку, то на танцы стали приходить в рваных на коленях джинсах. Не то чтобы в старых и потрёпанных, нет. Специально новые джинсы увечат и в таком виде щеголяют. А по телику иной раз таких экземпляров показывают – содрогнуться от ужаса можно. Это же надо – так себя уродовать! С раздвоенными языками, с растянутыми чуть ли не до плеч мочками ушей, с пластмассовыми дисками, вставленными в нижнюю губу, с татуировками на всё лицо, с кольцами в носу. Какие-то заклёпки в кожу лица вставляют. Пирсинг называется. В общем, кунсткамера какая-то. И ладно бы, если бы это были какие-то аборигены африканские или австралийские. Они нецивилизованные, и понятия о красоте у них свои. Да и тёплый климат позволяет им носить кольца в носу. Суровый же сибирский климат кольцо в носу как украшение исключает напрочь из-за насморков. У нас же разве что свиньям вставляют металлические кольца в рыло, чтобы не подрывали устои и не расшатывали скрепы свинарника.

Так что к африканцам или австралийцам нет никаких претензий. Они имеют право украшать себя как им вздумается, и одеваться по своему разумению. Пусть и несколько странным для нас образом. А вот когда наш брат славянин, россиянин, выкидывает такие, с позволения сказать, коленца, вот это действительно удивительно и ставит в тупик! Наверно, и этот чудик-водитель, с песняровскими усами, беззаботно шагающий в унте и в летнем полуботинке, тоже из этого племени полоумных. Вид, конечно, у него очень придурковатый в такой обуви. Но держится независимо, как будто так и надо. Умора, да и только.

Так или примерно так ошарашенные сторонние наблюдатели думали, разглядывая Виктора, который, ни сном ни духом не подозревая, что стал объектом пристального внимания окружающих, с зажатыми в кулаке деньгами прямил свой путь к кассе заправочной станции. А тут и Максим, обойдя кузов автомобиля, очень вовремя вышел на всеобщее обозрение, также явив народу

свой занимательный облик. Ну, тут уж народ не выдержал. На заправке обвально грянул хохот. Хохотали все: и водители, и служащие заправки, и пассажиры подъехавшего автобуса междугороднего сообщения.

Наши друзья в недоумении остановились, оглядываясь по сторонам, по началу не поняв причины хохота. Однако по направленным на них взглядам окружающих друзья быстро смекнули, что смеются над ними. Но с чего вдруг? Но стоило им только взглянуть друг на друга, как недоумение их быстро рассеялось, и всё стало сразу ясно и понятно. Рокировка!! Именно эта чёртова рокировка унта и туфли, о которой они просто позабыли за разговорами, и стала причиной взрывного веселья окружающих. Да и то – не каждый день такое увидишь, если увидишь вообще!

Но наши приятели лишь на мгновение замешкались, а потом сами захотали, разглядывая друг друга. Объясняться народу они не стали, да и как объяснишь всем? Да и зачем? Хохма состоялась, ситуацию не переиграешь, и пусть каждый думает о них всё, что ему подскажет собственное воображение. Вокруг улыбалась толпа, и под это весёлое сопровождение Виктор расплатился за топливо и заправил автомобиль. Максим же продолжал следовать за ним, справедливо рассудив, что, направляясь в столовую в одиночку, он будет выглядеть, словно сельский дурачок, а вот если он зайдёт в помещение с Виктором, то в этом может просматриваться некая система, какой-то смысл...

Вот такая рокировка случилась когда-то.

ГОЛЕМЫ, или УМЯГЧЕНИЕ ЗЛЫХ СЕРДЕЦ

Человек – достаточно конфликтное существо. Но, что интересно, при такой генетической тяге, перманентной любви к конфликтам, существовало и понятие дружбы. И ведь дружили, чёрт побери! И по-настоящему дружили. И клялись в вечной дружбе. И даже исполняли клятвы. «Жизнь отдать за други своя». Хотя и не всегда. По-разному бывало. Бывало, что происходило так, как это ярко описано у О. Генри. Помните знаменитую реплику Акулы Додсона из «Дороги, которые мы выбираем»? Цитирую: «Очень мне жалко, что твоя гнедая сломала ногу, Боб, – повторил он с чувством. – ...Боливар выдохся, и двоих ему не снести». Именно в такие в буквальном смысле переломные моменты дружба и заканчивалась. Иной раз вместе с жизнью одного из друзей. Да. Потому как Боливар выдохся... Случалось подобное.

Но всё же дружба была, это я точно вам говорю. И завязывалась иной раз при очень странных обстоятельствах. Несмотря на имевшие место быть конфликты. В общем, всё было, и было по-разному. Я сейчас хочу рассказать об одном конфликте, в результате которого... Впрочем, давайте по порядку. В причине возникновения конфликта ничего такого особого нет, если уж откровенно, она и скорлупы выеденного яйца не стоит. Но всё же есть в том конфликте некая необычность, изюминка, так сказать, которая выделяет его среди других бытовых споров и драк. Потому я и решил рассказать о нём.

Но сначала о буровом станке, который у нас использовался при бурении

скважин на воду. А при чём тут буровой станок и конфликты, спросит недоумевающе Читатель? А очень даже при чём, потому как происшествие, о котором я настроился сейчас поведать, случилось в одной буровой бригаде Алтайской ГГЭ. Работы по поиску подземных вод велись на просторах Степного Алтая, заселённых в то время достаточно густо. Это ещё с той поры, когда в 50-х годах прошлого века началось освоение целинных и залежных земель. Много было больших и малых селений. Сейчас, правда, число их несколько сократилось, ибо при рыночных отношениях верх одержала концепция очаговой урбанистической направленности. А если без умничания, то это означает, что сейчас цивилизация сохраняется, да и то частично, в городах, великодушно предоставив сельской местности медленно дрейфовать в сторону архаичного земледелия, к сохе, а возможно даже, к палке-копалке и простому собирательству даров природы, как-то: грибов, ягод и всяких трав. Но в те поры, о которых я рассказываю, об этом причудливом зигзаге развития цивилизации никто и помышлять не мог, потому как свободы мнений не существовало, а свирепствовал тоталитаризм. И в этой связи достижения цивилизации активно внедрялись в сельской местности: мощные сельхозмашины, сплошная электрификация, передовые приёмы агротехники, в том числе и поливное земледелие. А что нужно для такого земледелия? Совершенно верно, нужна вода. Вот и работали, напрягая мозги, гидрогеологи, трудились не покладая рук в три смены буровики. Селянам нужна была вода, и мы её давали. Хорошее было время.

И вот как-то буровая бригада прибыла в одно селение. Смонтировала свой буровой агрегат и начала привычную работу. В ходу тогда был буровой станок «УРБ-ЗАМ» и его модификация «УРБ-ЗА2». Нормальные, хорошие станки, надёжные. Вот спрошу Читателя – а что есть сердце любой машины? Правильно, мотор, или двигатель, есть сердце любой машины. Но в случае с буровым агрегатом ответ не совсем правилен, ибо не полон. Потому как у бурового агрегата есть и второе сердце. Это – грязевый насос. Насос этот гонит глинистый раствор по колонне бурильных труб на забой скважины, охлаждая тем самым бурильное долото, а также выносит на поверхность разбуренную породу, попутно глинизируя ствол скважины и предохраняя его от обвала. И вот когда эти два сердца работают в унисон, тогда и только тогда возможно бурение. И потому буровой насос «ГР-11» – предмет особой заботы буровиков. Случись что с ним – миг останется в скважине буровая колонна, а вытащить оттуда, если вдруг её прихватит обвалившейся породой – та ещё проблема. Кроме того, с помощью грязевого насоса закачивают в скважину цементный раствор для межпластовой изоляции водоносных горизонтов, промывают фильтровую часть обсадной колонны, осуществляют первичную разглинизацию водоносного слоя, моют буровой станок и готовят тот же глинистый раствор. Глинистый буровой раствор – тоже особая песня. И я тут вкратце её пропою, дабы Читателю было легче в дальнейшем понимать суть происходящего. Буровой раствор – это не просто растворённая в воде глина, типа грязи. Отнюдь. Буровой раствор готовится из особого сорта пород, так называемых бентонитовых глин. Это морские донные отложения, тонкодисперсные, то есть, если попроще, очень мелкого помола. Глинистый

раствор приготавливают в специальной яме, называемой зумпф, перемешивая с помощью того же насоса глину и воду. Кроме того, в раствор добавляют каустическую соду для улучшения вязкости. Полученная субстанция напоминает по консистенции жидкую сметану, липкую и клейкую, и так просто её, как дорожную грязь в луже, не смыть. При прохождении больших интервалов глинистых пород раствор густеет, его приходится разбавлять водой, а со временем и вовсе заменять. Тогда насос ставят в положение *на выброс*, и помбур, держа в руках выбросной шланг с наконечником (аналогично пожарному брандспойту) направляет в сторону от буровой выкачиваемый некондиционный раствор. В этот момент буровая становится немного похожей на небольшой грязевой вулкан. Напор насоса достаточно велик, и тугая грязевая струя бьёт на расстояние около полутора десятков метров.

...Бурение шло в нормальном режиме, каких-либо осложнений не возникло, и график пересменки буровиков выдерживался чётко. Как говорится, отстоял свою вахту восемь часов и – гуляй, Вася. Вот и гуляли, помывшись и переодевшись, травили байки, лёжа в тени жилого вагончика, играли в карты. Кто с книжкой сидел, кто без лишних затей заваливался поспать часик-полтора – всё же работу буровиков *лёгкой* могут назвать совсем уж оголтелые оптимисты вроде нынешних «создателей рабочих мест». В общем, отдыхали буровики изо всех сил, как могли. Но был ещё один вид развлечения. Полагаю, читатель уже догадался. Да, парни не прочь были иногда пивка попить, или даже тихонько и скромно (бывало, и нескромно) бутылку-другую портвешка раздавить. С устатку как бы, а то и в защиту мира во всём мире... Хотя за это и гонял старший мастер любителей подобных развлечений, но кто же из нас, положила руку на сердце, не нарушал законы и инструкции? Тем более, что русский человек – он же немного анархист по натуре. И ему неукоснительно и последовательно следовать всяким инструкциям и уложениям – себя не уважать. Должно быть хоть небольшое, но отклонение от генеральной линии. Иначе нельзя. Ибо приходит тоска и душевный дискомфорт. Возможно, в этом и кроется загадка русской души. Вот немцы, они поклоняются своему *орднунгу*, то есть порядку, возведя его чуть ли не в ранг идола, и никаких разговоров о загадочности немецкой души не наблюдается. Иное дело – мы. Нам нужны трудности и проблемы. А нет таковых – мы их создадим, чтобы мужественно преодолевать. Потому как душа требует. Но это просто, как говорится, лирическое отступление по ходу пьесы.

В тот раз старшего мастера на буровой не было, он находился на базе экспедиции, отправлял обсадные трубы для бригады. Словом, начальственное око было далёко, и удавка контроля практически не ощущалась, создавая устойчивую иллюзию свободы. Этим и не преминули воспользоваться трое парней из отдыхающей вахты. Приодевшись и расчесав патлы, давно уже нуждающиеся в услугах парикмахера, наши орлы встали на крыло и направились в село с твёрдым намерением принять на грудь, а если подфартит, то и познакомиться с местными девчонками. Время летнее, дело молодое, гормон играет, и совсем недурно будет, если познакомиться, а вечером, после кино, проводить местную красавицу домой, а то и до опушки леса. Почему бы и нет? Оживлённо переговариваясь вот в таком ключе и предвкушая вполне вероятное при-

ключение, ребята покинули полевой лагерь. Известно, что надежды юношей питают.

Но также доподлинно не только известно, но проверено жизнью и следующее утверждение: хочешь рассмешить Бога – расскажи ему о своих планах. По-видимому, в тот день на небесах и правда, славно посмеялись, ибо получилось совсем не так, как представляли себе прогулку наши молодые парни-буровики. Сначала всё шло как бы по плану и ничто не предвещало грозы. Ребята затарились портвейном, а для разгона, выйдя из магазина, тут же пустили по кругу пару бутылок пивка, не для куражу, конечно, а только лишь с целью утолить жажду, ибо летнее солнце грело, как и положено ему в это время года.

Но тут к ним подошли двое местных ребят и поинтересовались: а чего, мол, вы тут пьёте и вообще, кто вы и зачем здесь, ибо это наше село и мы здесь живём. Запрос этот показался помбурам неуместным, да к тому же и сама форма запроса была излишне дерзкой и противоречащей неписаным правилам этикета. Вот в соответствии с этим этикетом наши помбуры и посоветовали сельским молодцам отправиться по некому известному практически любому мужчине адресу. Сельчане адрес этот, естественно, знали, но совету не вняли, а наоборот, попробовали утвердиться в своём праве на получение исчерпывающей информации от чужаков. Назревал конфликт. Слово за слово, и кого-то толкнули. Начали совместную разминку, постепенно распаяя боевой задор. Дело шло, как оно и бывает в таких случаях, к рукопашке. *Махаться* нашим ребятам было в буквальном смысле этого слова, не с руки, ибо у каждого было с собой по бутылке портвейна. А с одной рукой много не навоюешь. Хоть и наступали сельские парни грозно, но ведь не танки же они, в самом деле, чтобы бросать в них бутылки с горючей смесью? А тут кто-то из аборигенов на всякий случай завопил:

– Наших бьют!

Призыв к консолидации был услышан, мобилизационный план немедленно приведён в действие, и к сельчанам стала спешно прибывать подмога. Буровики поняли, что им не выстоять против превосходящих сил противника, сгруппировались и отчаянно пошли на прорыв. Манёвр удался и, отделавшись лёгкими ушибами, буровики рванули прочь от злополучного магазина. Вслед им неслась толпа гикающих и распалённых праведным гневом сельчан. Началась погоня. Инстинктивно понимая, что уповать на милость противника не приходится, да и зазорно, буровики, словно скаковые лошади в финальном забеге, выкладывались вовсю, стараясь оторваться от погони. Они логично рассчитывали на то, что с каждым метром погони пыл преследователей постепенно сойдёт на нет. Но не тут-то было. Не только собак возбуждает вид убегающей жертвы, людям, как существам крайне конфликтным, тоже присуще данное свойство. И, сдаётся мне, даже в большей степени, нежели собакам. И потому погоня не отставала, а наоборот, набирала темп, азарт и уровень агрессивности. За буровиками неслась устойчивая группа числом человек пять-шесть из наиболее активных и неутомонных сельских парней. Сердца их были ожесточены до предела. Преследователи попутно даже оторвали несколько штaketин от проносившихся мимо заборов, резонно рассчитывая от души и жёстко позабавиться в точке захвата.

Дело запахло членовредительством. Буровики это отчётливо осознавали, и потому мчались наперегонки с ветром. Стремились они, естественно, к своему дому, то есть на буровую. Дома, как известно, и стены помогают.

А на буровой своим ходом шла будничная работа. Тарахтел дизель, с грохотом вращался ротор, шарошечное долото неумоимо вгрызалось в земную твердь, пыхтел и чмокал грязевый насос, подавая буровой раствор в скважину.

И тут вахтовый помбур вдруг заметил, как за околицу села выкатились две группы людей. Почуввав неладное, он толкнул в бок сменного мастера и с растерянным видом показал пальцем в сторону мчащихся людей. Тот обернулся и обомлел.

Увиденное им живо напоминало сюжет известной картины художника Маковского «Дети, бегущие от грозы». И надвигавшаяся «гроза» в самом деле была нешуточной. Такая разъярённая толпа с кольями может наделать больших бед. Это пока ещё распалённый гнев утихнет и ярость уступит место здравому смыслу! Решение надо было принимать быстро и принимать единственно правильное. Как говаривал вождь мирового пролетариата: промедление смерти подобно! Ибо времени на раздумья и перебор вариантов уже не оставалось. Преследуемые и преследователи со стремительностью болидов приближались к буровой. Счёт пошёл на секунды. И решение было найдено! То самое единственно верное и приемлемое в данной ситуации.

Сменный мастер, тёртый жизнью мужик, лебёдкой приподняв вращающийся буровой инструмент над забоем, остановил бурение и рывкнул растеявшемуся было помбуру:

– Насос на выброс! Отсекай деревню на хрен!

Помбур среагировал мгновенно. Прогромыхав кирзачами по дощатому трапу, он скатился с помоста, коршуном метнулся к насосу и перевёл рычаг. Затем быстро схватил выбросной шланг, который, словно взбесившийся удав, забился в его крепких руках под напором рвущейся на свободу струи глинистого раствора! Ах, как вовремя он это сделал! Вот что значит глазомер и точный расчёт! Ибо преследуемые буровики в этот самый момент как раз успели прошмыгнуть мимо бурового агрегата и только тут, под защитой родного железа, смогли перевести дух. Разгневанные сельчане, галдя и потрясая палками, рвались следом. Но вахтовый помбур расставил для устойчивости ноги, и резко, от живота, словно автоматчик в военном фильме, повёл наконецником выбросного шланга в сторону разгорячённых погоней сельских парней. Тугая струя глинистого раствора в упор хлестнула по группе преследователей. Эффект был потрясающий! Он превзошёл самые смелые ожидания. Остановливающее действие струи жидкой глины оказалось весьма действенным и безжалостным. И погоня самым натуральным образом захлебнулась. Если кому из читателей посчастливилось попасть под зачистку негодующих демонстрантов родным ОМОНОм с помощью водомётов, то ему описываемая мной ситуация вполне понятна.

В общем, яростные и неукротимые преследователи, которых, казалось, ничто не могло остановить, словно наткнулись на внезапно возникшую на их пути стену. Поражение было полным и окончательным. Один из преследователей, поскользнувшись, упал на четвереньки, давясь жидкой глиной. Двое дру-

гих аборигенов, в беге подсечённые напором струи, неловко упали на спины, и теперь, словно перевёрнутые черепахи, беспомощно елозили в глинистой жиже, растопырив руки-ноги, безуспешно пытаясь принять вертикальное положение. Тщетно! Попытки эти были явно обречены на провал. Тем более что помбур не скупился и, словно повар соусом, щедро продолжал поливать преследователей раствором. Трое других, хоть и удержались на ногах, но мало походили на людей. Больше всего они напоминали клонов легендарного Голема, которого когда-то сработал из глины и оживил известный талмудист, математик, астроном и даже как бы маг Лев бен Бецалель. Облепившая сельских молодцев со всех сторон светло-коричневая глинистая жижа неузнаваемо изменила их внешний вид. Медленно стекая вниз с кончиков пальцев опущенных рук, она карикатурно удлиняла их, и делала этих круглоголовых существ с дырками на месте рта и глаз удивительно похожими на пришельцев из космоса, или на вставших на задние лапы саламандр, или на тающих под солнцем пластилиновых человечков из мультфильма. Это уж кому как воображение подсказывало. Короче, чёрт-те на кого были похожи преследователи, но только не на людей. И на этом погоня враз закончилась, так и не достигнув своей кульминации.

Вахта снова привела грязевый насос в нужное положение, и бурение возобновилось. Буровики приблизились к этой неожиданно возникшей глиняной скульптурной группе, чтобы рассмотреть поближе преследователей, влипших в ситуацию. Именно влипших, ибо выбраться без посторонней помощи из растекшейся глины преследователям было достаточно сложно. Очнувшись от шока и постепенно приходя в себя, «големы» медленно ворочали округлыми глиняными головами и, ежесекундно сплёвывая с губ глину, отнюдь не языком дипломатического протокола, а простым, открытым текстом эмоционально выражали свой взгляд на случившееся с ними. Грубо говоря, они крыли матом всё, что можно было теоретически покрыть. Если вынести за скобки всевозможные лингвистические изыски, которыми обильно, словно салат оливье зеленью, были украшены их возгласы, то суть высказанных претензий можно свести к следующей фразе:

– Да вы что, ополоумели совсем?!

Я тут только передаю смысл сказанного, ибо слова были совсем иные и, казалось бы, вовсе далёкие от происходящего, но тем не менее (ну таков он, альтернативный русский язык!) очень точно отражающие суть текущего момента. И, естественно, эта эмоциональная тирада была понята буровиками без всякого перевода.

– А вы? Вы чего прицепились к нам у магазина? – дерзко и также эмоционально отозвались бывшие гонимые. Противник был остановлен, деморализован, смертельная опасность расправы миновала, и наступило самое время расправить плечи. Однако словесная перепалка так и не перешла в новую фазу противостояния враждующих сторон. Возможно, разрядке способствовало и виртуозное владение обеими сторонами альтернативным языком. Известно, язык, речь – основа взаимопонимания. Вон, известный русский путешественник Миклухо-Маклай тоже испытывал трудности в общении с папуасами, пока не овладел языком туземцев. А как только состоялся диалог «Ты – Туй, а

я – Маклай», так сразу же вырос взаимный уровень доверительности и контакт между двумя цивилизациями был налажен. Но вот высокомерный капитан Кук, сын туманного Альбиона, погнушался заучить три десятка туземных слов, и судьба его была печальна: не дождался его возвращения в королевском Адмиралтействе...

Так и в нашем случае. Языково-понятийное поле было общим для обеих враждующих сторон, и потому в процессе обмена репликами взаимопонимание между ними установилось достаточно быстро. Да к тому же содержащаяся в растворе каустическая сода начинала жечь слизистые оболочки глаз, носа, рта, и нужно было срочно выправлять ситуацию. Обеим конфликтующим сторонам уже было понятно, что конфликт окончательно погашен и самое время приходить к консенсусу. Буровики великодушно помогли сельчанам выбраться из грязевого плена, принесли мыло, мочалки и сухую ветошь. Началась большая стирка с помывкой, благо на буровой чистой воды хватает, да и водовозка всегда наготове. С каждым ведром использованной воды непримиримый ранее конфликт всё больше перетекал в дружеский контакт.

Изрядно поработав мылом и мочалками, преследователи, хоть и не без труда, но всё же привели себя в надлежащий вид, а вывешенные для просушки брюки и рубашки затрепыхались на лёгком летнем ветерке, словно флаги на праздничной демонстрации. Демонстрация же, как известно, – это слияние народных масс в едином порыве. Так что единение зримо наличествовало. Затем сельчан, щеголявших в мокрых трусах, пригласили за стоявший у вагончика стол. В таком виде они действительно смахивали на аборигенов дикого племени, заглянувших на чашечку кофе к цивилизаторам. На стол были водружены те самые три бутылки с портвейном, героически спасённые во время погони. В ожидании окончания сушки одежды и обуви был произведён ритуал знакомства и примирения, закреплённый совместным распитием. Учитывая небольшой объём спиртного и явно не соответствующее ему количество участников так необычно, но счастливо разрешившегося конфликта, дозы спиртного были практически символическими, что и соответствовало текущему моменту. Но и этого вполне хватило, чтобы вести достаточно дружеский разговор, теперь уже со смехом вспоминать произошедшее. Бывших преследователей угощали сигаретами, всё происходило чинно и в соответствии с этикетом, словом, было настолько хорошо, что один из пришельцев в благородном порыве проявления на глазах крепнущей дружбы рванулся из-за стола, чтобы сбегать за добавкой, но дружный хохот сидящих за столом остановил его:

– Ты что, в таком виде в магазин?!

Смеялись долго, представив возможную ситуацию. Но после некоторого обсуждения порешили, что на сегодня хватит *впечатлений*. Да и буровикам *лишнее* было ни к чему, потому как впереди предстояла вахта, а работа и алкоголь никакие не товарищи друг другу. Но договорились как-нибудь снова встретиться. Естественно, без кольев и глинистого раствора. Похохотали и на том расстались. Аборигены натянули на себя слегка влажную одежду – пока домой дойдём, высохнет! – и дружно отправились по домам. А буровики занялись своими повседневными делами, иногда перебрасываясь репликами по

поводу недавно произошедшего. Что ни говори, а всё же происшествие случилось не совсем обычное.

И с тех пор ничто не омрачало работу буровиков в этом селе. И время Конфликта ушло в прошлое, уступив место Дружбе и Взаимопониманию. Как оно, впрочем, и должно быть среди нормальных людей. Пусть даже и генетически склонных к конфликтам. Ибо если вовремя и правильно произвести умягчение злых сердец, то всегда можно погасить конфликт и перевести его в мирное русло к общему удовлетворению противоборствующих сторон. Главное – найти такой способ умягчения...

Елена КЛИМЕНКО

КУБИЧЕСКОЕ ОДИНОЧЕСТВО

* * *

Снег – глубок. А жемчуг – мелок.
Несутся дни на разных скоростях.
И общество невымытых тарелок
Скучает о непрошенных гостях.

* * *

Никите Зонову

Ты не юн.
Позади твой июнь.
Твой прокурен уют.
Твой мотив мимо струн –
Перебор, перекрут.
Здесь, где курят и пьют,
Музы жгут.
Только ран не бинтуют
И мохнатых не ждут поцелуев.
Редко-редко, но хором спюют:
«Аллилуйя любви,
аллилуйя любви,
аллилуйя...».

* * *

Кубическое одиночество:
Серое, многоэтажное.
Прожжённое, эпатажное,
Пророческое, отеческое.
Запечное, заполошное,
Запаянное в пакеты
С лёгким намёком чая.
Я не скучаю по прошлому,
Но и не исключаю
Из пыльного списка дел
Этот земной удел...
Энциклопедия жизни...
(моей домовой книги),
Где в начале столько интриги,
А в конце печалька, печать.

На обороте открытки:
«Пиши ещё, не скучай».
Съедено столько соли:
кирпич к кирпичу.
Не сказано столько слов –
Некому, да и незачем.
Выкристаллизован из
Солевого раствора боли,
Стоит соляным столбом –
Богатырём на распутье –
Мой многоголосый дом,
Раскинув серые крылья,
Окнами в лес и небо.
Косит на рябины и кедры.
Выше подъездных ёлок
Замах его плоских крыш...
Несколько разных жизней прожито здесь...
А в результате – шиш...
Ты говоришь: «Тише,
Шишки летят, слышишь?!».

ИРОНИЧЕСКОЕ

*Иван Бунин для вдохновения
держал в ящичке письменного стола яблоки*

А у сибирского писателя для вдохновенья
Под столом кадушка солений:
Грузди, волнушки, моховики.
Отдельно – сушёные боровики;
Корзина кедровых шишек,
Тус клюквы, излишек
Брусники, иван-чай,
Морошка, медвежья лапа,
Тут же вяленый язык да с облепихой таз...
У сибирского писателя под столом благодать...
Да ему столько и не написать!

* * *

Это стиль архитектурный:
Пламенеющая осень.
Лес, привставший на котурны,
Взгляд за горизонт забросил.

Хочет выловить, наверно,
Золотую рыбку слова.
Что там будет, он не спросит.
Время зимнее – безмолвно.

* * *

из чёрного застеклённого куба кафе
вырвался дух кофе
и пляшет по остановке,
расставляя сети прохожим...
девушка с электронной сигаретой
оставила после себя шлейф жжёной вишни...
вечер заплетается в тугую африканскую косичку...
торопится на променад

* * *

малолитражные книги
на маковой росинке
вдохновения
написаны
передаются воздушно-капельным путём

* * *

Отпуск начинается с покупки стремянки.
– Эх, как возьмусь теперь красить, белить, шерстить
антресоли!..
Иногда на этой оптимистичной ноте
отпуск и заканчивается.

* * *

В сиреневых клубах сирени кроются наяды.
Вылупились из дождя,
проросли лиловыми телами в глубину,
где поджидают лёгкую добычу,
сучат сиреневую пряжу сновидений.
Не вычеркнуть из памяти цыганский взгляд их мрачный.
Ах, Врубель-Врубель... врублен в нас навек...
И конусы сиреневых соцветий направлены вовне –
ищи скорей, где пятый лепесток.

***

Лужи пузырятся, вспороты дождём.
Пухнут будущими грибными шляпками:
шлёп-шлёп, шляп-шляп.

В каждом пузыре – мечта,
букашечный микрокосмос...
инопланетная станция
под круглым куполом
посылает сигналы: я – здесь...
Пузыри на лужах лопаются быстро.
Успей загадать желание.

* * *

Весна. Работники Горзеленхоза
продолжают вырубать из деревьев
безветвиевые скульптуры.
Тополя в ответ говорят: «Рот-фронт»
и скидывают кульяпки.

* * *

Золушка убегает
на последний автобус.
Проживание на окраине города
имеет значение.

* * *

Кофе и вишнёвое желе.
Ностальгия по театральной юности.
Горько, красиво и немножко нервно.

* * *

Домашние животные – единственные свидетели нашей жизни,
Которые не напишут воспоминаний.
Сохранят наши тайны в глубине звериного мозга.

Виктор ПЕТРОВ

ДУША, КОГДА И КАК ТЫ ВОЗГОРЕЛАСЬ?

* * *

История Земли так долго длится!
Но много дольше длится жизнь моя.
Казалось бы, я малая крупица
Огромного, как Небо, бытия.

Душа, когда и как ты возгорелась?
Каким огнём пылаешь в полынье?
И тело слушает баюкающий мелос,
И эту песню вечно слышать мне.

* * *

Созерцаю потоки осеннего света,
Повторяю великих простые слова...
Отзвучали последние строки поэтов,
И замолкла, и отговорила листва.

В тишине шелестящей и сам я немею,
Будто с лёту вошёл и пропал в пустоте.
Я ведь так не могу, я ведь так не умею –
Всей листвой говорить в золотой простоте.

* * *

Здесь не лесное чудо, не грибное,
А то, что не даёт душе покоя.

И за покровом листьев, за покровом
Ветвей склонённых – вспыхивает Слово,

Наградой за верность проницанию,
Сердечному биению и мерцанию...

Шаги хрустящие ведут не к воскрешению,
А к звонкому, как жизнь, стихотворению.

* * *

Яблоку время придёт – упадёт.
Голые, зимние ветви представлю,
И поражусь этой новой явью,
Сгинет в траве совершеннейший плод.

Лучше не думать о будущем мне.
Вот оно, яркое, в листьях сияет,
Ветку склоняет и понимает,
Что его тянет и тянет к земле.

* * *

В борьбе за гордое и вольное дыханье
Ушли мои друзья за горизонт,
За край Земли, за горькое страданье,
Туда, где солнце, грозы и озон.

В объятьях света отступает бездна,
Свободен я, и хочется кричать.
А с неба льётся дружеская песня,
И в воздухе горит её Свеча.

КОГДА ИСЧЕЗАЕТ ЛЮБОВЬ

И прахом стану – прахом, но влюблённым.

Франсиско де Кеведо

Всё измеряет время.
Лишь душу человека
Измеряет вечность.

Испил я жизни чашу –
И ни капли,
Ни дня, ни ночи
Я не уронил.

И стал невидим бысть.

Не так ли
Свинцовую теряет тяжесть
Жизнь?
Не прахом ли становимся влюблённым?
И божья накрывает всех волна.

УЛЕБ

*Посвящается вольным новгородцам,
проникшим в Сибирь.*

1032 год

Тёмной дохнуло Пахъёлой,
Вьюжистыми морями,
Холодом, запахом ёлок,
Смёрзнувшимися мирами.

Новгород не для Улеба,
Радости в нём немного.
Ветер он взял от неба,
И – понеслась дорога.

С малой ватагой в лодье
Двинул он в край ледовитый,
С чистой молитвой Господней,
С торбой вина и жита.

Парус обледенелый
Лебедем разрезвится,
Быстрым оленем белым,
Бойкой в снегах куницей.

К солнцу плывёт, к восходу,
Вот уже устье Печоры.
– Ходу, – кричит Улеб, – ходу!
Али мы не поморы?

Ворвань смиряет волны,
Песнь утишает бурю,
Кочи, ветрам покорны,
Мнут ледяную тюрю...

Справа – Ямальские топи,
Слева – Гиданские шири...
Вот уж и не в Европе,
Вот уже и в Сибири.

МЕЖДУ ОБЬЮ И ЕНИСЕЕМ

Ты, держава моя, Мангазея,
Туруханский трухлявый пень,
За тобой, словно клюква, краснея,
По болотам тащусь весь день.

Жизнь отца моего длиннее
Твоей старости золотой.
И окончилась Одиссея
Мутноглазой обской водой.

Что мне горькие эти протоки
И восточные орды людей?
Заблудились наши пророки
Средь великих земных зыбей.

Наши мшаники обветшали,
Наши избы ушли во мхи,
И кричу я в краю печали
Выпью лунною у реки.

Между Обью и Енисеем
Так измучена, так бедна,
Драгоценная Мангазея,
Заколдованная страна.

ПРОЩАНИЕ С ЕВРОПОЙ

Европа мне близка,
Как отчим престарелый.
И шага без неё
Ступить я не могу:
Еду мету
С фаянсовых тарелок,
В стихах люблю
Английскую строку.

И замков высоту,
И славу лихолетий,
Всю эту тесноту,
Всю эту пыль веков,
И кружева браманские,

И сети,
Идущие от стройных ветряков.

За сотни лет
Она родною стала,
Хоть руку поднимала на меня,
Парижский Лувр,
Миланская Ла Скала,
Все эти славные
В народах имена.

Я курс наук её
Прошёл экстерном,
Всё не чужие.
Проще говоря,
Славянский род
От Бремена до Берна
С германцами соседствовал не зря.

С Европой под одним
Живу я солнцем,
Одни и те же греют нас лучи.
А что состарилась,
Так это всем придётся,
И немощь слабоумия лечить.

О ПОЭЗИИ

Моё проклятье логике формальной
И риторам, приверженцам её,
Моё почтение поэзии опальной,
И стихотворцам, кто из них поёт
О родине своей первоначальной.

ВРЕМЯ

Всё смотрю на часы:
Нет ни стрелок,
Ни циферблата,
Лишь колёсики

Крутятся, крутятся, крутятся.

Только разве мне надо
Ведать точные цифры?
Довольно того,
Что стучит моё сердце,

Стучит, и стучит, и стучит.

* * *

Отдёрнешь шторы – светится стекло,
Пиши, что хочешь! Только нет охоты.
Как аскорбинкой, губы мне свело
От неожиданно открывшейся зевоты.
И солнце кислое – лимона тонкий срез –
Кривляется с подкрашенных небес.

СТАРИННОЕ ПРЕДАНИЕ

Пастух взмахнул хлыстом на деву –
Увяз в древесном он стволе.

И девушка бежала в поле,
А вслед за ней бежал ручей.

На мокрый камень опустилась,
И стала Марою-колдуньей.

* * *

На поле золотится рожь,
Там в глубину ведёт дорога.
– Зачем ты в прошлое идёшь?
– Там просто будущего много.

Андрей Пучков

КРАСНАЯ НЕЗАБУДКА

Семён, опустив голову, медленно шёл по лесу и выискивал в траве маленькие голубенькие цветы. Собственно, их искать не надо было, этих цветов было много, они росли повсюду, но Семёну нужны были особые цветы. Он не знал, по каким критериям выбирает их. Он и слова-то такого не знал, он просто чувствовал, что вот этот цветок нужно сорвать, а вот этот не надо. Ну, вот и последний; Семён встал рядом с цветком на колени, невзирая на то, что трава с утра была ещё сырая, и, осторожно раздвинув кривыми покалеченными пальцами траву, сорвал растение. Да. Этот цветок понравится белому человеку, он будет рад ему.

Зажав маленький букетик в руке, Семён, улыбаясь, направился к дому. Он улыбался всегда и всем. Ему нравилась жизнь. Ему нравились белые люди, с которыми он жил в большом доме. Нравился лес, окружающий его дом, нравились голубые цветы, он срывал их и дарил белым людям. Ему не нравилось только одно. Голубые цветы не росли постоянно, они уходили, когда становилось холодно. Но до того, как цветы уйдут, было ещё далеко, и Семён старался об этом не думать.

А ещё Семён любил солнце. Очень любил. Он много раз пытался рассмотреть его, но у него ничего не получалось. Яркое жёлтое пятно быстро становилось ослепительно белым, и единственное, что он успевал увидеть, это мелькнувший круг с чётко очерченными краями. На этом, как правило, всё и заканчивалось, у него начинали бежать слёзы, резало глаза, и он потом какое-то время почти ничего не мог видеть из-за мельтешивших перед глазами светлых пятен. Но Семён всё равно был рад, он вытирал ладонями слёзы, шмыгал носом, и смеялся. Он любил Солнце. Он видел и чувствовал его.

Вот и сейчас, словно поняв, о чём он думает, светило, разогнав утренние тучки, обрушилось на него всей своей приятной мощью, и Семён, раскинув руки и задрвав голову к небу, широко открыл глаза навстречу этому свету. Всё было, как всегда. Почувствовав, как по лицу побежали невольные слёзы и заплясали в голове яркие круги, Семён счастливо засмеялся, и, не опуская рук, начал медленно кружиться, представляя себя плывущим в этом ярком свете, приятно согревающим лицо и испаряющем его слёзы радости.

Доктор стоял возле окна в кабинете и смотрел, как Семён возвращается из леса, который рос внутри огороженной высоким забором территории больницы. Даже с такого, довольно большого расстояния было видно, что колени у парня мокрые.

«Опять по траве ползал», – вздохнул доктор и посмотрел на часы. Время до начала обхода ещё было, и он опять перевёл взгляд за окно. Там, на выложенной жёлтой брусчаткой дорожке, подняв голову вверх, кружился его пациент, больной мозг которого перестал ему служить.

Доктор опять вздохнул и, взяв лежащие на столе очки, положил их в нагрудный карман халата. Вдаль он видел хорошо, однако читать без очков уже не мог, возраст, знаете ли. Доктор досадливо хмыкнул:

«А ведь лет-то мне ещё не очень и много. А зрение уже подсело. Это в пятьдесят-то! А что в шестьдесят будет? Жуть, одним словом». Не успев подумать о неприятностях со своим зрением, доктор чертыхнулся: «Ну надо же! Тоже мне жуть с кошмаром нашёл. Жуть – она вон там, за окном, задрала вон голову к небу и кружится, пуская радостные слюни. Вот уж где жуть так жуть!».

Он постоял ещё немного, размышляя, и, решив нарушить традицию начинать обход с первой палаты, направился на улицу, где на жёлтой дорожке стоял и смеялся больной из седьмой палаты.

– Здравствуй, Семён! – улыбнулся доктор, и, как всегда внимательно, стал всматриваться в глаза парня в надежде увидеть в них хотя бы маленький проблеск разума.

Семён не ответил. Он на протяжении вот уже трёх лет смотрел в глаза доктору глупыми счастливыми глазами и улыбался. И ещё он кивал головой, как будто соглашаясь со всем, что ему говорили.

– У тебя, я вижу, как обычно, хорошее настроение! – констатировал доктор и, показав рукой на лавку, очень кстати оказавшуюся рядом с ними, предложил:

– Присаживайся, друг мой, в ногах, как говорится, правды нет.

И первым сел на лавочку, зная, что больной не сядет рядом с ним – сколько уж раз пытался уговорить его сесть. Напротив, если Семён сидел, то, увидев идущего доктора, он обязательно вставал.

Семён увидел приближающегося к нему белого человека и перестал кружиться. Он знал, что белый человек сейчас подойдёт к нему, и от него начнут доноситься гулкие и смешные звуки: «Бу-бу-бу-бу-бу...». Семён не знал, что это значит, но этот белый человек ему нравился, и для него он тоже постоянно срывал цветок. И он должен будет отдать ему этот цветок, цветок, который был именно для него сорван. И он не должен ошибиться, а то человек может обидеться, если Семён отдаст ему цветок, который предназначен для другого белого человека.

Доктор сидел на лавке и терпеливо ждал, когда больной выберет предназначенное ему растение. Однако на этот раз пациент, видимо, не смог определить, который из них он должен отдать, и поэтому, усевшись прямо на дорожку и разложив перед собой цветы, начал их перебирать покалеченными пальцами, беззвучно шевеля губами. Наконец он выбрал нужный и, не вставая, по-прежнему улыбаясь, протянул его в сторону доктора, видимо, не понимая того, что с расстояния в два метра доктор не сможет до него дотянуться.

– «Ну что же. Обход начался», – грустно подумал доктор и, встав со скамейки, взял из рук Семёна Незабудку. Проходя мимо сидящего на брусчатке парня, не удержался и погладил того по лохматой голове. Семён был ровесником его сына. И когда доктор иногда представлял себе, что на месте этого парня мог оказаться его сын, он приходил в неопишуемый ужас. И это было так страшно, что у него выступали слёзы на глазах, и он начинал лихорадочно звонить сыну. Звонить только для того, чтобы услышать его голос и

понять, что у того всё в порядке. Он слушал голос сына и радовался тому, что этот кошмар произошёл не с его мальчиком, а с другим человеком. Ему было стыдно за эту радость, но он ничего не мог поделать с этим, он просто радовался.

* * *

Когда белый человек ушёл, Семён посидел ещё некоторое время на дорожке, радуясь тому, что нашёл и отдал ему именно тот цветок, которому белый человек был рад. Потом он встал и пошёл в дом, где его скоро посадят за стол, дадут в руки ложку и покажут, что с ней надо делать. Семён в предвкушении приятного события, связанного с ложкой, опять радостно засмеялся. Его огорчало только одно – он постоянно забывал, что надо делать ложкой, он честно пытался об этом не забыть, но как-то так получалось, что всё-таки забывал.

Елена Сергеевна сидела в ординаторской за своим столом и благодаря удачному его расположению прямо напротив окна видела всё, что происходит во дворе больницы. Вот и сейчас она знала, что врачи ждут её команды, когда надо будет подниматься и начинать подготовку к обходу. И когда она увидела, что главный врач направился к корпусу, оставив за своей спиной сидящего на дорожке Семёна, она поднялась, одёрнула белый халат и сказала:

– Всё! Идёт! Пора начинать!

И первой направилась к выходу из ординаторской.

Их, людей в белых халатах, было семь человек: три врача-психиатра вместе с ней, врач-терапевт, старшая медицинская сестра, заместитель главного врача и, собственно, сам главный врач. Остальной персонал был одет в синюю униформу. Два раза в неделю все они выходили в холл приёмного покоя и получали от улыбающегося Семёна по цветочку. И от этого своеобразного ритуала никуда было не деться. Если кого-то не хватало, Семён начинал ходить по всей больнице и, тревожно озираясь, искать того, кому он ещё не отдал цветок. Со стороны это могло выглядеть смешно: молодой мужик с длинными, совершенно седыми волосами ходит по больнице, вытянув перед собой руку, в ладони которой зажата Незабудка.

Елена Сергеевна очнулась от своих мыслей, приняла из рук Семёна причитающийся ей цветок и, поблагодарив улыбающегося парня, пошла сопровождать на обходе главного врача. И уже перед тем, как войти в первую палату, обернулась и увидела, как старшая медсестра заводит Семёна в столовую.

Обход проходил как обычно, и Елена Сергеевна, машинально отвечая на стандартные вопросы главного, вдруг совершенно не к месту подумала, что Семён их всех выдрессировал! Ну а как же иначе! Они все, как по команде, собирались в кучку и ждали, когда им раздадут по цветочку. И Елена Сергеевна улыbnулась, представив, как Семён, увидев белые халаты, начинает одаривать всех не цветами, а какой-нибудь вкуснятиной, а они, радостно улыбаясь, машут хвостами.

– О чём, Леночка, задумалась? – услышала она насмешливый голос главного. – Я так полагаю, что это как-то связано с Семёном и его цветами?

– А-а-а-а, а как вы догадались?

– Ну, это было не трудно! У вас, моя хорошая, всё было написано на лице.

– Да, вы правы! Я думала о том, что если бы это был не Семён, то мы бы к нему сами не сбегались.

– Да, Елена Сергеевна, – задумчиво пробормотал главный врач, – если бы это был не Семён, если бы не Семён... И он, не договорив, направился в сторону своего кабинета, но, отойдя шагов на десять, вдруг остановился, и, обернувшись к Елене Сергеевне, сказал:

– Да! Чуть не забыл! Вы бы, Леночка, начали уже в порядок возможные неполадки приводить, а то, знаете ли, к нам через недельку какая-то комиссия намеревается нагрянуть. С проверкой, так сказать, нагрянуть.

И главный, задумчиво покачав головой, продолжил путь к своему кабинету.

Елена Сергеевна расстроилась. Нет, она не боялась, что комиссия может выявить что-то страшное, этого страшного попросту не было! Она была добросовестным и щепетильным работником в плане соблюдения всевозможных правил и инструкций при работе с бумагами и с историями болезней. У неё всегда и всё было в порядке. Но все эти комиссии отнимают уйму времени и нервов. Особенно когда в составе прибывшей команды попадается какой-нибудь особо рьяный представитель. И Елена Сергеевна досадливо поморщилась, вспомнив комиссию, прибывшую в их богоугодное заведение полгода назад.

Елена Сергеевна вернулась в ординаторскую, села за свой стол и, аккуратно отложив в сторону стопку историй, невольно вспомнила, как этот самый представитель, увидев идущего по коридору Семёна, остановил его и потребовал к себе главного врача. Главный не стал капризничать и сам пришёл к возмущённому столичному гостю, и пока тот разглагольствовал о вопиющем нарушении санитарных норм, вокруг них столпилось изрядное количество персонала. Как выяснилось, у больного были слишком длинные волосы, что никак не вязалось с «облико морале» их лечебного учреждения.

Тыча пальцем в голову радостно улыбающегося Семёна, член комиссии потребовал немедленно остричь его седые лохмы. Возникшую ситуацию разрешила старшая медицинская сестра. Она попросила подойти горящего праведным гневом проверяющего поближе и откинула с висков Семёна волосы, которые скрывали отсутствие ушей и безобразные, уходящие в череп тёмные дыры.

Бедный проверяющий замер с открытым ртом, не в силах отвести взгляд от этого страшного зрелища. Старшей сестре этого показалось мало, и она окончательно добила его тем, что до самой шеи задрала на парне казённую футболку, предложив тому осмотреть ещё и тело больного. Увидев, что находится под футболкой, тот икнул и заметался возле запertых дверей туалета для персонала. Куда его по доброте душевной эта же сестра и впустила, оставив дверь открытой, чтобы все собравшиеся могли услышать, как он блюёт. Такая реакция неподготовленного человека была, в общем-то, понятна.

На теле Семёна не было живого места! Остались только узкие полоски кожи, с которой он появился на свет. Остальные участки кожи у него narосли уже потом, после того, как её аккуратно срезали узкими полосками от шеи до ступней, одну полосу за другой. Спереди, сзади на спине, на руках, на ногах.

Везде, со всего тела у него была срезана большая часть кожи. Это было тяжкое, мучительное зрелище. Поэтому никто не смеялся над этим глупым проверяющим человеком. Нельзя над этим смеяться. И ещё пальцы, а они у Семёна все были переломаны, выглядели расплюснутыми.

* * *

Доктор сидел в своём кабинете на втором этаже и просматривал статью, напечатанную в английском журнале. Проблема с языковым барьером перед ним не стояла. Он в совершенстве владел английским, чем и пользовался на полную катушку, выискивая в зарубежных медицинских журналах интересные его статьи, посвящённые психиатрии. Закончив читать, доктор отложил журнал и задумчиво уставился в окно, обдумывая прочитанное. Он ещё не знал, согласен он с автором или нет. Для того чтобы прийти к какому-то решению, ему надо будет прочитать статью ещё раза три, и обдумать каждое написанное в ней слово.

Из задумчивости главного врача вывела какая-то возня, происходящая возле ворот, ведущих на территорию клиники. Рядом с воротами стоял зелёный «уазик-буханка», точно такой же, какой был и у них в больнице. Отличие состояло только в том, что на этом автомобиле не было красных крестов. Ворота начали закрываться, и доктор нахмурился: до конца рабочего дня именно эти ворота должны быть открытыми, чтобы родственники их пациентов могли подъехать ближе к корпусам. Какого-либо определённого дня недели и времени для посещения родственниками больных отведено не было. Очень сложно, знаете ли, объяснить их нездоровому душой контингенту, что такое тихий час, и что после обеда надо спать согласно общепринятым в больницах правилам.

Ворота закрылись, и из будки охранника вышел какой-то человек в тёмной одежде, огляделся, после чего забрался в открытую дверь «буханки», и «уазик» поехал к главному корпусу. Это было неправильно – машина должна была остановиться на парковке недалеко от центрального входа! Однако, игнорируя знаки, автомобиль подъехал к самому крыльцу, и, подойдя ближе к окну, доктор увидел, как из него шустро начали выпрыгивать какие-то люди в чёрной одежде. Доктор насчитал восемь человек, и у четверых из них были автоматы.

О том, что произошло что-то нехорошее, главный врач уже понял, но пока не мог сообразить, насколько это плохо. Но когда внизу, в холле, раздались один за другим три выстрела, неожиданно сильно хлестнувшие своим резким и гулким звуком по ушам, доктор понял, что это не просто плохо. Это – пока ещё непонятная катастрофа. Внезапно задрожавшими пальцами он снял очки и положил их в нагрудный карман халата, потом поднялся из кресла, и, обойдя стол, остановился напротив двери кабинета. Постоял несколько секунд, вынул из кармана очки и, вернувшись к столу, аккуратно положил их на открытый журнал. Однако, почему-то решив, что очки ему могут пригодиться, доктор опять взял их и, вновь затолкнув в нагрудный карман, решительно вышел из кабинета.

С двумя незнакомцами главный врач столкнулся, когда прошёл уже пол-

пути от своего кабинета до лифта, из открывшихся дверей которого они и вышли.

– «Большой и маленький», – машинально отметил доктор и остановился, ожидая, когда эта парочка подойдёт к нему ближе.

– «У маленького автомат, а у большого пистолет. Хотя это не совсем логично», – почему-то пришла в голову совершенно несуразная мысль. – «По логике, автомат должен быть у большого, а пистолет у маленького, потому что автомат больше пистолета».

– Кто здесь начальник? – неожиданно визгливым голосом спросил, обращаясь к нему, мелкий, и направил в его сторону ствол автомата. Доктор не ответил, справедливо рассудив, что этот визгливый просто не может быть тем, с кем надо вести беседы. Какой-то он был кручёный и суетливый. Складывалось впечатление, что это создание не могло спокойно стоять на одном месте. Ноги этого человечка словно жили своей жизнью – они перемещались под телом маленькими шажками, словно пританцовывали, причём само тело не настроено было танцевать. Не может так вести себя человек, наделённый хоть какими-то полномочиями.

– Ты, Штырь, не только тупой, но ещё и слепой! – хохотнул большой и, мотнув башкой в сторону доктора, обратился к своему напарнику:

– Читай, что у него на халате написано!

Мелкий, как разболтанная кукла, посеменил поближе к доктору и, прочитав вышивку на его халате, выдал:

– Это какой-то «глврач»! А старший-то здесь кто? – вновь обратился он к доктору.

Доктор посмотрел на большого и, встретившись с ним взглядом, пожал плечами.

– Заткнись, придурок! – раздражённо рявкнул большой. – Это главный врач. Это и есть старший. Он нам и нужен.

Доктор, посмотрев на кривляющегося человечка и не скрывая этого, презрительно усмехнулся. А потом, переведя взгляд на большого, спросил:

– Куда я должен идти и что я должен делать в сложившейся, так сказать, обстановке?

– Давай, док, за мной топай, – пробасил большой и, повернувшись, направился обратно к лифту, всем своим видом показывая, что ни на йоту не сомневается в том, что его приказ будет беспрекословно выполнен.

Доктор обвёл глазами холл, в котором находилось около десяти пациентов и несколько человек обслуживающего персонала. Машинально улыбнулся в ответ глядящему на него безмятежными глазами Семёну и вдруг почувствовал сильный удар в спину, который бросил его на пол. Затем услышал истошное верещание мелкого:

– Ты чё лыбишься, козёл, а?! Ты чё лыбишься!?

Удар был сильный. Сильный настолько, что у доктора перехватило дыхание и он долгие секунды не мог протолкнуть в лёгкие воздух.

«Ты смотри, как-больно-то!!!» – удивился доктор и с заметным трудом поднялся на ноги. Постоял, нагнувшись, приводя в порядок дыхание, а затем, не обращая внимания на крики маленького человечка, ударившего его прикла-

дом автомата, вытащил из нагрудного кармана сломавшиеся после падения очки, с сожалением покачал головой и, положив их обратно в карман, повернулся к мелкому.

А потом произошло то, чего не ожидал никто! Ни тычущий стволом автомата в доктора мелкий, ни обернувшийся на шум большой, ни обслуживающий персонал. И, наверное, даже сами больные этого не могли бы предвидеть, если бы разум их был в порядке. Главный врач! Доктор! Интеллигентнейший человек! Улыбнувшись, ударил мелкого по лицу! А потом, как ни в чём не бывало, отвернулся от растянувшегося на полу своего обидчика и продолжил путь к лифту.

Доктор успел сделать всего лишь несколько шагов. Несколько последних шагов в своей жизни. И даже успел подумать о том, что это, оказывается, приятно – ударить подонка по физиономии. Главный врач умер с этой несвойственной его воспитанию мыслью. Он просто не успел подумать о том, что всё-таки был не прав, когда бил по лицу человека. Его насквозь прошла очередь из автомата, выпущенная ему в спину поднявшимся с пола взбешённым мелким. Доктора не отбрасывало ударом очереди на несколько метров, как это частенько показывают в боевиках. Летящие с огромной скоростью пули, пройдя насквозь тело человека, унесли с собой его жизнь. Доктор осел, медленно опустившись сначала на колени, а потом, словно нехотя, завалился на бок и, вздрогнув последний раз всем телом, замер, перевалившись на спину.

Доктор уже не видел, как заорал и пнул мелкого напарник. Как закричала одна из медицинских сестёр, а потом замолчала, в ужасе прикусив зубами кулачок и, не отрываясь, глядела на залитое кровью тело главного врача. Он не мог видеть, как на второй этаж по лестнице забежали ещё трое вооружённых мужчин и стали сгонять всех вниз, в холл первого этажа. Он уже не видел, как Семён, глядя на его тело, вдруг начал кричать протяжно и страшно, на одной ноте. Он, не переставая, кричал до тех пор, пока к нему не подошёл один из вооружённых людей и не ударил его прикладом автомата в голову.

* * *

Семён лежал на полу и с удивлением рассматривал синий цветок, который был почему-то красного цвета. Это было странно и непонятно. Он не знал, почему так произошло. Почему цветок лежит в чёрной луже, и почему белый человек, которому он подарил цветок, тоже лежит на полу. И почему белый человек стал красным? Страшно-красным! Он не должен быть таким, потому что быть красным – это больно, это невыносимо больно. Это непрекращающаяся, нестерпимая боль. И эта боль становится всё сильнее и сильнее. Мучительнее и мучительнее. И от неё, от этой боли, умираешь. Он это знает. Он уже умирал.

Семён, не отрывая щеки от холодного мраморного пола, протянул руку и с трудом взял искалеченными пальцами цветок, лежащий рядом с телом доктора. Поднёс его к глазам и, не отрывая от растения взгляд, тяжело поднявшись, подошёл к белому человеку и протянул ему его цветок. Белый человек цветок не взял, он вообще не пошевелился. Белый человек лежал неподвижно.

Семён постоял некоторое время над ним, потом аккуратно положил красный цветок на грудь белого человека и пошёл на звуки возни, раздававшиеся из кабинета главного врача.

Прошло уже часов шесть, как их захватили сбежавшие зеки. Елена Сергеевна поняла это сразу, как только увидела их одежду. Она уже не один раз встречалась с такими. К ним их привозили под охраной, на медицинскую экспертизу, и они содержались в специальном здании, похожем на тюрьму. Там и сейчас находились несколько подозреваемых, с которыми они работали. Захватившие их люди не могли туда попасть, там была вооружённая охрана, и нападавшие, по-видимому, это знали, потому что даже не делали попыток приблизиться к ним.

Елена Сергеевна не видела, как убили главного врача, ей об этом рассказала заплаканная медицинская сестра, когда весь персонал и часть больных согнали в холл первого этажа. Их заставили усесться на полу, а потом задёрнули на окнах тяжёлые шторы и велели молчать. Она же шёпотом рассказала, что Семёна, наверное, тоже убили, так как она видела его лежащим на полу с окровавленной головой.

– Эй ты! Смазливая! – вдруг раздался хриплый голос одного из напавших, вольготно развалившегося в кресле, предназначенном для посетителей. – Ты! Ты! Чё ты башкой вертишь?

– Это он вас зовёт... – с неподдельным ужасом прошептала медицинская сестра, сидевшая рядом с ней, и вцепилась в её руку.

– Иди сюда, – поманил зек Елену Сергеевну рукой и встал с кресла. Елена Сергеевна, ни слова ни говоря, выдернула свою руку из трясущихся рук сестры и, встав, направилась к довольно улыбающемуся зеку. Тот несколько секунд разглядывал её, а потом, кивнув головой в сторону дверей, ведущих на второй этаж, сказал:

– Пошли, мы ментам два часа дали, так что время порезвиться у нас есть! Да ты не бойсь, не бойсь, я не любитель бить женщин, я вообще-то нормальный мужик! – он довольно ощерился и, положив руку ей на грудь, больно сжал её.

– Но, правда, есть одно условие. Девочка должна быть покладистой и послушной. А если нет... То вот он... – и зек ткнул пальцем в стоящего рядом с ним вертлявого парня, – будет тебя бить. Бить до тех пор, пока ты не станешь паинькой.

Елена Сергеевна была красивой женщиной, красивой той неброской, сдержанной красотой, которая заставляет мужчин оборачиваться вслед. И, чего греха таить, она гордилась этим. И вот сейчас, первый раз в своей жизни, она пожалела о своей внешности. С трудом переставляя ноги, она поднялась по лестнице на второй этаж и, повинуясь тащившей её руке вертлявого, пошла в сторону кабинета главного врача.

Она знала, что её ждёт, и иллюзий не питала. Сопротивляться она не собиралась, так как понимала, что уже добравшиеся до сейфа с сильнодействующими препаратами зеки, войдя в раж, могут и до смерти забить. Терять им было нечего. Как она поняла, оружие они забрали при побеге у убитых ими силовиков. Проходя мимо тел главного врача и Семёна, Елена Сергеевна не выдержала и заплакала.

– Заткнись! – взвизгнул тащивший её парень. – Успеешь ещё нареветься! Вот только причина у тебя будет другая!

И он, запрокинув голову, противно засмеялся своим тоненьким голоском.

Семён медленно открыл дверь, из-за которой доносились приглушённые крики, вошёл и так же медленно закрыл дверь за собой, совершенно не беспокоясь о том, что на него удивлённо уставилось несущее красную боль существо. Это существо было злобным! Оно уже начало окрашивать в красный цвет лежащего на полу белого человека, и Семён вдруг понял, что, если он не убьёт ЭТО, оно полностью сделает красным белого человека, и тогда он тоже перестанет брать у него цветы. А это неправильно, ведь белым людям цветы нравятся! Они должны их брать!

Елена Сергеевна лежала на полу в разорванной одежде и плакала от бессилия, от стыда и от боли! Ей было страшно! Она сразу же сказала им, что не будет сопротивляться. Но старший всё равно дал мелкому команду бить её, а сам сидел на диване и смотрел, как его подручный, повалив женщину на пол, уселся на неё сверху и стал методично наносить ей удары по лицу, разбивая в кровь губы и нос. Удары вдруг прекратились, и она, открыв глаза, увидела, как в кабинет вошёл Семён, закрыл за собой дверь и посмотрел на неё чужими мёртвыми глазами.

– Ты чё, псих, берега попутал?! – хохотнул старший и, встав с дивана, подошёл к стоящему посреди кабинета Семёну. Однако Семён, казалось, совершенно его не замечает. Он стоял спокойно, опустив руки и, не мигая, смотрел на мелкого, который, сидя на груди доктора, короткими, хлёсткими ударами бил женщину по лицу.

– Ты чё, дебил, не слышишь, что ли?! Я с тобой разговариваю! – уже раздражённо произнёс зек и, ухватив Семёна за ворот пижамы левой рукой, нанёс ему правой рукой удар в лицо. Удар был быстрый, мощный, отработанный! Но произошло невероятное! Совершенно безвольно стоящий психически нездоровый человек вдруг, как бы нехотя, отклонил голову в сторону, и кулак зека ушёл в пустоту, заставив его покачнуться и потерять равновесие. И в ту же секунду Семён, по-кошачьи извернувшись, оказался за спиной большого и, почти не размахиваясь, ткнул того кулаком в печень.

Лежащей на полу Елене Сергеевне показалось, что удар Семёна не достиг своей цели, так как большой зек остался стоять на ногах, недоуменно оглядываясь. Но вот он вдруг охнул, скособочился и, схватившись за правый бок, упал на колени. Безучастно наблюдавший за зеком Семён шагнул к нему и, вцепившись пальцами в глазницы, рывком задрал голову вверх, после чего нанёс удар ребром ладони в горло.

Удар был страшный – он сломал человеку кадык, расплющил гортань и впечатал её в шейные позвонки. Большой захрипел и, схватившись за горло, упал на пол.

Семён упёрся коленями ему в поясницу и, ухватив руками за затылок и подбородок, одним движением свернул шею, заставив смотреть мёртвыми глазами в потолок лежащее на животе тело человека. Потом он взял оставленный большим на столе пистолет, подошёл к успевшему забиться в угол кабинета мелкому, и, одним резким ударом выбив ему зубы, вогнал ствол пистолета в

рот и нажал на спусковой крючок. Выстрела почти не было слышно, голова мелкого сработала как глушитель.

* * *

Елена Сергеевна торопливо вытащила из шкафа главного врача его запасной халат и, стараясь не смотреть в сторону Семёна, сняла с себя остатки разорванного халата. Как будто почувствовав смущение женщины, Семён отвернулся и стал смотреть в окно, туда, где он всегда собирал цветы. Надев прямо на голое тело халат главного, Елена Сергеевна нерешительно прикоснулась к плечу больного. Семён понимал, что белый человек ждёт от него цветов, но у него больше не было цветов, и он в растерянности развёл руками.

– Нам надо уходить отсюда, Семён! – лихорадочно прошептала она. – Ты слышишь? Ты понимаешь меня? – встряхнула она его за руку. Семён не ответил, он вообще никогда никому не отвечал! Он только смотрел на людей и улыбался. А сейчас Семён смотрел на неё тёмными провалами глаз, смотрел без улыбки, и это было страшно. В глазах Семёна больше не было глупой безмятежности. Елене Сергеевне показалось, что у него и глаз-то не было, только тёмные тоннели, не несущие в себе даже малейшего проблеска жизни.

– Идём, Семён, идём, – и она потянула парня за собой на выход из кабинета.

Им не повезло. Когда они уже миновали дверь, ведущую на лестницу, из неё вышли двое зеков, один из которых, хохотнув, протянул:

– Ты глянь-ка! Бугор-то, я вижу, с тёлкой уже натешился! Может, и нам теперь угоститься?! А? – издевательски обратился он к врачу.

Елена Сергеевна понимала, что если эти двое обнаружат своего старшего мёртвым, ей с Семёном жить останется очень недолго, и поэтому, преодолевая дрожание в голосе, предложила:

– Я не против, но давайте уйдём отсюда, а то здесь труп лежит, мне страшно! – И она кивнула в сторону тела главного врача.

– Люблю разумных баб, – хмыкнул второй и, взяв Елену Сергеевну за руку, повёл её к ближайшей двери, ведущей в палату.

– Стой, стой, стой, – забеспокоился любитель угощаться, – а как же этот псих?

– А никак! Пусть бродит! Он и выход-то отсюда, наверное, не сможет найти. И он, открыв дверь палаты, втолкнул туда Елену Сергеевну.

Халат Елена Сергеевна снимала сама, плакала и медленно расстёгивала пуговицу за пуговицей. Но снять его она так и не успела; за спинами жадно разглядывающих её зеков скрипнула дверь, и вздрогнувшие от неожиданности мужики шустро обернулись.

– Да твою ж мать! Тебе-то чего здесь надо? – рывкнул один из них и ткнул стволом автомата в грудь Семёну.

– Уведи-ка его к остальным, – обернулся он к напарнику, – а то он нам только меша...

Договорить он не успел: стоящий перед ним Семён вдруг сделал неуправляемое движение руками, и зек удивлённо повернул голову в сторону кровати, на которой лежал выбитый из его рук автомат. Взглянуть на Семёна он не успел; тот совершенно спокойно поднял руку и воткнул зеку в ухо протирку, исполь-

зую для чистки ствола автомата. И теперь равнодушно наблюдал, как дёргается возле его ног умирающий человек с нелепо торчащим из уха металлическим прутком.

Второй зек, оправившись от удивления, отпрыгнул от Семёна, вытащил из ножен, болтающихся у него на поясе, большой нож, пригнулся и, выставив руку с ножом в сторону Семёна, прошипел:

– Ну! Давай, урод психованный! Давай! Подходи! – и он несколько раз взмахнул лезвием ножа перед Семёном.

Елена Сергеевна, запахнув на себе халат, с ужасом наблюдая за изменившимся пациентом, вдруг ясно осознала, что человек, размахивающий перед Семёном ножом, обречён! Он сейчас умрёт, и шансов у него нет. Как будто услышав мысли доктора, Семён по-птичьему наклонил голову влево и шагнул под неминуемый удар клинка.

Елена Сергеевна так и не смогла понять, что же произошло. Она только успела увидеть, как рука с ножом метнулась в живот Семёну, но хищно сверкнувшее лезвие прошло мимо. Семён, слегка отклонившись в сторону и крутнувшись вокруг своей оси, оказался сбоку от зека, перехватил его руку, резко вывернул её и ударом ладони сломал в локтевом суставе. Елена Сергеевна знала, что при такой травме боль должна быть очень сильной, но зек заорать не успел. Семён перехватил выпавший из покалеченной руки зека нож и вонзил его тому под нижнюю челюсть, пробив нёбо и убив мозг.

Елена Сергеевна, глядя на весь этот ужас, судорожно всхлипнула и прошептала:

– Нам надо уйти отсюда! Слышишь, Семён?! Уйти! – и она, зябко кутаясь в халат, начала судорожно осматриваться, заранее понимая, что спрятаться им нигде. Наверное, Семён её всё-таки услышал, а может, и нет, может, он просто захотел уйти из палаты. Но Елена Сергеевна вдруг увидела его уже стоящим в дверях. Однако до того, как закрыть дверь, он обернулся и внимательно посмотрел на неё провалами тёмных глаз. И она, словно повинувшись какому-то приказу, молча, не оглядываясь на убитых людей, пошла к ставшему совершенно ей незнакомым человеку.

Доктор торопливо пересекала холл, постоянно оглядываясь на идущего сзади парня. Она уже миновала кабинет главного врача, когда за её спиной неожиданно прогрехотали три выстрела. Они показались ей настолько оглушительными, что она взвизгнула и присела, закрыв голову руками. Она сидела на корточках до тех пор, пока не услышала чей-то хриплый, прокуренный голос:

– Ну что, дамочка! Бугра нашего, значит, завалили?! А теперь прогуливаетесь тут в своё удовольствие?

Елена Сергеевна, не решаясь отнять руки от головы, прошептала:

– Нет, нет! Что вы, я никого не заваливала!

– Руки от башки убери и сюда смотри! – повысил голос говоривший, и доктор, медленно опустив руки, посмотрела на стоящего перед ней человека.

Этот был другим, глаза у него были умными, и Елена Сергеевна это сразу отметила. Он не стал зря рисковать, обнаружив трупы своих напарников. Он, выйдя из кабинета главного врача, сразу начал стрелять в самого опасного,

по его мнению, противника. В Семёна, который сейчас сидел, привалившись спиной к стене, и смотрел на неё остановившимся взглядом.

– Я знаю, что не ты его завалила! – хмыкнув, проговорил зек и опустил руку с пистолетом, который держал направленным в её сторону.

– Встань! – наконец велел он. – Поговорим, время есть. Не начнут они штурм, пока у нас заложников куча. Елена Сергеевна встала и, опустив руки, обречённо посмотрела на небритую рожу зека.

– Он убил бугра и его шестёрку? – спросил небритый и кивнул в сторону Семёна.

– Я не знаю, – пролепетала Елена Сергеевна, – я не видела.

– Да ладно тебе! – неожиданно рассмеялся зек. – Ты не могла! Значит, этот! – и он мельком глянул в сторону тела Семёна.

– Чтобы свернуть шею такому, как наш бугор, нужен такой же амбал, ну или псих. Я читал, что отсутствие мозгов у придурков компенсируется физической силой! Я прав? Или нет? – повысил голос небритый, с удивлением глядя, как докторша, подняв руку, закрыла себе рот ладошкой и смотрит широко открытыми глазами ему за спину, словно увидела там что-то страшное.

Он не успел узнать, прав он был или нет. Он не успел обернуться. Его шею насквозь пробило широкое лезвие ножа, уже однажды забравшее жизнь одного из зеков. Небритый стоял ещё несколько секунд. Его тело не хотело умирать, и затухающий разум заставлял руки хвататься за отточенное лезвие, разрезая пальцы и ладони.

«Странно, почему нет крови? – поражаясь собственному спокойствию, подумала Елена Сергеевна. – Кровь должна быть! Артерия явно перерезана!»

И, судорожно вздохнув, доктор сделала шаг в сторону, чтобы не стоять перед умирающим человеком. И, словно поняв, что освободилось место, изо рта небритого хлынула кровь. И уже мёртвое тело, упав, ткнулось лицом в каменный пол.

Елена Сергеевна с трудом оторвала взгляд от быстро увеличивающейся лужи крови и метнулась к Семёну, который медленно оседал на пол. Она успела подхватить его под плечи, но, понимая, что не удержит тяжёлое тело, оперлась спиной о стену и сползла по ней, не позволив парню упасть. А потом положила его голову к себе на колени и начала гладить его по жёстким спутанным волосам.

– Я знаю тебя! – вдруг прошептал Семён и, открыв глаза, улыбнулся ей.

– Я всегда тебя знал! Ты ведь Солнце? Глаза Семёна были ясные и чистые. Они не были безмятежными в своём больном спокойствии. Его глаза были живыми. Живые глаза умирающего счастливым человека!

Елена Сергеевна сидела на полу и, укачивая голову Семёна, плакала! Плакала навзрыд, не обращая внимания на ворвавшихся на второй этаж спецназовцев, которые, словно оберегая их с Семёном покой, обступили их полукругом и никого не подпускали, давая им время для прощания. Елена Сергеевна плакала, и слёзы, стекая по её лицу, падали на улыбающиеся губы Семёна и на его мёртвые глаза, как будто он оплакивал свою наконец-то закончившуюся жизнь. Нет, она не жалела этого мёртвого парня! Она сострадала ему! Сострадала тому, что ему пришлось пережить при жизни, когда его раненого захва-

тили боевики, воевавшие в Чечне. Она страдала от того, что они сотворили с живым человеком, узнав, что он спецназовец. Она страдала от того, что он не умер сразу, а хлебнул смертной муки полной мерой. Но самым страшным было то, что он, вновь обретя разум, умер. Улыбнулся и ушёл. Ушёл туда, где нет ни страдания, ни боли.

– Я тебя знаю! – вновь повторил Семён, и перед его глазами ярко блеснул свет. Но этот свет не вызывал слёз: он был мягким и нежным, он подхватил измученное тело Семёна и понёс его в голубую, словно цветы незабудки, высь.

– Я тебя всегда знал! Я знал, что ты есть! Я знал, что ты придёшь ко мне! Ты ведь Солнце?! Тебя ведь звать Солнце?!

– Да, любимый! – наклонилась над Семёном необыкновенно красивая девушка с золотыми волосами. – Я – Солнце! Я так долго тебя ждала! И ты пришёл! Нам пора! – и она взяла Семёна за руку, и его душа, раскинув призрачные крылья, смеясь, устремилась следом за ней, за своим счастьем по имени Солнце.

Из руки умершего человека выпал помятый, красный от крови цветок незабудки.

Александр Таразанов

ДУЭЛЬ

Гвардии сержант Барановская, придерживая брезентовый полог, проскользнула в штабную землянку, отрапортовала:

– Товарищ гвардии майор! Разрешите присутствовать...

– Разрешаю! – ответил с воспалёнными глазами пожилой гвардии майор Самарин, он в грузной позе сидел на табуретке и глядел на развёрнутую карту, лежащую перед ним на сбитом столике.

– Присядь! – Самарин пододвинул ей табуретку. – Нина! – обратился он к ней по имени. – Пока на нашем участке было тихо, но два дня назад появился вражеский снайпер, и за это время успел ликвидировать двух наших командиров рот. Агентура контрразведки сообщила, что прибыл на наш участок майор, барон фон Диц, снайпер высшего класса. От тебя, дочка, требуется его немедленно ликвидировать. Иначе этот фон барон нам наделает много хлопот. Командование верит, что ты справишься с этой задачей.

– Разрешите идти! – козырнула она и повернулась к выходу. Пригнувшись по окопу, подалась к себе в дальнюю землянку.

«Может быть, посмотреть, в каких местах он убил наших командиров, – на ходу подумала она, – впрочем, это не выход, лучше завтра посмотрю на месте...» – и услышала окрик:

– Кто идёт? Пароль...

– Буран.

– Проходи...

Нина проскользнула мимо часового.

Утренний туман лёг по всему минному полю. Тихо и спокойно. От наших позиций в двадцати метрах стоит, искорёженным стволом вверх, наша знаменитая «тридцатьчетвёрка». Нина спокойно доползла до танка и залезла внутрь. Смотровой лючок немного был приоткрыт. Нина через оптический прицел винтовки внимательно осматривала местность, там за полем стеной стоял сплошной лес. Ждать долго не пришлось, на верхушку огромной ели сел чёрный ворон, и вдруг внезапно взлетел, исчезая в чаще леса. Его поведение насторожило девушку. Нина внимательно осмотрела ель. Ничего подозрительного там не увидела. Вновь её насторожила следующая ель. Оттуда выпорхнула стайка мелких птиц. На самой середине ели шевельнулась ветка, и мелькнул «зайчик». «Ты мне и нужен...». Навела прицел, и хотела было спустить курок. Что-то зашуршало сзади, и почти ей в ухо кто-то негромко сказал:

– Товарищ гвардии сержант! Вас срочно вызывает товарищ гвардии майор!

Ей ничего не оставалось, как подчиниться майорскому приказу и вернуться в подразделение...

– Дам тебе помощника. Гвардии ефрейтор, выходи.

Из полумрака вынырнул уже немолодой боец с одной лычкой на погонах и встал по стойке «смирно» напротив него.

– Знакомьтесь! Гвардии ефрейтор Рукосуев станет твоим напарником, насколько мне известно, этот самый Диц хитрый враг, и вам придётся поработать вместе.

– Я всегда одна работала, – возразила она Самарину.

– Забудь! Рукосуев твой второй номер, и с ним уходи, у меня много дел, – недовольно поморщился майор. – Чуть не забыл, вот вам две новенькие винтовки, старые поставьте в дальний угол...

– Значит, говоришь, одна... – разрешил молчание Рукосуев, когда оба вышли из майоровой землянки.

– Да, одна... – сухо ответила ему Нина.

– Зря вы, товарищ гвардии сержант, обо мне плохо думаете.

– В чём дело? Гвардии ефрейтор, я вас вообще не знаю.

– Ну тогда давайте познакомимся, – он живо ей улыбнулся. – Значит, зовут меня Иваном Рукосуевым. Родом я из деревни Потоскуй Красноярского края, где всего сорок дворов, из них тридцать девять Рукосуевых и один Безруких. Ссылку в нашей деревне проходил сам Серго Орджоникидзе, он об этом сам писал... О себе могу сказать, что я ещё и охотник.

– Послушай, я в девятом классе получила значок «Ворошиловского стрелка», и с тех пор до начала войны сдала на кандидата в мастера спорта по стрельбе, чуть-чуть не хватило до мастера спорта. Сегодня у нас с тобой подготовка, завтра с раннего утра будь готов.

– Буду! – уверенно ответил ей Рукосуев, – а ещё лучше быть вместе, – предложил он, – в одной землянке.

– Хорошая мысль, но не под одним одеялом...

– Намёк понял. Я давно женат, у меня дочь примерно вашего возраста. Жену Любу я сильно люблю с самого детства.

– Хорошо, тогда следуй за мной, и свои вещи заberi.

– Они всегда при мне...

Нина с Рукосуевым молча возились при тусклом свете керосинки с оружием, разбирали, чистили, и вновь собирали. Рукосуев не заставил себя долго молчать и первым заговорил с Ниной.

– Для меня «мосинка» самое лучшее оружие.

Он не стал менять «мосинку» на новую винтовку, а когда её собрал, внимательно осматривал дуло на свету.

– А мне эта винтовка СВТ-40 нравится: лёгкая и многозарядная, – возразила ему Нина.

– Я же охотник, и с «мосинкой» никогда не расставался, – упрямо проговорил он, – у меня дома осталась своя собственная. Парню моему Павлику шестнадцать лет, с тринадцати годов ходит с ней охотиться.

– Давай привыкай.словно дед, ворчишь, – засмеялась Нина.

– Так я и есть дед, – теперь ей возразил Рукосуев. – Старшая дочка Настя

в сороковом году ещё перед Крещеньем выскочила замуж и родила внучку. Мужик её, Николай, воюет на Первом Белорусском.

– А мои, – вздохнула Нина и посмотрела на Рукосуева, – погибли под бомбёжкой в Ленинграде.

– М-да... – буркнул он себе под нос.

– Короче, сходим, тут недалеко есть местечко, пристреляться нужно, – Нина встала с места и, забрав винтовку, пошла на выход из землянки.

Утро выглядело пасмурным, Нина с Рукосуевым спокойно доползли до танка, залезли внутрь. Осмотрелись и притаились. Нина заговорила:

– Я так всегда делаю. Для очистки совести. Однажды во время атаки зашла с тыла во вражий бронетранспортёр посмотреть, кто там из фрицев в живых остался, чтоб нам в спину никто не стрелял. Только сунулась к заднему люку, меня успел оттолкнуть наш боец, который сразу получил от фрица целую очередь. Я от его толчка не удержалась, упала. Выдернула чеку «лимонки» и кинула её внутрь бронетранспортёра. С тех пор осторожничаю. Ну ладно, хватит болтать. Займёмся делом.

И она под села к лючку.

– А мне что делать?

– Перекури.

– Это можно... – Рукосуев достал кисет с махоркой и аккуратно из неё насыпал на кусочек газетной бумаги, завернул, немного встряхнул, подбил, ещё закрутил и заслюнявил. Затянулся.

– Ты не так меня понял. Потуши! – скомандовала ему Нина. – Если фриц увидит дым, у нас с тобой будут неприятности.

– Угу... – Рукосуев сразу затушил сигарку, быстро размахивая рукой, разогнал дым.

Нина вытащила винтовку и через прицел внимательно осматривала местность. Ничего примечательного она не заметила. Недалеко от тех елей, где засекла «зайчика», шелохнулась невысокая пушистая ёлка.

– Вот что, возле танка есть воронка, залезь туда и свою пилотку приподними вверх. Я фрица попробую «снять».

– Есть! – Рукосуев через нижний люк выполз из танка и сразу нырнул в воронку. Подождал. Снял пилотку и нацепил её на дуло и осторожно приподнял вверх и сразу получил выстрел по пилотке.

Тем временем Нина успела засечь вражеского снайпера и выстрелила в ёлочку. Она дёрнулась и встала колом.

Оба стояли по стойке «смирно» и выслушивали благодарность от Самарина:

– Ну что, я вас поздравляю с очередным ликвидированным вами фашистом. Но с каким!.. Идите отдыхайте...

Утром следующего дня Нина с Рукосуевым стояли навтыжку перед Самариным, который нервно ходил взад и вперёд.

– Рано мы обрадовались, был ликвидирован напарник Дица, его ученик,

лейтенант Шуман. Мне полтора часа назад доложил командир фронтовой разведки. Мне нужен ваш план его ликвидации. Жду через час с ним.

– Но я никогда не делала никаких планов.

– Ничего не знаю. Я жду вас ровно через час. Бери... – и сунул ей лист бумаги с карандашом.

– Есть! – Оба развернулись и проследовали к выходу.

Нина что-то чертила на листе. Рукосуев сидел на корточках у входа землянки, зажмурившись от табачного дыма, смолит цигарку.

– Слушай, Рукосуев, хватит её смолить, сюда иди... – позвала его Нина, и он молча загнул цигарку. Поспешно встал и подсел к ней.

– Товарищ гвардии сержант! Я уже прибыл.

– Хватит паясничать, давай помогай.

– А ты думаешь, я в этом понимаю? Но есть идея – взять бойца, пусть засядет в воронку и отвлекает фрица. Ты залезешь в танк, а я под ним окопаюсь. Попробуем фрица засечь, кто из нас будет первым, время покажет. Так что давай идём к Самарину...

– Товарищ гвардии майор, план мы не стали чертить, но есть интересное предложение, – начала ему предлагать рукосуевскую идею Нина и выложила предложение. Самарин, несколько минут поразмыслив, дал ответ:

– Хорошо! Дам я вам бойца. Действуйте...

Не успел рассвет вылезти наружу, все трое уже находились на местах. Иван даже успел немного окопаться. Он лежал на плащ-палатке и вслушивался в тишину. Нина вытащила фотографию. На ней были изображены мать с отцом, и она в десятилетнем возрасте. Молодой боец по фамилии Ребров сидел в воронке, таратился во мглу. О чём он думал, было непонятно.

Понемногу расплзлась мгла, и начало рассветать. Забрезжил рассвет. Все трое, как по команде, насторожились. Нина прильнула к прицелу. Иван прильнул к прицелу «мосинки», аккуратно выискивал себе свою жертву. Насторожился Ребров и ждал чего-то. Появилось солнце, и на горизонте показался во всей красе тот дальний лес, откуда мог немецкий снайпер убить любого бойца Советской Армии. Вправо от большой ели, приблизительно в нескольких метрах от неё, колыхнулась сосновая ветка. Нина увидела: что-то мелькнуло, исчезло в сосновых зарослях. Она подползла к люку и скомандовала:

– Передай бойцу, чтоб пилотку приподнял на штык и сразу её опустил. Ровно через минуту. И пусть там сидит, пока не позовём.

Ребров точно исполнил её приказ, но получил дырку в пилотке. Нина увидела вспышку и произвела выстрел в его сторону. Одновременно с ней Рукосуев тоже успел выстрелить, но там ничего особенного не произошло. Оттуда веяло непонятной тишиной и спокойствием. Прошёл час или больше, Реброву надоело ждать, и он решил вылезти и заползти за танк. Высунувшись из воронки, сразу получил смертельный выстрел в левое плечо.

Через три часа оба вновь предстали перед Самариним.

– Вернувшаяся с языком разведка сообщила, что вы попали в чучело, оно упало и зависло низко над землёй недалеко от тропы, по которому возвращались разведчики. Диц стрелял с другого места, а вы потеряли Реброва. Сегодня утречком снайпер ещё успел подстрелить насмерть новобранца-бойца, которого отправили на родник за водой. Так что у вас есть время, – двадцать четыре часа. Если что, потом пеняйте сами на себя. Ладно. Идите... – устало махнул им вслед рукой.

«Этот фриц – хитрый вражина, его надо немедленно ликвидировать. Рукосуева отправлю вправо, где у кромки поля растут кусты талины, туда часто отправляются разведчики», – сидела на топчане и мыслила Нина. Приоткрылась дверка, вошёл Рукосуев, неся обед на двоих.

– Пожалуйте! Ваш обед... – и перед ней выставил почти полный котелок с горячей кашей.

После обеда Рукосуев присел возле приоткрытой дверки и с наслаждением курил.

– Слушай! На правой стороне поля есть кусты, я тебя туда отправлю.

– Вам видней.

– Так что готовься...

Утром всё заволокло сизым туманом. Нина отправила Рукосуева в кусты, а сама отправилась под танк. Решила таким образом изменить свою позицию. Расстелив плащ-палатку, Нина улеглась на неё. Времечко пролетело незаметно, появился первый луч. Растаял туман. Вылезло солнце, и осветило весь обзорный горизонт. Что-то мелькнуло возле молодой ёлки и насторожило Нину. Выскочил заяц и метнулся к полю. Вдруг раздался взрыв. Дым рассеялся, и наступила зловещая тишина. На высокую ель сел ворон, и сразу перелетел на следующую ель. Нина не стала заострять внимание на действиях птицы, навела оптику прицела, и в объективе мелькнул немецкий снайпер, видимо, он целился в Рукосуева. Нина не успела первой произвести выстрел, он её опередил. Она сразу выпустила в фашиста заряд. С высокой ели с шумом и треском тот полетел вниз.

Утро. Прифронтовой госпиталь только-только просыпался. Вошла в палату медсестра и следом за ней Нина.

– Рукосуев, к тебе пришли... – обратилась к лежащему перебинтованному в плечо больному.

– А, это ты, Нина, – улыбнулся он. – Моя напарница. Рассказывай, с чем пришла, – и сделал серьёзное лицо.

– Пришла попрощаться с тобой, напарник... – и она ему слабо улыбнулась.

– Я Любе написал, что меня комиссуют. Да и война скоро закончится. Буду плести корзины и отдавать в райпотребсоюз. Держать винтовку не смогу, пусть Пашка охотится.

– Как же так ты его упустил и дал ему возможность в себя выстрелить?

– Стал окапываться, а этот гад меня возьми и подстрели. Там три кустика,

два худые, один объёмный. Думал, успею, и, как видишь, не успел. Пуля оказалась разрывной.

– Ладно, долечивайся, я пошла. Забери свёрток, там яблоки. Витамины...

Молодой боец с глубоким шрамом на лице и с перевязанной левой рукой, лежащий рядом с ним на соседней кровати, спросил:

– Это что, твоя напарница?

– Да.

– И у тебя с ней не было романа?

– Глупость говоришь, сейчас война. Да какой может быть роман. Она моя лучшая напарница...

Война ещё не закончилась, но у Нины этот барон фон Диц был по счёту семьдесят девятым. К концу войны их стало девяносто девять. В её список входили тридцать восемь офицеров, два генерала и так далее. Нина никогда не рассказывала о войне. На войне как на войне...

Виктор ГУСАРОВ – «лирический монументалист»

В конце 2023 года мы отметили 90 лет со времени основания Томского союза художников. И хочется вспомнить о ещё не оценённых, но звёздных художниках. Одним из них был сибирский живописец Виктор Семёнович Гусаров (1937–2012). Он запомнился томским зрителям и художникам трудягой-бессребренником, полным «гусарской» энергии и сил в молодости, доброго участия и желания помочь молодым начинающим коллегам в зрелые годы, позднее – растерянным, больным и одиноким.

Виктор Гусаров, родившийся в Пензе и закончивший Пензенское художественное училище имени К. А. Савицкого (1953–1958), появился в Томске после его окончания. Прожив здесь несколько лет, он поступил в Московский государственный художественный институт имени В. И. Сурикова (1960–1966). Романтика 1960-х годов приводит его в Братск, где в 1966 году была запущена в эксплуатацию Братская ГЭС, затем в Усть-Илимск. В индустриальном Братске он прожил семь лет, в основном занимаясь «монументалкой»: украшая мозаичными панно двенадцать заводских корпусов алюминиевого завода и три новых жилых дома.

В начале 1970-х годов Виктор Семёнович переехал в Томск. Он входил в группу молодых художников, получивших прекрасное специальное образование в области монументально-декоративного искусства в Ленинграде и Москве, и приглашённых в Томск для выполнения «оформительских работ на социально-значимых объектах» (Р. Х. Юсипов из ЛИЖСА им. И. Е. Репина, из МВХПУ – Н. Е. Наврошь, А. М. Потёмкин, В. М. Загубибатко и др.). Естественно, в эти годы в Томске стали складываться творческие бригады для выполнения больших заказов, при Союзе томских художников даже была создана секция монументалистов. Известно, что Гусаров в это время выполнил несколько заказов: оформление кафе «Жемчужина», вестибюля одной из больниц и школ № 9, 29, школы милиции.

Уже через год после приезда в Томск он становится членом Союза художников СССР, получает хорошую мастерскую, квартиру. Происходит стремительный творческий рост художника, успешное участие в многочисленных выставках и одновременно – смена видовых предпочтений. После окончания монументально-декоративного отделения «Суриковки», ректором которой был знаменитый Александр Дейнека, Гусаров и некоторые его сокурсники стали «чистыми живописцами», отказавшись от работы в монументальном искусстве, которое требовало умения сотрудничать с госструктурами, считать и просчитывать, создавать творческие группы, руководить...

Однако было бы ошибочным считать, что соприкосновение с монументальным кодом школы Дейнеки прошло даром. Пример тому – полиптих Гусарова 1969 года, самый ранний из сохранившихся и посвящённый героическому эпосу – «Слову о полку Игореве». Он исполнен на левкасе и представляет произведение из четырёх частей, решённое с использованием приёмов монументального искусства, без детализации, с подчёркнутой торжественностью и уравновешенностью композиции. Гусаров долго оставался под впечатлением от обаяния яркого образа Дейнеки – одного из корифеев советского искусства, автора монументальных и станковых произведений.

Тогда-то, видимо, он и начал нащупывать свою манеру, которая затем унавалась мгновенно на любой выставке, и видна даже сейчас в чёрно-белых иллюстрациях его работ в старых каталогах. В большинстве живописных работ, будь то пейзаж или тематическая композиция, Виктор Семёнович оставался «лирическим монументалистом», мастером света и цвета. Размашистый энергичный мазок, большие форматы полотен, тонально-колористическая щедрость, но при этом всегда невероятная смысловая чёткость композиции и верность передачи настроения – это отличает лучшие работы Гусарова. «Живопись – это и есть композиция, природа даёт тебе ритмические соотношения, цветовые сочетания, правду жизни. Нужно научиться взять это хорошее от природы», – утверждал художник, открывая свою первую персональную выставку в выставочном зале научной библиотеки политехнического института в 1978 году.

Через десять лет он становится одним из ведущих живописцев-колористов в Томске. Подтверждением этому стал выставочный проект «Осенний альбом» 1988–1989 годов: по предложению искусствоведов художественного музея областная выставка томских художников была заменена тремя разными экспозициями – «Современная графика Томска», персональная выставка произведений Ю. Б. Обидиентова и так называемый «ТРИ-КОЛОР» (Геннадий Власов, Виктор Гусаров, Юрий Унтилов). Музей предложил участие в выставке трём самым ярким и мощным на то время живописцам Томска.

Скромный Виктор Семёнович был польщён этим выбором, впрочем, свои работы он показывал часто с видимой неохотой – считал их незрелыми, экспериментальными. В интервью, данном автору этой статьи при подготовке публикации о выставке «Осенний альбом», художник рассказывал: «Живопись – это судьба. И, конечно, живопись – это образ жизни. О живописи я думаю каждый день и даже ночью. Вот получилось так, что вдруг в два часа ночи меня осенило сверху, и я наконец-то придумал название одной из своих работ».

Гусаров много, охотно и неустанно работал с натуры – это позволило быть молодым и азартным в живописи и создать несколько серий живописных работ, наполненных светом и посвящённых праздникам природы: слепому дождю, февральскому солнцу, первому снегу... Эти праздничные пейзажи проникнуты чувством восторга и вызывают в памяти добрые и яркие ассоциации. «Я очень люблю солнечный свет писать. Передать свет на картине – это счастье. Я хочу воспеть этот свет», – говорил Виктор Гусаров. Живопись Гусарова густая, часто пастозная, темпераментная, с энергичным фактурным маз-

ком, но вместе с тем тонкой сложной разработкой близких друг к другу тонов. Он явно предпочитал масляные краски, хотя и обращался иногда к темпера, гуаши, пастели, используя декоративные возможности этих техник.

Любой из нас, увидев хоть раз работы Виктора Семёновича, тоже сможет почувствовать и увидеть этот свет, свет души настоящего и ещё не оценённого томского художника. Во время подготовки справочника Союза томских художников 1996 года Гусаров, в не свойственной ему манере, настоял на публикации в иллюстративной части этого справочника холста «Битва», являющегося завершением его работы над осмыслением эпоса «Слова о полку Игореве», посвящённого не победе, а поражению. Тема битвы всегда двусмысленна – кто выиграл, кто проиграл... В 2008 году, уже больным, уезжая к дочери в Саратов, он увозил этот справочник с собой как память о городе, томских друзьях и томском союзе единомышленников.

Татьяна МИКУЦКАЯ

Эмилия Кадетова

МЕТАФОРЫ ЖИЗНИ

На что настроишься – так и зазвучишь...

Неизвестный автор

Представилась возможность поразмышлять о том времени, когда мне посчастливилось встретиться и поработать в Томской областной организации общества «Знание» с учёными и творческими людьми Томска, Москвы и Санкт-Петербурга (Ленинграда). Рассказать, как эти авторитетные, талантливые люди своими лекциями, спектаклями, фильмами влияли на культурную атмосферу Томска и на меня лично. Вспомнить, как в детстве кино было главным моим увлечением, а затем стало любимой работой.

ЧЕХОВ И МЫ

«Что такое жизнь?» – спросили у Чехова. «А что такое морковка?» – спрятавшись за серьёзное шуткой, ответил Антон Павлович. Но рано или поздно придётся отвечать на этот непростой, но очень важный для каждого человека вопрос. В подтверждение приведу его рассказ «Скрипка Ротшильда», где главный герой скрипач Яков в последнюю минуту своей «скорбной и унылой жизни» нашёл силы повиниться и даже что-то в ней исправить.

Кто не знает, что А. П. Чехов во время поездки на Сахалин в 1890 году посетил Томск и что он ему не понравился? Томичи на его определение города «свинья в ермолке» не обиделись, а наоборот, то место, где он побывал, чтут и прославляют: на набережной Томи восстановили ресторан «Славянский базар», где он обедал, тут же ему поставили памятник. В тёплую летнюю погоду устраиваются «Чеховские пятницы» с музыкой, песнями, стихами и танцами.

«Я пишу жизнь», – говорил Антон Павлович.

«Я создаю образы», – может сказать томский скульптор Леонтий Усов. Диалог между ними в культурной жизни Томска состоялся. Томичи, как и Чехов, шутку ценят и понимают.

Сегодня А. П. Чехов – один из самых экранизированных русских писателей. По мотивам его пьес, рассказов и повестей снято около 200 фильмов, из них 30 отечественных.

Один из удачных отечественных фильмов «Дядя Ваня» снял Андрей Сергеевич Кончаловский. Зрителям известны его фильмы «Поезд-беглец», «Танго и Кэш», «Романс о влюблённых», из последних «Дорогие товарищи» и «Грех». Фильмы: «История Аси Клячиной, которая любила, но не вышла замуж» и

«Белые ночи почтальона Алексея Тряпицына» – его особый взгляд на простых людей, которые веками живут на родной земле и никогда ни на кого не надеются.

Впервые в истории Каннского МКФ его эпическому фильму «Сибириада» вручён особый приз – гран-при жюри, ставший второй по значению наградой смотра. «Сибириада» оставила заметный след в истории отечественного кинематографа, познакомила народы мира с нашей Сибирью, с её людьми и природой. Андрей Сергеевич приезжал в Томск, чтобы встретиться со зрителем и рассказать, как снимался один из шедевров отечественного кино. Этот сериал один из тех, над которым время не властно – всегда смотрится, как первый раз.

НЕМНОГО О ТЕХ, КТО ЗНАЕТ БОЛЬШЕ

Если попробовать по-житейски сравнить общество «Знание» советского периода с российским сегодня, то они, на мой взгляд, как два телефона: один проводной, для разговора на расстоянии, а другой – смартфон, компьютер в кармане. Два символа, две говорящие детали своего времени. В первом случае работа осуществлялась в реальном мире, а во втором осуществляется в реальном и сконструированном – виртуальном. Благодаря программному обеспечению может появиться что-то такое, что не существует в действительности.

Только знание на все времена останется отражением действительности в сознании человека, гуманистической ценностью, «человеческой силой» (Ф. Бэкон). Жизнь остановится, если прекратится познание. Зримый образ фрески «Знание» американского художника-импрессиониста Роберта Рида (1862–1929) лучшее тому подтверждение. Надпись под ней гласит: «Невежество – божье проклятие. Знания – крылья, поднимающие нас в небеса» (Уильям Шекспир, Генрих 6, часть 2). «Знание» изображено в сферической форме в образе прекрасной дамы на фоне неба, держащей на коленях чистые листы бумаги, словно Богородица с младенцем на руках.

Всесоюзное общество «Знание» того времени можно назвать живой сетью. Лекционной работой была охвачена вся страна, начиная с городов и заканчивая дальней деревушкой. Это была настоящая кузница лекторских кадров: съезды, семинары, конференции давали возможность учёным совершенствоваться в лекторском мастерстве, узнавать много нового, общаться между собой и обмениваться опытом.

Зная общество «Знание» изнутри, могу сказать, что это была исключительная общественная организация по составу входящих в неё людей. Она объединяла лучших лекторов-учёных, способных делиться своими знаниями с людьми разного возраста и образования. Оказавшись в таком обществе, невольно устремляешься в этом же направлении.

Томскую областную организацию общества «Знание» возглавляли правление и его президиум, куда входили ведущие учёные вузов и НИИ Томска. Это были яркие личности, известные своими достижениями в науке: доктор физико-математических наук, директор НИИЯФ Диденко Андрей Николаевич; член-корреспондент, доктор физико-математических наук Месяц Геннадий

Андреевич; доктор медицинских наук Гольдберг Евгений Данилович; доктор физико-математических наук Панин Виктор Евгеньевич. Тут же с удовольствием отмечу штатного руководителя – первого заместителя председателя, кандидата исторических наук Залесова Геннадия Михайловича. Этому посту, на мой взгляд, он соответствовал во всех отношениях, как по уровню знаний, так и по человеческим качествам. За десять лет совместной работы не видела его хмурым или раздражительным: дипломатичность, доброжелательность, нередко заразительный смех благоприветствовали здоровой атмосфере в коллективе. А ведь это было время коммунистического режима, где нужно было строго придерживаться таких понятий, как идеологический фронт и пропаганда. Можно предположить, что сложных ситуаций было предостаточно.

Помимо знаний учёных того времени, как я теперь понимаю, объединяло одно очень хорошее человеческое качество – моральная ответственность за проделанную работу. Громче скажу – ответственность за будущее поколение. Сегодня невооружённым глазом видно, насколько в нашей жизни поубавилось ответственности. После распада Советского Союза особенно было заметно, как она вытеснялась свободой, известной в народе «волюшкой-волей», как иссушивалась и скукоживалась, подобно «шагреновой коже». В советское время всё было наоборот – ответственность преобладала над свободой, она была в цене, как долг, как обязанность, хотя безответственности тоже хватало, как и несвободы. Что лучше и как связаны между собой эти два понятия, мне сложно разобраться, но человека в человеке в то время всё-таки было больше. Сейчас время проверяет в человеке человека. Поиск золотой середины между ответственностью и свободой никогда не прекратится.

Особенно это касалось сотрудников общества «Знание», так как они были посредниками между лектором и слушателями, а тут уже нужно было быть подобно диспетчеру на лётном поле. Те, кто этому соответствовал, не просто работал, а служил, переживал за свою работу и лично отвечал за качество проведённой лекции. Даже если мероприятие проходило в организационном плане не совсем качественно или с неудачным выступлением лектора, то из этой ситуации приходилось выходить предельно деликатно, сохраняя уважение к обеим сторонам.

Финансовая деятельность «Знания» основывалась на самокупаемости, что позволяло продуктивно и качественно осуществлять лекционную работу. Заранее заключались договора с разными организациями (можно сказать, почти со всеми), согласовывался план работы на весь текущий год. Сотрудники вовремя получали зарплату, а в конце квартала премию за хорошую работу. Лекторам, согласно их категории, аккуратно выплачивался гонорар.

Лекторий, где проходили публичные лекции с продажей билетов, считался главной трибуной города. Сейчас здесь находится органный зал. До установки органа в 1981 году его называли Лекториумом и Концертным залом филармонии. Главная трибуна предоставлялась только тем, кто отвечал этим требованиям и был лучшим из лучших. Местных учёных знали и поэтому на них шли, на приезжих, из Москвы и Ленинграда, шли за новым, интересным и познавательным.

Лектора-международника, преподавателя ТГУ Черкасова Николая Сергеевича всегда были готовы послушать, потому что он, зная иностранные языки, мог поделиться зарубежной информацией. Грайф Юрий Максимович – учитель, директор школы № 6, зная иностранные языки, был прекрасным обозревателем международного положения. На лекциях профессора-психиатра Красика Евсея Давидовича не было свободных мест. Его выступления поистине были образцом лекторского мастерства и по тому времени довольно смелыми, чтобы публично знакомить слушателей (мужчин и женщин отдельно) с такой наукой, как сексология. Или Родионченко Анна Алексеевна не один год читала цикл лекций по гинекологии для женщин, где она их не только просвещала, но консультировала и не отказывала в помощи.

Когда я видела по телевизору Ирину Александровну Антонову, вспоминала: а ведь эта известная всему миру женщина в 1974 году была в Томске. Директор Государственного музея изобразительных искусств имени А. С. Пушкина, доктор искусствоведения, по линии общества «Знание» выступала с лекцией о том, как были найдены и спасены Красной Армией шедевры Дрезденской галереи во время Второй Мировой войны. Она была свидетелем происходящего. Когда в ящиках из Германии в Москву привезли более ста произведений искусства, в том числе полотна Рубенса, Тициана, то они почти все полностью были разрушены. Среди них «Сикстинская Мадонна» Рафаэля, при виде которой даже мужчины заплакали. Десять лет художники-реставраторы лечили больные картины. Они боролись за каждый миллиметр оригинального слоя краски. Шедевры были возвращены, как тогда писали, «немецкому народу» в 1955 году. Об этом историческом факте сняты документальные фильмы.

Через несколько лет мне удалось побывать в Дрезденской галерее и увидеть все возвращённые картины собственными глазами. Тогда думалось, что всё это могло, и по праву, принадлежать нам, а не Германии. Сегодня соглашусь с Гиппократом: «Жизнь коротка, искусство вечно».

Теперь перейду к тем людям, которые в 1983 году при обществе «Знание» создали интереснейший для студенческой молодёжи, как бы теперь сказали, проект под названием Межвузовский университет искусств (МУИ). Идея создания принадлежала преподавателям ТГУ, поистине энтузиастам, активным членам общества «Знание» – доктору философских наук Видгофу Владимиру Михайловичу и кандидату филологических наук Колесниковой Римме Ивановне. Для проведения четырёх факультетов – литературного, изобразительного искусства, театрального и кино – для студентов первых курсов всех вузов города – были привлечены: Государственный Русский музей, Всесоюзный Государственный институт кинематографии, Томский драматический театр и ведущие писатели страны. Для каждого факультета был разработан абонемент. Распространением и продажей абонементов занимались комитеты ВЛКСМ вузов. За отсутствием своего зала занятия проводились в Доме офицеров, Доме профсоюзов, клубах ТЭМЗа, ГРЭС, ТПИ, иногда в Доме учёных, кинотеатре имени Горького и кинотеатре «Октябрь».

Все лекторы были с учёной степенью – кандидаты искусствоведения или заслуженные деятели искусств. Они знали, как важно прививать молодёжи вкус к художественной культуре, которая в будущем им обязательно при-

годится – украсит их жизнь, сделает её более интересной и содержательной. Хржановский Андрей Юрьевич – известный сегодня на весь мир мультипликатор, режиссёр и сценарист – в кинотеатре имени Горького рассказывал о природе мультипликации, показывал свои фильмы «Стеклянная гармоника» и «Жил-был Козявин». Гусев Владимир Александрович – кандидат искусствоведения, сегодня директор Государственного Русского музея, академик РАХ, лауреат Государственной премии РФ – проводил лекции по творчеству русских художников. В один из приездов в Томск у нас не состоялась лекция в ТПИ, всех первокурсников отправили на какое-то более важное мероприятие. Организатор извинилась перед нами и ушла, а мне стало стыдно и обидно до слёз, гляжу – и у Владимира Александровича глаза на мокром месте, но мы быстро сменили настроение и посмеялись над собой. Из технических средств тогда были диапроектор, диапозитивы и экран. Условия для общения с произведениями искусства были, на мой взгляд, самыми подходящими – полное ощущение нахождения в самом музее, да ещё с искусствоведами такого уровня, как, например, с кандидатом искусствоведения Боровским Александром Давидовичем. Он не раз приезжал к нашим студентам и рассказывал о современном искусстве. Сегодня он нередкий гость на центральном телевидении.

Усилиями Золотухиной Аллы Николаевны – доктора искусствоведения, проректора по учебной работе ВГИКа, в нашем университете искусств проводились занятия по учебному курсу для студентов Института кинематографии. Благодаря преподавательскому опыту Турицына Валерия Николаевича, Туляковой Веры Владимировны, Золотухиной Аллы Николаевны занятия по кино среди студентов были самыми популярными.

Сложностей в организации и проведении таких лекций было предостаточно, но наши удивительные гости из Москвы и Ленинграда, живые и любознательные студенты, делали подобную форму учёбы уникальной. Кстати, ни при одном обществе «Знание» в других городах, как мне было известно, подобной работы со студентами не проводилось. Мне не раз приходилось делиться опытом МУИ на Всероссийских семинарах, но дальше Томска это дело не пошло – похоже, такая идея могла зародиться только на нашей вузовской почве, у людей, увлечённых просвещением. Тут не умаляется заслуга комсомольских организаций города и вузов того времени.

Литературный факультет должен был включать в себя встречи с известными писателями страны. Первыми в расписание, по их согласию, были включены Астафьев Виктор Петрович и Распутин Валентин Григорьевич. Сразу скажу, первая встреча с Виктором Петровичем, которого ещё при жизни называли выдающимся российским автором, была началом и концом всей нашей замечательной затеи. В «Знании» готовились и ждали, думали, что его приезд в наш город создаст эффект культурного взрыва среди студенческой молодёжи. Взрыв произошёл – все работники идеологического фронта были выведены из зоны комфорта. В переполненном актовом зале ТУСУРа от писателя-фронтовика услышали правду о войне, которая никак не совпадала по идеологическим соображениям с мнением определённого круга людей. Такова была интрига той встречи.

Как же, надо сказать, повезло студентам театрального факультета, что перед каждым спектаклем с ними вёл беседу (не лекцию читал) главный режиссёр Томского драматического театра, заслуженный деятель искусств Феликс Григорьевич Григорьян, яркая личность, человек удивительного таланта. В тот период о театре отзывались самыми восторженными словами, говорили, что «подобных театров не видели, включая Москву». Много было в театре талантливых актёров. Все спектакли, поставленные Феликсом Григорьевичем, были интересными и значительными: «Солёная падь» по роману С. Залыгина, «Женитьба» Н. Гоголя, «Гроза» А. Островского, «Сирано де Бержерак» Ростана. Многие студенты – по разным причинам – поверхностно были знакомы с театром, но он их с первой встречи настраивал на высокое искусство, говорил о его сложном поэтическом языке. Давал им, как он говорил, «толчок, чтобы войти в поэтическую сферу». Спектакли были наполнены эмоционально и энергетически, в них были смех и слёзы, и поговорить было о чём. После отъезда Феликса Григорьевича из Томска театр возглавил Михаил Борисович Борисов. Он продолжил работу со студентами, разговор уже шёл о поставленных им спектаклях: «Эшелон» М. Рощина и «Ночная исповедь» А. Арбузова.

Мой рассказ о тех, кто знает больше, будет неполным, если я не вспомню Муравьёву Лидию Васильевну, кандидата исторических наук, ответственного секретаря правления Томской областной организации общества «Знание». По её приглашению началась моя работа в этом коллективе. Через много лет, на её 90-летие, мы встретились в «Центре татарской культуры», где она была сотрудником – три раза в неделю проводила экскурсии по музею. На празднике было много гостей и её большая семья: дети, внуки, правнуки. Глядя на достижения Лидии Васильевны, одно могу сказать: там, где она была, всё вокруг росло, как в хорошем огороде, любое семечко давало плоды.

Почти весь свой юбилей она простояла на ногах, старалась каждому на поздравление ответить добрыми словами. В 2020 году позвонила мне перед Днём Победы, попросила написать эпиграф в стихах, «что-нибудь свеженькое» к стенду, посвящённому ветеранам войны. Написала, отправила, но больше я с ней не говорила. В моей памяти она останется образцом вдохновения на жизнь.

АТМОСФЕРНОЕ НАСТРОЕНИЕ

В судьбоносные моменты жизни Томску удавалось принимать верные и разумные решения, которые позволяли идти в ногу со временем – развиваться, преумножать знания, быть всегда молодым, создавать приятную для людей атмосферу. Как пример. Совсем недавно в центре города стоял завод резиновой обуви (ТЗРО), специфический запах от его производства распространялся по всей округе до конца 1970-х годов. В 1941 году, тогда «Красный богатырь», во время Великой Отечественной войны был эвакуирован из Москвы и размещён в бывшем здании Богоявленского собора, заложенного в 1777 году и освящённого в 1784 году. Когда завод перевели на новую промышленную площадку, перед томичами предстал бывший символ православной веры руина-

ми, пугающей разрухой и упрёком всем нашим деяниям. Без купола и крестов он простоял ещё два десятка лет.

Глядя на изуродованное тело храма, всегда думалось, что если в ближайшее время он будет восстановлен, то в стране всё наладится. В 90-е мы все искали вокруг себя и внутри хоть какую-то опору и надежду на лучшее.

В начале 2000-х в городе появились зримые знаки возрождения. На площади Ленина, на старом месте, восстановили часовню Иверской Божией Матери, а в январе 2003 года, в канун Крещения, освятили восстановленный в первоначальном виде Богоявленский собор. Впервые в жизни, как и многие, я пришла в новый храм за крещенской водой. В правом приделе из пластмассовых бочек людям разливали в разные ёмкости освящённую воду. Народу пришлось больше, чем надо, все стояли вплотную друг к другу и вели себя шумно, как в магазине за дефицитным товаром, который спасает душу и тело. Мы все тогда путали «божий дар с яичницей».

Сейчас мне нравится быть в Богоявленском соборе, восхищаться порядком и чистотой двора, со стороны любоваться куполом и крестами на фоне неба и умиротворяться. Богоявленский храм несколько гармонизировал собой центр города, создал атмосферу спокойствия и утешения. При этом рядом стоящие респектабельные жилые дома создают двоякое впечатление – то ли наступают на него, то ли хотят быть поближе.

Гости хвалят город, отмечают его атмосферу, называют её культурной, интеллектуальной, студенческой, неповторимой... А какие, например, сегодня эмоции и переживания могут вызвать у томичей два культурно значимых здания Томска – Киномир (Кинотеатр имени М. Горького) и Дом офицеров? Как бы хотелось, глядя на них, испытать чувства, подобные Богоявленскому собору. Находясь в выгодном географическом положении, в центре города, они по разным причинам замерли и обезлюдели. Дом офицеров – украшение проспекта Ленина, «застывшая музыка», символ статуса города, перестал для горожан быть праздником жизни.

С этим Домом связано много приятных воспоминаний. Спроси любого старожила об этом, и он ответит: «О, да!». Значит, он ходил на столичных артистов, музыкантов, кинорежиссёров, на лекции по различным отраслям науки и искусства и даже на танцы. Это был театр и кинотеатр, сюда можно было сходить на повторный фильм. Например, полюбившийся зрителям французский «Колдунья» с Мариной Влади, который демонстрировался не один год. Притягательную силу Дома офицеров не раз приходилось испытать на себе: вдали от города через какое-то время начинала скучать и вспоминать именно это место. Таких людей, мне кажется, много.

Кинотеатр «Киномир» закрыт с 2017 года. Там сегодня идёт ремонт, после него хотят здание сдать в аренду. Вот только кому? Правильно было бы отдать здание томскому кинопрокату и сопроводить известной поговоркой: «Где родился – там и пригодился». Это значит, что здание кинотеатра должно использоваться по назначению и с пользой для томичей. Его возрождение централизует и сфокусирует прокатную деятельность города, приумножит любителей кино, повысит зрительскую культуру тех, кто уже разучился или давно

не видел фильмы на большом экране. Смотреть их в оснащённом современной цифровой техникой зале – одно удовольствие, мы тогда получаем все те эмоции и смыслы, которые были заложены авторами фильма. Все остальные, даже очень хорошие в техническом плане домашние просмотры, по интернету или телевидению, такого дать не могут. Только представить, что Киномир, как Областной драматический театр, как Большой концертный зал, стоит на видном месте с яркой рекламой отечественного кино, подчёркиваю – отечественного кино, и притягивает к себе внимание потенциальных зрителей. Находясь в центре города, даже в нарушение своих планов невольно зайдёшь и посмотришь какой-нибудь хороший фильм.

На правах киноведа позволю себе немного высказаться о состоянии нашего кино на сегодняшний день. За последние годы наш кинематограф многое упустил, перестал постоянно общаться со своим зрителем. Но свято место пусто не бывает, его заполнил американский кинематограф, и мы не заметили, как стали американскими зрителями, становясь чужими для себя. Теперь придётся нам заново знакомиться с собой и многое узнать про себя.

Были времена, когда в кинотеатр трудно было попасть и билет надо было покупать заранее, при этом отстоять длинную очередь. Например, на экранизацию фильма «Война и мир» (1965 г.) режиссёра С. Бондарчука очередь стояла на улице, всем хотелось первыми попасть на фильм, чтобы потом лично, от себя поделиться впечатлениями. Кстати, фильм «Война и мир» (1956 г.) американского режиссёра Кинга Видора, где в роли Наташи Ростовской снялась известная актриса Одри Хэпберн, помог мне в девятом классе с большим пониманием прочитать роман «Война и мир».

Реклама проекта того времени «С экрана на сцену» привлекала всех без исключения. Встречи с создателями фильмов – режиссёрами, актёрами, композиторами, операторами – были настоящим праздником для зрителей, культурным событием города.

Сегодня нам заново надо начинать знакомиться со своей страной. Отечественный кинематограф вполне готов, это видно по премьерным картинам, превратить нашу продукцию в инструмент влияния не только внутри страны, но и за её пределами.

Р. S. Признаюсь честно, сегодня я смотрю на бывший кинотеатр имени М. Горького с грустью. Что-то чужеродное (не значит плохое) сильно ему противостоит и мешает стать кинотеатром завтрашнего дня. На фронтоне здания графическая фигурка, символизирующая спорт, а под ней лозунг: «Жизнь – лучшее кино» с посылом, как мне кажется, что кино тут не место.

НАХОДКА ДЕТСТВА

Мудро высказался Фазиль Искандер о детстве: «Все счастливые находки детства – это кредит судьбы, за который потом расплачиваешься».

Первый поход в кино, в шесть лет, со своей тётёй, остался в памяти яркой фотовспышкой: небольшой сельский клуб, лавки рядами, экран из простыни, и тут же стрекочущая киноаппаратура с ярким световым лучом. Фильм назы-

вался «Близнецы» – с популярными в то время актёрами театра и кино Людмилой Целиковской и Михаилом Жаровым. От ожившего экрана и громкой музыки я сползла на пол и так просидела весь фильм. На уговоры тёти сесть на лавку не поддавалась, говорила, что мне здесь хорошо. Первый французский документальный фильм братьев Люмьер «Прибытие поезда» (48 секунд, 1896 год) такое же произвёл впечатление на зрителей – испуг, им показалось, что поезд движется прямо на них.

Если бы мне пришлось попасть в прошлое, как это бывает в фантастическом кино, я бы обязательно встретила с той девочкой, которую напугал первый в её жизни фильм, обняла бы и сказала: «Не бойся, это твоя находка. Спасибо тебе за неё».

В те далёкие времена своего детства неописуемой радостью было услышать с улицы крик мальчишек: «Киньщик приехал! Кино привёз!». В подходящий момент я бежала в клуб, чтобы уточнить название фильма. У детей в деревне, как и у взрослых, тоже была своя работа, без разрешения оставлять нельзя было. Зимой в обязанности входило почистить снег во дворе и за воротами, напилить сырых дров и вместе с сухими занести в дом. Всё лето приходилось кормить и пасти гусей, утят, цыплят, охранять их от сорок, ворон и коршунов, полоть траву в огороде, носить воду с речки, чтобы вечером полить огурцы, капусту, помидоры, когда и пол помыть. А ещё с утра пораньше с кем-нибудь сходить за ягодой, например, за клубникой, пока другие люди её не оборвали, и обязательно принести домой целое ведро, желательно с верхом, суметь, когда надо, и корову подоить. Всё, что перечислила, чистая правда. Нас рано учили помогать родителям – косить траву, убирать сено – растили для себя помощников, готовили к нелёгкой деревенской жизни. Играть и читать книжки приходилось вперемешку с учёбой и домашней работой.

Чтобы сходить в кино, нужно было заплатить в то время 5 копеек, а взрослым 10. Но и эти 5 копеек нужно было где-то достать. У нас в доме, как я знала, с этим было туго. Деньги у колхозников, как бы теперь сказали, были виртуальными и назывались трудоднями или палочками, поэтому просить их было неловко, тем более – на развлечение. Родители из разорённых коллективизацией семей умели жить в нужде и с ней неплохо справлялись: мы всегда были сытыми, одетыми, обутыми и даже имели лыжи, коньки и велосипед. Надо было думать, как их раздобыть. Единственный товар, за который давали в магазине деньги, это были куриные яйца.

Летом куры неслись хорошо, яиц в доме хватало, но они все были у бабушки на счету. Тогда я приспособилась следить за курицами, которые по недогляду могли выскочить из курятника и где-нибудь в укромном месте снестись. Я находила это яйцо, бежала с ним в магазин и домой возвращалась с пятакон.

Самыми любопытными и активными зрителями были ребяташки от 7 до 12 лет. Киномеханик поручал расклеивать написанные от руки афиши, и они с радостными криками разносили эту весть по всей деревне. За это их на фильм пускали бесплатно. Места на лавках мы занимали заранее, где-то за два часа до сеанса. Клуб – бывший жилой дом – едва вмещал всех желающих. Мы знали, что если народу придёт больше, чем мест (а так было всегда), то нам опять сидеть на полу. Взрослые придут и скажут: «Кыш отсюда, школьники, стар-

шим надо место уступить». И мы, как по команде, садились на пол, прямо в проходе, в 2-х метрах от экрана. Киноаппаратура устанавливалась тут же, рядом со зрителями, работала от электромотора и очень громко стрекотала. До подключения нашей деревни к линии электропередач (ЛЭП) электричество подавалось от местной водяной мельницы, у которой, как говорили, не хватает тяги. Фильм показывали по частям, киноплёнка то рвалась, то плавилась. Недовольство выражалось шумно и даже нецензурно, так что фильм не всегда могли досмотреть за один вечер.

Когда экран перенесли на задник сцены, то нам пришлось последовать за ним и теперь уже смотреть лёжа на животе, подперев голову руками. Если кто-то не выдерживал такой позы долго и пытался перевернуться на бок, то тут же следовал окрик: «Колька, убери голову, Лёнька, убери свою башку». В таких условиях фильм трудно было досмотреть – по окончании нас почти всех находили спящими. До кое-кого надо было ещё добудиться.

Какие-то отдельные кадры, запоминающиеся детали и события, связанные с кино, подобные фотовспышкам, помогают восстановить картину той среды, в которой рос и воспитывался. Быть ближе к экрану оправдывалось не только нашей любовью к кино, но и желанием буквально войти и стать героями фильма. И мы входили, пусть даже в виде тени наших голов на экране. Пели песню «Бродяга я, ко мне, друзья» из музыкального фильма «Бродяга» с известным ту пору и популярным у нас в стране актёром и режиссёром Раджем Капуром. Летним тёплым вечером, в сумерках, на улице около клуба смотрим фильм С. Росточки «Земля и люди», веселимся, стараемся, как вроде невзначай, мелькнуть во весь рост на экране. Мы были непосредственными и эмоционально восприимчивыми. На «Молодой гвардии» плакали, громко смеялись на «Трактористах», говорили, что наши победили, если даже это был фильм японского режиссёра Акиры Куросавы «Семь самураев». Экран был заманчивым образцом для подражания. После «Карнавальной ночи» попросила маму и бабушку сшить мне платье из ситца, как у Людмилы Гурченко. После просмотра документального фильма про Кубу – сама себе сшила чёрную рубашку-кубинку. Деревенский зритель в клуб приходил, как к себе домой, со своим, как бы теперь сказали, попкорном – летом с подсолнухами, зимой с кедровыми орехами и семечками. В углу на видном месте всегда стоял берёзовый веник-голик. Насорил – подмети!

Кинемеханику в то время приходилось в одном лице выполнять все работы, связанные с показом фильма: продавать билеты, отрывать контроль, следить за «зайцами», которыми всегда были мальчишки. Безбилетники прятались среди взрослых, но он их вылавливал и силой выпроваживал из клуба. Ситуация унижительная для всех, но поучительная. Быть свидетелем унижения, хоть к кому, всегда отзывается во мне физической болью. У меня к этому чувству врождённое отвращение. Не в похвальбу было сказано.

Бывало и такое – «кина не будет – киньщик пьяный». Наше неуважение к нему росло, а тут ещё сказали, что нас не пустят на французский фильм «Фанфан-тюльпан» с красавцем Жераром Филипом и с богиней красоты Джинной Лоллобриджидой. До нашей деревни крылатое выражение – «увидеть Париж и умереть» – долетело. Детей до 16 лет не пускали, говорили, что это кино про

любовь и только для взрослых, а нас это ещё больше подогревало. Мы в клуб всё-таки пришли, сели на лавки и ждём, но нас выгнали, а дверь закрыли на крючок. Мы кричали, стучали в окна, в дверь, и когда киньщик в очередной раз вышел, чтобы нас успокоить, мы вступили с ним в борьбу за право «увидеть и умереть».

С утра уже вся деревня знала, что киномеханик был у директора совхоза и пожаловался на нас, показал поцарапанные и покусанные руки, сказал, что больше к нам не приедет. И мы притихли, так как без кино уже себя не мыслили. Для нас оно было окном в мир, познанием всего нового и неизведанного. Когда сегодня детей ограничивают в общении с интернетом, они также начинают протестовать, отстаивать право на своё окно в мир будущего, потому что оно по рождению принадлежит им. Здесь я не исключаю контроль взрослых.

«Фанфана-тюльпана» я всё-таки подсмотрела, буквально в окно. Зацепившись за наличник, я тихо постучала, и мне приоткрыли чёрную шторку. В щёлочку были видны вытянутые фигуры и такой же вытянутый Жерар Филип в широкой белой рубашке. Вот всё, что запомнила. Но французский документальный фильм «Поёт Ив Монтан» посмотрела полностью, сидя на лавке.

Наша деревня Дубровка на глазах менялась к лучшему: до нас дотянули ЛЭП, провели в каждый дом радио. По нему мы узнавали, что в Москве, Японии, Америке, в Томске смотрят кино дома и что его показывают по телевизору. По тому же радио 4 октября 1957 года услышали сенсационное сообщение о запуске в СССР первого искусственного спутника Земли. Его сигналы до сих пор по радио напоминают о том памятном дне. 12 апреля 1961 года произошло ещё одно грандиозное событие – полёт Юрия Гагарина в космос. В тот тёплый, солнечный день на школьном дворе мы услышали по уличному радио ошеломляющую новость, и нашему «Ура!» не было конца, словно это мы запустили в космос из нашей деревни Юрия Гагарина. Побывав, в прямом смысле, на небесах, Гагарин вдохнул в нашу страну и её людей такую мощную эмоциональную энергию, что пока сравнить её не с чем. Это была энергия всемирного восторга. Были и другие, не менее грандиозные события в нашей стране и за рубежом, связанные с научными достижениями, но они уже были другими, более спокойными. Мы ещё не знали, что учёные открыли другую для нас энергию – энергию для разума, под названием Интернет.

В то время наш детский взгляд менялся вместе с миром – нам хотелось учиться в новой школе, иметь новый клуб с хорошим кинозалом, как в городе. Наши желания сбудутся: построят среднюю школу, двухэтажный клуб с библиотекой, кинозал со стульями и кинобудкой, откуда каждый вечер местный киномеханик будет показывать новые фильмы. Но это уже будет без нас. Мы окончим школу, покинем свою деревню и пойдём по жизни каждый со своей «находкой».

РАВНЕНИЕ НА СОВЕСТЬ

Прошло более 30 лет с того «зеркального» 1991 года, когда в нашей стране произошёл государственный переворот. Сегодня 90-е называют «лихими» – это уже отдельный исторический период, который требует размышлений.

Россия обновлялась и вырывалась на свободу. Кинематограф демонстрировал видимые образцы свободы и тоже становился не менее бедовым: взрослых раскрепощал, подростков – развращал. С появлением видеомэгнитофонов, начиная с 80-х годов, народ всё больше стал смотреть фильмы в домашних условиях. Среди них особое место занимала продукция подпольного изготовления под названием «эротика», за которой скрывалась порнография из Германии, Италии, США. Об этой виртуальной «любовной забаве» знали все: её обсуждали, её осуждали, смотрели ночью и днём, даже на рабочих местах, в целом к новому явлению в нашей культуре относились снисходительно, как к некоей игре в удовольствие. Появлялись приметы свободного цивилизованного мира, где мы невольно становились его частью.

В середине 90-х, можно сказать, порнография в Томске легализовалась. Демонстрация на большом экране БКЗ двух ударных в этом жанре художественных фильмов «Империя чувств» (Япония) режиссёра Нагисы Осимы и «Калигула» Тинто Брасса являются тому подтверждением.

Томичи, особенно любители кино, о скандальном происхождении фильмов знали. На престижном Каннском кинофестивале несмотря на мировую известность кинорежиссёров и популярных актёров полиция в прокат картины не пустила, определила им место в порнокинотеатрах и «Только для взрослых». Фильмы снимались ради скандала, и в этом они явно преуспели – товар оказался востребованным.

На фоне завоевания публичного пространства эротикой мировая киноклассика уходила в тень, становилась не востребовавшейся массовым зрителем. Подпольная видеопродукция маскировалась под эротику, отвоёвывала у городского кинопроката самого активного зрителя, молодёжь от 15 до 25 лет, для своего бизнеса. Таким образом, порнография стремилась добиться признания и стать в один ряд с мировым кинематографом. «Ради искусства можно появляться на сцене и обнажённым, но вернуться оттуда надо не только одетым, но и более чистым» (Ч. Чаплин).

Настоящее кино всегда руководствуется интересами человека, оно создаёт образ, где заключена глубокая мысль. Порнография строит простые картинки и обращается к инстинктам человека, где попирается любовь и унижается личность. Закон о порнографии у нас в стране тогда ещё не вышел («Чёрный список», касающийся порнографии, начал действовать с ноября 2012 года), и поэтому она беспрепятственно становилась частью искусства, показателем степени свободы личности.

Наглость всегда ставила культуру в тупик, потому что разные у них цели и задачи. Культура предполагает самоограничение, а наглость – полную свободу, которая берётся ниоткуда и идёт никуда. Когда на кафедру культурологии и социологии ТУСУРа пришли представители от Томского кинопроката и правоохранительных органов с просьбой написать инструкцию или методичку, связанную с порнографией, стало понятно, что из «альтруистических соображений» мне придётся, как по долгу службы, так и по совести, выполнять противную моей душе работу. Для начала поставила себе защиту – прочитала несколько раз «Отче наш». Видеокассеты, изъятые у продавцов и работников частных видеосалонов, можно было по первым секундам, стоп-кадрам опре-

делить, что это порнография. Со студентами на занятиях по «Истории кино» разговор о порнографии не затевала, но просила честно ответить на вопрос: «Кто знаком с таким жанром, как жёсткая эротика?». Почти все.

Было бы к месту в то время рассказать случай из маминого детства. В 1929 году мамину семью из восьми человек раскулачили и сослали в Нарым Томской области, где даже в мае весной не пахнет. С паромы их высадили на берег Оби, в снежное, безлюдное место. К счастью, неподалёку жил лесничий, и он всю семью приютил в своей бане. Летом этого года дедушка построил избушку, а чтобы кормить семью, гнал из берёзы дёготь и продавал. Ему помогала 12-летняя мама, иногда она брала с собой пятилетнего брата, за которым надо было присматривать. Как-то она недоглядела за ним и стала искать – видит, что он стоит в лесу и с кем-то разговаривает, но рядом с ним никого. Она тихо подошла и спросила: «С кем ты говоришь?». – «С тётей, она мне дала пряников и конфет, зовёт с собой, у неё их много, но она не велела никому об этом рассказывать, а то мне будет плохо». Ребёнок тогда явно недоедал, а сладкого совсем не видел. В руках он держал сухой помёт диких животных. Мама всё дословно передала дедушке.

Где-то к ночи с ним стало происходить что-то невероятное: его голову кто-то невидимый тянул к ногам, от боли он мог только громко кричать и плакать. Обнять, прижать к себе, распрямить тельце было невозможно – никто не мог преодолеть свалившуюся на ребёнка силу. В то время к ним часто заходил сосланный монах, Иван Михеич, побирушка. Икона и его молитва спасли мальчика. Больше с ним подобного не случилось, но жизнь его была короткой – в 18 лет взяли на фронт, а вскоре пришла похоронка. Если бы меня тогда спросили: «Это правда?», я бы ответила: «В Государственной Третьяковской галерее есть картина Михаила Нестерова «Видение отроку Варфоломею», посвящённая преподобному Сергию Радонежскому. Сюжет картины художник взял из «Жития преподобного Сергия». Однажды отец послал Варфоломея за лошадьми в поле. По дороге он встретил посланного Богом ангела в иноческом образе, который стоял под дубом и совершал молитву. Мальчик стоял и ждал. По окончании молитвы старца Варфоломей сообщил ему о своём желании знать грамоту и неспособности одолеть её. Старец продолжил молитву за отрока, благословил его, поцеловал, достал сосуд и дал Варфоломею частицу просфиры». «Неокрепшая душа пойдёт за любым водителем» (А. С. Пушкин).

Разговор о порнографии завела не случайно, потому что низменное в нашей культуре присутствует, и в любое время может активизироваться, стать нашим сегодня. Вступать в полемику с пошлостью – глупо, едва ли удастся выйти из неё победителем. Но на всякое действие всегда имеется противодействие, в данном случае мировая классическая культура.

НЕДОВЕРШЁННЫЙ ЭСКИЗ

Культура закладывается в молодости, на себе проверено. Когда по глупости в детстве делала что-то не то, мама говорила: «Это некрасиво». Не ругала, не наказывала, но мне всё равно становилось как-то неловко и даже стыдно. Эти

слова для меня оказались заветными – равнением на собственную совесть, в нужный момент мерилom между понятиями хорошо и плохо, красиво и не красиво. Оговорюсь, в своих размышлениях мне приходится приводить примеры из своей жизни не для того, чтобы как-то выпятить себя (упаси Бог), а чтобы соответствовать жанру «от первого лица», где предполагается искренность и доверие к читателю.

В массовой культуре молодёжь чувствует себя более органично – здесь грамота не нужна, она предназначена для отдыха и развлечений, а вот художественную культуру надо постигать своим трудом, хотя бы почаще с ней общаться. Пусть даже на уровне: «Я это видел, я это слышал», видел иконы Андрея Рублёва, скульптуры Микеланджело, картины Сурикова, Веласкеса, Моне, Иванова, Пикассо... Смотрел фильмы Чаплина, Антониони, Тарковского, Бергмана, Урсюляка, Вуди Аллена... Слушал музыку Рахманинова, Чайковского, Шнитке, Баха, Моцарта... Пусть виртуально, но совершил экскурсии по Эрмитажу, Русскому музею, Лувру, по галерее Уффици... Знать имена великих творцов искусства – уже полезное дело для себя сделал. При этом массовая культура и классическая друг другу не мешают. Молодым, при желании, можно с лёгкостью их совместить, например, днём сходить в художественный музей, а вечером на дискотеку. Это я в порядке пожелания.

Всё новое всегда немного пугает, и чтобы снять недоверие, завладеть вниманием и даже вызвать улыбку у студентов приходилось говорить, что из математики помню таблицу умножения, а из физики «правило буравчика». Что классическое искусство не надо игнорировать – оно создавалось для всех и для каждого, как алфавит, который позволяет нам читать и писать. Если ты умеешь читать, то можешь научиться чему угодно. Было бы желание. Что искусство – всегда метафора действительности, что у искусства свой язык, что оно познаётся только через общение с ним, что процесс понимания его может быть мучительным, а может быть интересным и увлекательным, – ответ будет только вашим и таким, как вы его понимаете. Подобное чувство испытываешь в пограничном состоянии между сном и пробуждением, когда надо бы открыть глаза, но не можешь, изо всех сил стараешься, но сон снова тянет тебя в свои потёмки, говорит, что «нет-нет, ты ещё не доспал». Иногда удаётся вырваться из его крепких объятий, глубоко вдохнуть и обрадоваться увиденному свету.

На моё «пробуждение» повлияли три удивительных встречи, ставшие своего рода камертоном, настраивающим на восприятие искусства – это народный музыкальный ансамбль Д. Покровского; художественный фильм режиссёров Л. Шепитько и Э. Климова «Прощание»; фильм-балет в постановке Ю. Григоровича «Спартак». Три разных по форме и содержанию вида искусства вызвали тогда во мне слёзы, вошли в моё сердце глубоким эмоциональным потрясением.

Искусство задаёт нам вопросы, а мы, как можем, на них отвечаем. Все с детства знакомы с картиной В. Васнецова «Богатыри», но не все из нас запомнили такие детали, как, например, оружие в руках у каждого из трёх богатырей: меч, копьё, булава, лук и лютня у Алёши Поповича. Если, не торопясь, внимательно

приглядеться к воинам, то нам могут раскрыться не только их характеры и судьбы, но и веками воспетая в былинах наша история.

Приведу пример. Первокурсникам было известно растиражированное рекламной изображение скульптуры «Мыслитель» («Поэт»), но назвать автора этой работы без подсказки интернета они не смогли. Документальный фильм «Роден» о жизни и творчестве великого скульптора Огюста Родена смотрели внимательно и заинтересованно. Предварительный разговор о природе пластического искусства, о его стилях и направлениях, помог настроиться на восприятие фильма, открыть для себя много нового в наследии скульптора. После таких занятий хочется надеяться, что мои студенты не посадят «Мыслителя» на унитаз, не подрисуют «Джоконде» усы и не скажут при виде, на их взгляд, простой картины: «И я бы так мог». Потому что они не захотят услышать в ответ: «Ты бы так мог, а он (она) это сделал». Чёрный квадрат любой нарисует, но почему-то автором картины «Чёрный квадрат» является Казимир Малевич – один из ведущих художников русского авангарда. По этому поводу им когда-то было сказано: «Все требуют от искусства, чтобы оно было для всех понятно, но никогда не требуют от себя, как приспособить к нему свою голову».

Добавлю. Настоящее произведение искусства несёт в себе энергию, мысль, эмоцию. Если при общении с ним произойдёт нечто такое, от чего наши душа и сердце отзовутся слезой – порадуемся за себя. После подобных встреч мы будем не просто смотреть, а созерцать с молитвенным взглядом и получать от искусства наслаждение. Но для этого нужно время – наше личное время. В поп-культуре, в клиповой культуре (сегодня помним, завтра – нет), селфи-культуре – такого не произойдёт, здесь время бежит, время – деньги, а это уже другие ценности и другое от них удовольствие.

МЫСЛИ ЗВУКОВ

Что такое искусство? Тут я сошлюсь на кинорежиссёра А. Тарковского: «Художник существует только потому, что мир несовершенен». Композитор Ф. Гуно так сказал: «Искусство – это сердце, способное мыслить».

Что такое произведение искусства? «Прежде всего это попытка понять смысл жизни. Мы пытаемся найти ответ на этот вопрос уже многие тысячи лет, но никак не найдём» (А. Кончаловский). Дать определение искусству можно, но оно у каждого будет своё. Однозначного ответа нет.

Приведу три эпизода из трёх выдающихся фильмов: «Андрей Рублёв», Россия; «Кабаре», США; «Любовное настроение», Китай. Послушаю звук живой души.

МОЛЧАНИЕ

«Наверное, сильно согрешил, давно молчит», – говорит монах Кирилл про чернеца-иконописца Андрея Рублёва в одноимённом фильме А. Тарковского.

Андрей Рублёв дал обет молчания после «смертного греха» – убийства че-

ловека в храме. При очередном набеге татар, спасая девушку-сироту от насильника, он убивает его топором. В разрушенном храме, где идёт снег, в полной растерянности Рублёв исповедуется духу великого иконописца и учителя Феофана Грека. Мудрые слова наставника: «Замахнулся на зло, а убил человека. Бог простит, только ты себе не прощай», – помогают сделать выбор. Он сам себе судья. Молчание станет громче крика, страшным судом – самой большой работой его души.

КРИК

«А-а-а-а!» – громко, что есть мочи кричала Салли, главная героиня фильма «Кабаре» американского режиссёра Боба Фосса.

Иногда, приходя на вокзал, она по сигналу прибывающего поезда бежала в туннель, чтобы до изнеможения накричаться под грохот быстро идущей машины и получить необходимый её молодому организму адреналин. За несколько секунд, на одном дыхании, Салли выдавала эмоцию такой силы, которая позволяла ей уже с первым глотком воздуха после крика почувствовать себя свободной, обновлённой и счастливой.

ШЁПОТ

Вот как в древности китайский монах сохранял свою тайну. Он поднимался в гору, подходил к дереву, проделывал дупло и шёпотом в него рассказывал тайну, а затем брал влажную землю и запечатывал её.

«Прошлое – это нечто, что можно увидеть, но нельзя коснуться», – говорит главный герой фильма «Любовное настроение» китайского режиссёра Ванга Кар-Вая. После расставания с любимой женщиной он подобно монаху, шёпотом, прикрывая лицо руками, доверяет свою тайну отверстию в колонне древнего храма, а затем затыкает пучком сухой травы.

Иногда сердце молчит, иногда кричит, иногда шепчет.

Дмитрий Барчук

МАМА И ДРУГИЕ БЛИЗКИЕ

очерк воспоминаний

– Где моя мама? А вдруг с ней что-нибудь случилось?! А-а-а!!!

Я рыдал на всю детскую эндокринологию, куда в шесть лет меня положили с сахарным диабетом. Шёл второй месяц госпитализации. Один – в огромной столице, а мама за тысячи километров дома, в Казахстане. Напрасно медсестры и дежурный врач пытались меня утешить. Их потуги только усиливали мою истерику. Сознание мальчишки рисовало картины одну ужаснее другой. То мама не заметила вылетевшую из-за угла на всей скорости машину, то в тёмном переулке на неё напали грабители с ножом...

Полная нянечка, похожая на бабушку, мамину маму, отводила меня в палату.

– Всё с твоей мамой в порядке, Дима. Междугородняя линия, видать, перегружена. Так бывает.

– Но почему она не позвонила? Она же обещала... – сквозь всхлипы продолжал долдонить я.

– Завтра позвонит! – бабушкина копия гладила меня по вихру.

Опустошённый рыданиями, я постепенно засыпал.

А следующим вечером перед отбоем на посту медсестры раздавался длинный звонок.

– Алло, Москва? Ответьте Павлодару...

Меня не нужно было звать. Затаив дыхание, я давно уже стоял у сестринского стола, воспринимая случившееся как чудо...

Теперь чуда уже не будет. Звонок врача из реанимации.

– Барчук Нина Яковлевна кем приходится вам?

– Мама.

– Примите мои соболезнования. Ваша мама скончалась в 13 часов 29 минут...

И хотя это произошло не на седьмом году, а на седьмом десятке лет моей жизни, и сам я – уже дед, но ощущение чудовищной пустоты от утраты самого близкого и дорогого мне человека не ослабло. Скорее – наоборот. Я дожил почти до старости, зная, что мама – недалеко, она постоянно думает обо мне, я под её защитой. Мальчишеской истерики уже нет, сила переживаний направлена внутрь. И от этого ещё больнее. Эти записки – попытка справиться с горем. Выливаясь в строки, боль утихает.

Ничто не возникает из ниоткуда, и ничто не уходит в никуда. Мы есть продолжение наших предков, звенья в цепи поколений. За тысячелетия накопи-

лось несчётное число комбинаций, даже искусственному интеллекту не упорядочить их. Но черты характера, определяющие личность, всё ж из ближнего круга – родителей, дедов, прадедов... Это обозримо, дотуда дотянуться можно. И попытаться понять.

Почему встречаются и влюбляются разные люди? Или на самом деле однополярные полюса отталкиваются? Перелистывая страницы поколений в воображаемой родовой книге, я не перестаю удивляться: везде – похожие сюжеты, выверты судьбы!

Мама родилась в посёлке Форпост Большереченского района Омской области на исходе четвёртой недели Великой Отечественной – 18 июля 1941 года. У деда после финской была бронь, её сняли только осенью, и рождение первой дочери он отметил по-русски, до сельсовета добрался лишь через день. А председатель пошёл на принцип, и дату рождения поставил 20 июля, когда протрезвевший папаша соизволил оповестить власть. Так у моей мамы стало два дня рождения. Де-факто и де-юре. С выбором имени для новорождённой родители к согласию пришли быстро. В бабушкин день рождения, 27 января – именины святой Нины, а дед посчитал, что обладательнице грузинского (на самом деле – ассирийского) имени легче будет жить в сталинском Советском Союзе.

На фронт деда призвали в ноябре. Не буду лукавить, сам он туда не рвался. Что такое война, Яков Барчук испытал на себе ещё в боях с японцами на озере Хасан в 1938-м. А в финскую кампанию чуть не отморозил и руки, и ноги – сутки пролежал в засаде на лютом морозе, выслеживая финского снайпера.

На призывной пункт явился в валенках и полушубке. В снайперы же идти отказался, соврал, что после обморожения плохо чувствует пальцы. Его направили в артиллерийский учебный центр под Харьков. Оттуда и отступал до самого Сталинграда.

Бабушка с маленькой Ниной осталась у дедовской родни в Форпосте, но отношения снохи со свекровью не сложились. И в одно морозное утро молодая мамаша не выдержала, укутала четырёхмесячную дочку в пуховое одеяльце и подалась к своей матери в родное село, за двадцать километров. Благо, снега ещё много не намело, пробраться можно. Но заблудилась. Выберет берёзу повыше, положит дитё под дерево, заберётся на самую верхотуру и дорогу выглядывает. Дошла уже затемно. И осталась до возвращения мужа.

БАРИНЫ-КРЕСТЬЯНЕ

Фамилия наша происхождения совсем не украинского, она возникла в Сибири от прозвища-клички ссыльного дворянина белорусско-литовских кровей. В 1864 году в Омский округ из Гродненской губернии за участие в польском восстании был сослан 18-летний Владислав Глинка. Местом его поселения власти избрали один из форпостов на Старом Сибирском тракте между Тарой и Каинском. За неприспособленность к физическому труду местные жители прозвали белоручку Барчуком. Прозвище пристало быстро, и по фа-

милиии его уже никто не называл. Он сошёлся с местной девицей Анной Ковалёвой, родившей вскоре мальчика, которого нарекли Иваном. От венчания ссыльный отказался: он-де католик, а она – православная. Видать, хотел себе другой жизни. И вскоре благодаря хлопотам высокопоставленных родственников выбрался-таки из сибирской ссылки. Уехал к дяде-генералу в европейскую часть России и там уже официально женился на дворянке, без возражений перейдя в православие.

Отец Анны поначалу внука не признал, выговорив дочери, мол, сама нагуляла – сама и расхлёбывай. Но после отъезда несостоявшегося зятя принял обратно в родительский дом. Так в семействе сибирских старожилов Ковалёвых появился Иван Барчук, мой прадед. Крещённый в православной церкви, повзрослев, он по иронии судьбы влюбился в католичку, дочь ссыльного поляка из Кракова Марию Синецкую. Чувства у молодых были взаимными, и моя прабабушка ради союза с милым приняла православную веру.

Я встречался с прадедом, даже сидел у него на коленях и трогал его длинную седую бороду. Он дожил до девяноста лет, и за год до своей кончины приезжал в Павлодар к сыну, попрощаться. А прабабушку я видел только на фотокарточках: худенькая, щупленькая, темноволосая. Рассказывали, что она была остра на язык и спуску никому не давала. Моей маме бабушка по отцовой линии запомнилась только двумя польскими восклицаниями – «Матка боска!» и «Пся крев!».

Но прадед в ней души не чаял. Невидимыми узами крепко привязала к себе его польская панна, родив троих сыновей и семерых дочерей. Мужа ни на войны, ни на революции от себя не отпускала. А сыновей вот не удержала. В начале сорок второго пришло извещение на младшенького, любимца Тимошу – пропал без вести. Мать не теряла надежды, что сын – где-то в госпитале, ранен, пусть даже попал в плен... Война закончилась, старшие сыновья под новый 1946-й вместе вернулись домой, встретившись в поезде из столицы в Омск. Оказалось, Яков долечивался после тяжёлого ранения в госпитале в Кенигсберге, а Семён после Победы добивал бандеровцев в Карпатах. Но Тимофей так и не вернулся... На мемориальном комплексе в подмосковной Кубинке и на сайте «Память народа» Тимофей Иванович Барчук числится как погибший.

Передо мной фотография деда – Якова Ивановича, сделанная в Восточной Пруссии и датированная 15 сентября 1945 года. Её он выслал полевой почтой из госпиталя лично моей маме. Привожу орфографию оригинала со всеми ошибками, ведь дед за партией вообще не сидел: «На Памить Любимайдочири Ниночки от папи Якова. ... доч Нина собщу я тибе что я жив здоров жди скоро приду домой все ваш Папа Яков».

Учиться Якову Барчуку было некогда. Он родился в октябре 1914-го, в начале Первой мировой. Второй ребёнок в большой крестьянской семье. Семён да он – первые отцовские помощники в любом деле. Опровергая данное когда-то ссыльному предку прозвище, Барчуки белоручками не были. Всё умели, всё у них получалось. В период НЭПа их хозяйство росло и крепло. Семь лошадей, пять коров, сельхозинвентарь: бороны, плуги, сеялки, веялки... Каждый год – прибавление в семье. Когда началась коллективизация и советская власть стала раскулачивать зажиточных крестьян, прадед всерьёз стал опасаться, что

молох репрессий обрушится и на них. Примеров в окрестных сёлах было предостаточно. Накануне крестьянского схода по записи в колхоз он отправил своего любимца Яшку в Омск. Наказал, чтобы тот на вокзале сел на поезд до Иркутска, потом на перекладных – до Усть-Кута, а там на теплоходе – по Лене в Якутию. На прииске Незаметный в старательской артели мыл золото их односельчанин, он обещал пристроить мальчика.

Конечно, боялся прадед за малого сына, отправляя его на край земли. Но ещё больше боялся, что вся семья может сгинуть бесследно в ссылке. А так, глядишь, хоть Яшка выживет... Но беда обошла стороной. Прадед первым записался в колхоз, сдал сельхозинвентарь, отвёл скотину в общее стадо. И не попал в кулачьи списки, прошёл за середняка.

Смилостивилась судьба и над моим дедом.

В 2015 году я писал книгу о золотодобывающем холдинге «Селигдар» и побывал в Алдане, в тех местах, где прошла дедова юность. В пятидесятиградусный мороз даже в современных арктических вахтовых модулях было прохладно. До столовой каких-то двести метров, но уже на полпути в пуховике, свитере и двух комплектах термобелья ощущаешь себя совершенно голым... Восемь таких зим провёл дед в посёлке старателей – подросток, юноша. А когда появилась возможность, вернулся домой. Намытого им золота хватило на приданое всем семерым сёстрам.

БОГ НИЧЕГО ЩЕПОТЬЮ НЕ ДАВАЛ

В паспортах подданных Российской империи национальность не указывалась, только вероисповедание. Православные, католики, магометане, иудеи... Были ещё староверы. Тоже православные христиане, но не принявшие церковные реформы патриарха Никона в XVII веке по унификации обрядовой традиции и книжной справе. Они продолжали креститься не тремя, как все христиане, а двумя пальцами, и в молитвах называли Бога не «Иисус», а «Исус».

Если в дедовой семье религиозный конфликт происходил между двумя христианскими конфессиями – православием и католичеством, то в бабушкиной – уже внутри самой православной веры, между общепринятым никонианством и старообрядчеством. Но в дедовской родословной оба раза побеждало православие (вера Ковалёвых брала верх над религией Глинок и Синецких, и прадед, и дед были воспитаны в православной традиции), а в бабушкиной в лучшем случае была ничья. По крайней мере, старообрядчество не признало своего поражения. Благодаря нестигаемому упрямству моей прабабушки – Екатерины Коршуновой.

Её отец был купцом и занимался конным извозом на Сибирском тракте, на воспитании и образовании дочери не экономил. Гувернёров и учителей выписывал не только из Тобольска и Омска, но и из столиц. Ещё ребёнком родители возили дочь в Париж и Венецию.

Образование Екатерина получила для девицы дореволюционной России самое лучшее – на словесно-историческом отделении знаменитых Бестужевских курсов в Санкт-Петербурге. Из-за образованности долго не могла выйти

замуж. Ей было уже далеко за тридцать (по тем временам совсем старая дева), когда, ухаживая за ранеными в Петроградском госпитале, она встретила земляка. Иван Неупокоев из соседнего села Тутаево был моложе её, происходил из простой солдатской семьи. Не в одном поколении его предки верой и правдой служили царю и отечеству. Сам Иван на германской войне из солдата дослужился до подпоручика, был тяжело ранен, в беспомощности доставлен в госпиталь. Екатерина выходила его, и у них закружился роман.

На дворе революция – одна, потом другая. Война. Мятеж генерала Корнилова. А у них – любовь. Сколько я ни спрашивал у мамы и тётушек, в какой церкви венчались их дедушка с бабушкой, и венчались ли вообще, – никто ничего толком не ответил. Знаю только, что Иван Неупокоев не был старовером, и родительского благословения на брак с щепотником купец Коршунов не дал. Баба Катя вышла замуж, как тогда говорили, убёгом. Осенью 1917-го молодые вернулись в Сибирь, поселились в Тутаево у родителей мужа, и там Екатерина родила сына Тихона, а в январе 1919-го – мою бабушку Марию. В том же году схоронила умершего от тифа мужа.

Участь бабы-Катиных родителей была незавидной. Имущество купцов Коршуновых большевики реквизировали, но саму её, вдову с двумя малыми детьми, не тронули.

Советская власть объявила религию «опиумом для народа». Без разницы – никонианская церковь или кержацкая, мечеть или костёл – все «объекты культа» разрушались без разбора, за одни разговоры о Боге можно было лишиться не только свободы, но и жизни. Но детей втайне, на дому, продолжали крестить. Несмотря на протесты свёкра и свекрови баба Катя крестила своих детей в старой вере. И младших внушек-двойняшек Сашу и Раю, родившихся в декабре 1946-го в Таре, – тоже. Только с моей мамой у неё вышла промашка, её окрестили Барчуки и Ковалёвы в начале войны по традиционному православному обряду.

Свой век кержачка доживала в дочеринной семье, вплотную занималась воспитанием внушек. Длинными зимними вечерами в суровом таёжном краю в полуголодное послевоенное время она рассказывала притихшим девчонкам, как волшебные сказки, о своих детских путешествиях.

– Венеция скоро уйдёт под воду...

Счастливая Нина засыпала под бабушкины рассказы, и ей снились вытянутые гондолы, скользящие по узким каналам, которые вместо улиц в средневековом городе. Галантные дожди и их дамы в роскошных нарядах с лицами, скрытыми маскарадными масками, гуляют под руку по набережной морского залива, где на рейде покачиваются парусники с пряностями из дальних стран... С тех пор заветная, в СССР почти несбыточная, мечта моей мамы – прокатиться на гондоле по Гранд-Каналу.

В апреле 2000 года она осуществилась. Из Москвы мы прилетели в Венецию, жили в отеле в пригороде Лидо-ди-Йезоло. И целых три дня каждое утро, как на работу, уплывали в Венецию на катере. Потом ещё трое суток жили во Флоренции и четверо – в Риме... Перед самым вылетом на родину в римском аэропорту Леонардо да Винчи счастливая мама произнесла сакраментальную фразу:

– Осталось увидеть Париж. И умереть.

Я не хотел такого исхода, и в следующем путешествии Париж заменил Прагой и Веной. Перед отъездом из австрийской столицы случился форс-мажор: забастовали железнодорожники, и мы на такси добирались до Праги, потом на электричке до польской границы. Но свой вагон всё-таки догнали. Дорожные переживания обернулись для мамы обострением гипертонии, о дальнейших поездках за рубеж пришлось забыть. Зато она прожила ещё двадцать лет...

Населённых пунктов – малой родины моих предков – на современной карте нет. Ничегошеньки не ведаёт о Форпосте, где жили Ковалёвы и Барчуки и где родилась моя мама, вундеркинд Гугл. Молчит о Тутаево, родном селе моей бабушки, отечественный всезнайка Яндекс. Даже в списке умерших деревень в Интернете они уже не значатся. Коротка память у таких архивов!

Зато сохранилась бабы-Катино родовое село Коршуново – теперь уже деревня, где в 2010 году проживал всего 71 человек. От неё до Тары – 60 километров на север. Между ними – село Черняево, где жила дедова сестра баба Лена, и деревня Советская Крестьянка, где после войны руководил колхозом дедов брат Семён. Но это – уже Тарский район, а Форпост и Тутаево были в Большереченском, чуть южнее... Такая вот история с географией.

Дед увидел бабушку на почте, сразу на неё «запал». Для вернувшегося с якутских приисков молодца даже её замужество не имело ровным счётом никакого значения. И что муж служил в НКВД, и что на дворе – 1937 год.

Влюблённому двадцать вёрст не крюк, по субботам он первым являлся на танцы в тутаевский клуб. Удавалось одолжить у кого-нибудь коня – хорошо, а нет – так пешком. Приходил, выглядывал по сторонам, когда же придёт его зазноба...

Бабушка пленила моего энергичного деда своей спокойной красотой: правильные черты лица, высокий лоб, прямой нос, чувственные губы немного поджаты и вытянуты в струну. Когда она улыбалась, её лицо освещалось каким-то внутренним сиянием. Дед наверняка заметил, что мыслями и сердцем она живёт в совсем другом мире, где нет зла, предательства, болезней, а в мире реальном просто отбывает повинность. Он сердцем чувствовал её бесконечную, безбрежную, до самопожертвования, доброту.

Но что она, всегда уравновешенная и рассудительная, нашла в этом дерзком ухажёре? Сегодня бы моего деда, каким он был в молодости и в зрелом возрасте, назвали б «мачо». Видный, статный парень, потом мужик. Смелый, отчаянный, он мог очаровать любую, вдобавок обладал каким-то внутренним благородством, что женщинам в нём нравилось особенно. Совсем не такой, как первый бабушкин муж.

Тот служил в Таре и домой выбирался не часто. Добрые люди вскоре донесли, что к его молодой бегаёт один из соседнего села. Вскипела кровь у недавнего молодожёна: ах так?! Не жена она мне боле!

А деду того и надо, увёз он свою Манечку в Форпост. А через год она родила ему сына Мишу. В два годика мальчик заболел воспалением лёгких, до больницы донести не успели. Дед тогда воевал с финнами...

Дед с бабушкой уже не венчались, расписались в сельсовете задним числом. Щепотник и кержачка. Для их любви вероисповедание значения уже не имело.

После войны дед решил начать новую жизнь на новом месте и перевёз семью в Тару. Старинный город на берегу Иртыша, основанный ещё в XVI веке, на десять лет старше Томска, а в Омской области вообще самый древний. Перед фронтовиком-орденоносцем открылись большие карьерные перспективы, он устроился завхозом в педагогическое училище. По должности ему полагался персональный транспорт: телега с плетёным коробом для пассажиров и конь. Жеребец у деда был почти чёрный, с седой гривой, по кличке Милый. Сам возница был под стать коню, такой же франт – кожаная фуражка, трофейный сюртук, брюки-галифе и начищенные до блеска сапоги. А ещё заломленная «беломорина» в уголке рта и лукавый взгляд. В общем – первый парень на деревне.

Случалось, умаявшийся ямщик засыпал на ходу, но Милый неизменно доставлял его до дому. А то, что терялось по дороге, приносили бабушке соседи – картошку в мешке, ягоду в лукошке... Однажды принесли даже гуся:

– Вот, Яков Иванович потерял...

С зятем тёща ладила, и дед мой бабу Катю очень уважал. Половину своей получки отдавал жене на хозяйство, а треть – тёще, как в сберкассе, на чёрный день. Остальное – дочкам на сладости. Себе на выпивку если и оставлял, то самую малость. Когда же возвращался с работы особенно пьяным и, вопреки очевидному факту, божился, что «истинный крест, капли в рот не брал!», то получал от тёщи по рукам. И не за то, что врал безбожно, а что крестился тремя пальцами.

– Бог ничего щепотью не давал! – шипела старая кержачка. – Двумя перстами православные крестятся. Двумя!

А дед, довольный, что ловко отвертелся от домашней выволочки, заваливался на кровать и засыпал блаженным сном.

Он прошёл три войны, несколько раз был ранен, но, вопреки расхожему сейчас афоризму «В окопах атеистов нет», особой потребности в вере не испытывал. В атаку он ходил «за Родину, за Сталина». А после Победы жил по принципу «Не согрешишь – не покаешься, не покаешься – в рай не попадёшь». Он любил жизнь. Любил жену. Но и другие женщины ему нравились.

Муж тёти Раи, дядя Рустэм, как-то афористично обмолвился о тесте:

– Дед пять лет воевал, а потом двадцать пять лет Победу праздновал.

ВНАКЛОН МОЖНО, НА КОЛЕНЯХ – НЕЛЬЗЯ

В трудные времена в Сибири выживали на картошке, всё намолоченное зерно уходило в закрома государства. Мама рассказывала, что многие из её сверстников, особенно после зимы, становились «пузатиками» – сами худые, а животы раздутые. Всю землю, какую выделяли на семью, засаживали картошкой. Не дай бог какая-нибудь из дочерей опустится на колени при посадке или копке клубней – тут же получит от отца хворостиной по спине.

– Земле нужно кланяться, а не на коленках ползать!

Этот отцовский урок Нина Барчук запомнит крепко, и даже в восемьдесят лет не встанет перед грядкой на колени. Я всегда удивлялся маминым терпению и выносливости, она могла часами, согнувшись буквой «Г», пропалывать морковку или чеснок. Потом испытывала жуткие боли и ходила сгорбленная. Один хирург, посмотрев рентгеновский снимок её позвоночника, едко пошутил:

– У вас кости, как у вымершего динозавра!

Какая сила преодолевала элементарный инстинкт самосохранения, я не знаю. Кержацкое упрямство? Дворянская гордость?

– Нинка – как баран! Ей хоть кол на голове чеши, а она – всё своё! – приговаривал дед, заправляя ремень, которым только что от души отходил старшую дочь. – Даже не пикнула, упёртая!

Но в глубине души отец ей гордился.

– Вся в меня! – добавлял он тихо, чтобы дочка не слышала.

Зимой 1954-го дом Барчуков подожгли. Мама считала, что это кто-то из обманутых мужей дедовых зазноб.

– Добро – дело наживное. Главное – все живы, – философски заметил дед на пожарище.

Но он ошибся. Бабу Катю хватил удар, от которого она так и не оправилась.

Схоронив тещу и перекантовавшись зиму у родственников, по весне Барчуки двинулись на запад. Дед списался с боевым товарищем из Россоси Воронежской области и решил податься в тёплые края, где растут яблоки.

Но не смог он прижиться на новом месте. Люди там оказались другими, каждый сам по себе. Куркули.

– Наварят большую кастрюлю борща и едят всю неделю. Ни выпить, ни закусить не с кем, – вспоминал он потом несчастных советских европейцев.

Возвращаться в Тару, поджавши хвост, как побитому псу, для Якова было сродни поражению. Выручил двоюродный брат – Сергей Ковалёв, которого дед считал за родного. Он поехал осваивать целину и осел в Павлодаре, всего-то каких-то триста километров от Омска на юг по Иртышу. На север Омская область дальше простирается.

Да, степь. Ну и что? В пойме Иртыша – лиственные леса, рыбалка, грибы. А охоту дед не любил, особенно после войны.

Союзная республика? Другое государство? Рассмешили. Границы-то условные. Страна одна – великий и могучий Советский Союз. Да и самих представителей титульной национальности в областном центре было немного. В основном – русские, украинцы, немцы...

Правда, соседями по дому (Барчуки купили половину) оказались казахи – единственные на весь квартал по улице Фрунзе, между улицами Толстого и Достоевского. Но люди добрые и отзывчивые.

Новое жилище заметно уступало прежнему. В Таре был большой крестовый дом, а в Павлодаре, по сути, одна комната квадратов тридцать. Её отдали дочерям. Потом дед соорудил из фанеры перегородку, отгородив часть пространства для спальни. В углу стояла обшитая листовым железом и выкрашенная в

чёрный цвет круглая печь-голландка, плиты на ней не было. Еду бабушка готовила на русской печи в пристройке, позже – на газовой плите с привозными баллонами. Тут же была горница, а за занавеской – металлическая кровать с панцирной сеткой для родителей.

Деда приняли на работу в областное УВД заведующим хозяйством, но вскоре из-за пристрастия к спиртному перевели в бригады охраны. Он и бабушку устроил туда на работу сторожем, она охраняла небольшой продуктовый магазин прямо напротив дома, через дорогу. Зимой уходила на дежурство в магазин, а летними ночами сторожила из дома – возле открытого окна с винтовкой. Иногда её подменял дед, чтобы Манечка выпалась.

Четверть века проработала Мария Ивановна на одном месте. А перед выходом на пенсию её, простого сторожа, даже наградили орденом «Знак Почёта».

Теперь дед всю свою получку отдавал бабушке, а на выпивку себе зарабатывал подшивкой валенок, главной зимней русской обуви. Подошва у валенок изнашивалась быстрее, чем голенище; дед войлоком от голенищ старых валенок подшивал новые – для клиентов. Для прочности использовал просмолённую суровую нить. И так ладно у него это получалось, что от заказчиков не было отбоя.

Пьяному деду бабушка никогда сцен не устраивала. Знала, что он таскается по другим бабам, терпела и молчала. Но однажды, уже в Павлодаре, её терпению пришёл конец – сплела петлю и повесилась в сарае. Повезло, что соседка за чем-то заглянула во двор. Насилу откачали.

После этого дед гулять перестал. Бабушку он всё равно любил больше всех, и она его, кобеля, тоже любила. Возможно, даже больше дочерей и внуков.

«Честь имею!», – дед никогда не произносил таких высокопарных слов, он просто так жил. Перед начальством не выслуживался, работу свою делал честно, друзей не предавал. Разве только жену? Но это природа, инстинкт, неумышленно ведь. Бабушка это понимала, потому и прощала.

Когда я начал делать первые шаги, она восхищённо говорила маме:
– Нина, а Димка, как Яша, вообще под ноги не смотрит!..

Для меня, первого внука, деду было ничего не жаль, даже своих боевых наград. Мне специально пошили пиджачок под военный китель, а на него нитками, чтобы не потерял, пришили дедовы медали. Однажды он пьяный так расщедрился, что отдал даже свой орден – Великой Отечественной войны. Я тогда не знал цены наградам и променял орден на красивые значки...

В старости дед заказал орденские планки, но надевал их очень редко, только когда ходил в собес. Сколько раз просил я его выступить у меня в школе на классном часе как фронтовика. Даже бабушки, труженицы тыла, выступали. Но дед так и не согласился. Не хотел вспоминать.

ТРЯСИНА

Так мама хотела назвать свой первый рассказ – о том, как мещанский быт затягивает людей. С точки зрения подросткового максимализма её родители

были стопроцентными мещанами, даже отцовские фронтовые подвиги остались в далёком прошлом. В настоящем же – нелюбимая работа, плохо устроенный быт, выпивки. Рутинное повседневное выживание. А где-то геологи открывали новые месторождения полезных ископаемых, учёные создавали космические аппараты, писатели сочиняли романы. Совсем другая жизнь! У неё, Нины Барчук, когда станет взрослой, непременно будет именно такая – насыщенная и прекрасная.

Пока же выходом из невыносимой серости бытия для девчонки были книги, она проглатывала их без разбора. Подумаешь, «Жан-Кристоф» Ромена Роллана или «Жизнь Климса Самгина» Максима Горького в нескольких томах! На две-три ночи... Дед запрещал для забавы жечь электричество – так мама умудрялась читать у окна при свете уличного фонаря. И не только такие вещи, как «Три мушкетёра» или «Графа Монте-Кристо» Александра Дюма. Она сутками не спала из-за прозы пролетарских писателей! Став студентом филфака, я с огромным трудом заставлял себя пробираться через утомительные сюжеты этих многотомных эпопей.

От мамы мне передалась память на стихи. Если стихотворение мне нравилось, то достаточно было пару раз прочитать, чтобы запомнить на всю жизнь. Но на длинные произведения моей памяти, в отличие от маминой, не хватало, разве что на «Чёрного человека» Сергея Есенина. Она же легко читала по памяти всю первую главу «Евгения Онегина». А «Мцыри» Лермонтова декламировала акушерам, когда рожала меня.

Другой отдушиной для неё стал спорт. В Павлодаре она увлеклась лыжами. Особой физической силой мама никогда не отличалась, но упрямства у неё всегда было с избытком.

– Я не могла на лыжне видеть перед собой чью-то спину, – признавалась она. – Умру, но пусть все видят только мою!

На пьедестал победителей областного первенства она взошла в пятнадцать лет под чужой фамилией, потому что к участию в соревновании допускались девушки от шестнадцати и старше.

Ещё ей нравилось сидеть в президиуме на областных комсомольских конференциях. Молодой актёр Павлодарского областного театра драмы и начинающий поэт Олег Афанасьев посвятил чемпионке стихи.

– «Ей нравилось нравиться. Ей было чем нравиться. Ножки одни...» Ой, дальше я забыла! – с лёгкой тенью кокетства вспоминала мама.

В 1996 году я вместе с заслуженным артистом РСФСР Олегом Алексеевичем Афанасьевым оказался в госпитальных клиниках Томского медуниверситета, приблизительно в одно время мы ходили на иглоукалывание. Врач, проводившая процедуру, пациентов вызывала по фамилии. Услышав фамилию Барчук, мой сосед по очереди, сильно располневший бородач, даже вздрогнул, и спросил:

– А Нина Барчук из Павлодара случайно не родственница вам?

Узнав, что это моя мама, легенда томского театра долго тряс мою руку, просил передать привет и что он очень хотел бы встретиться.

Я в точности исполнил его просьбу, но услышал категоричный отказ:

– Не хочу, чтобы он меня видел такой старой!

Спортсменка, комсомолка... Вот только со студенткой сразу не задалось. В приёмной комиссии Свердловского юридического института не прошедшей по конкурсу абитуриентке Барчук вернули документы со словами:

– Шла бы ты, деточка, в педагогический!

Лучшей мотивации для неё и придумать было нельзя. Стиснув зубы, чемпионка пошла зарабатывать трудовой стаж на стройку. Вполсилы она ничего делать не могла, поэтому и штукатуром-маляром стала высшего, шестого разряда.

Через два года Нина Барчук поступила на заочное отделение юридического факультета Томского университета. И вышла замуж.

С моим будущим отцом Виктором Матиенко она познакомилась на лыжне – выступали за одну команду. Он был старше её на пять лет, отслужил в армии. И хотя рекордов не устанавливал, но тренировался добросовестно, ответственно. Намеревался посвятить жизнь спорту, хотел стать тренером и готовился к поступлению в педагогический институт. Каждую субботу он угощал всю команду вкусными пирожками, которые стряпала его мама. Он умел подбирать по погоде мазь для лыж, увлекался фотографией и снимал лыжников для истории. Благодаря увлечению отца у меня сохранилось много детских фотокарточек.

Вот мама с отцом вместе на сборах в Медео под Алма-Атой, а вот – в закарпатском Мукачево. А это уже из свадебного путешествия в Москву и Ленинград, молодожёнов здесь фотографировал отцов старший брат дядя Саша. Перед выходом на Красную площадь мама надела новые туфли, на разводе почётного караула возле Мавзолея Ленина она постоянно крутилась из-за дискомфорта в ногах. Потом в туалете возле Кремлёвской стены дядя Саша намочил тесную обувку, она размякла. К маме сразу вернулась былая уверенность, и она звонко щёлкнула каблучком по мостовой. Да так азартно, что проходивший мимо лейтенант засмотрелся и, набравшись смелости, спросил:

– Скажите, а вы – артистка?

– Баран с целины! – грубо ответил из-за её спины дядя Саша и потянул невестку к поджидавшему на тротуаре супругу.

Мама, конечно, обиделась, но быстро простила деверя. Дядю Сашу из отцовской родни она уважала больше всех, на тот момент он единственный из Матиенок получил высшее образование. Работал инженером-энергетиком на Павлодарской ТЭЦ. Заботливый отец двоих сыновей – Игоря и Олега. Его жена Лидия Афанасьевна Данькова работала завучем в школе. В первый класс я пойду в школу, где директором будет моя тётя.

Ещё у отца был брат, дядя Толя, и сестра, тётя Лида. Чтобы не путать двух тётёх Лид, я стал называть жену дяди Саши тётёй Лидой-большой, а отцову сестру – тётёй Лидой-маленькой. И бабушки обе у меня были Марии. Отцова мама у меня стала бабой Машей, а мамина – бабой Мусей.

Всех четверых детей воспитывала и поднимала на ноги одна баба Маша. Безотцовщин в послевоенное время было очень много, а про деда говорить в отцовой семье было не принято. Я спрашивал о нём и бабушку, и маму, но в

ответ получал молчание. А если продолжал допытываться, то и отпор: «Тебе об этом лучше не знать». Молчаливое поколение умело держать язык за зубами.

Мамина мама раскусила зятя сразу после свадьбы и, удручённо покачав головой, сказала:

– Ох и долгим же тебе, Нина, век с ним покажется!

С максимализмом молодости мама тогда отмахнулась, мол, каждый человек – сам кузнец своего счастья...

Порядки в доме свекрови были совсем не те, что в родительской семье. Если дежурным блюдом бабы Муси были щи, то у бабы Маши – борщ. Мамина мама никогда суп без мяса не варила, а свекровь – лишь по праздникам. Она заранее подбирала в птичнике курицу, которая плохо неслась, сама рубила ей голову на окровавленном чурбане, сама же и ошипывала. Но борщ у неё был всегда густой, красный, со шкварками. Вначале она вытапливала сало на сковороде, потом обжаривала в нём мелко нарезанный лук до карамельного цвета, затем свёклу и морковь, а в завершение в сковороду отправлялась и залитая поварёшкой кипяток капуста для тушения. Картошка варилась отдельно в кастрюле. Пустой картофельный суп принимал тушёные овощи только в конце варки, а потом готовый борщ настаивался на печи.

Дед Яков субпродукты не признавал вообще, исключение делал только для говяжьей печени, которую бабушка готовила со сметаной. А баба Маша жарила в основном лёгкое, оно стоило вдвое дешевле. Иногда в сковороду добавляла немного печёнки. Тарелки на стол ставили только для гостей, в семейном кругу ели из общей посуды. Помню, маленький я старался отыскать на большой чугунной сковороде твёрдые кусочки печени, лёгкое плохо пережёвывалось и было невкусным.

Но в качестве начинки для пирожков, перемолотое на мясорубке, обжаренное с луком и вперемешку с рисом, оно было ничего. Ещё у бабы Маши вкусными получались пирожки с требухой. Современная молодёжь даже слова такого уже не знает. Требуха, или рубец – желудок домашнего животного, в основном коровы. Его надо долго варить, потом обжарить с луком, перекрутить на мясорубке. В общем, мороки с такой начинкой много, но пирожки с ней вкусные.

Даже капусту бабушки солили по-разному. Баба Муся – крупными кусками по четверть вилка и со свёклой, а баба Маша – мелко шинкованную, с помидорами.

– Она без колбасы жить не может, – жаловалась свекровь соседкам на новую сноху.

В её доме покупали только дешёвую ливерную колбасу, куски которой бабушка обжаривала с луком, как и требуху. По праздникам – зельц. Но с колбасой бабушка, конечно, переборщила... А вот без чего моя мама действительно жить не могла – это книги.

Отец её не понимал. Чтение художественной литературы он считал блажью, а покупку книг – расточительством. Ведь можно сходить в библиотеку, там книги выдают бесплатно.

– А если тебе захочется перечитать любимое произведение?

В ответ он только пожимал плечами, у него такого желания никогда не воз-

никало. Увидев на полке новую книгу, по праву главы семьи он выговаривал жене за очередное мотовство. Мама вначале пробовала отстаивать свою правоту, но, осознав тщетность усилий, стала просто врать: «Ты забыл, она всегда здесь стояла!».

Тогда все жили одинаково бедно. В чём-то семья Матиенко даже обходила Барчуков, у них был свой дом на «втором Павлодаре». Это был район частной застройки, делился на линии. Моё младенчество прошло на третьей линии, позже получившей название улицы Ленинградской. Дом построил дядя Саша. Потом он получил благоустроенную квартиру, дядя Толя тоже женился и съехал, а тётя Лида-маленькая уехала учиться в Семипалатинск, в мединститут.

Помню, сразу против входа была большая проходная комната – зал, за ним – маленькая спальня родителей. А бабушка жила в другом конце дома, рядом с кухней. Межкомнатных дверей не было, стенные проёмы закрывали тяжёлые бархатные портьеры, как в театре.

В комнате бабушки всегда пахло скипидаром и лампадным маслом. Она была очень набожной, в красном углу её светёлки висел целый иконостас. Перед иконой Спасителя часто горела лампадка.

Став школьником, я пробовал вести с бабушкой атеистические беседы, но всегда наткнулся на дremучее непонимание материалистического устройства мира.

– Святотатство, что люди в Бога перестали верить, – отвечала мне она. – Значит, скоро конец света. На Страшном суде с каждого спросится. А ты, Дима, – вообще нехристь, и в рай никогда не попадёшь. А всё потому, что твоя мама запретила тебя крестить.

Баба Маша немного ошибалась, этот запрет нарушила мамина мама. Когда студентка университета уехала на сессию, баба Муся тайно носила меня в церковь и окрестила. Об этом я узнал уже после маминой смерти от тётки Раи, когда поехал на родину. А в 1992-м, вернувшись из очередной «горячей точки» живым, я окрестился сам, в тридцать лет. Выходит – повторно.

– Бабушка, а когда будет конец света?

– Уже скоро. В откровениях святых старцев сказано, что перед Апокалипсисом мир окутает паутина.

– Ну и где она? Я её не вижу.

– А это что? – бабушка показывала пальцем на электрические провода за забором...

Что бы сказала баба Маша сейчас про Интернет? Искусственный интеллект? ЛГБТ?

Впрочем, она и тогда нисколько не сомневалась, что доживает свой век в одном из последних эпизодов Апокалипсиса. А скончалась она в 1989 году.

Огород в отцовской семье был раза в два, а то и в три больше, чем у маминых родителей. По урожайности вообще не сравнить, просто ВДНХ! Излишки зелени и овощей бабушка продавала возле продуктового магазина. Это был её единственный источник дохода, ведь пенсию от государства она не получала.

На «втором Павлодаре» постовые милиционеры на старушечью торговлю смотрели сквозь пальцы, а на вокзале частников гоняли, выписывали им немалые штрафы. Зато у вокзала покупателей было больше.

Однажды ранним летом бабушка продавала редиску и зелень у вокзала, а я караулил ведра с урожаем. Вдруг из-за угла появляется милиционер и громко свистит в свой свисток. Прямо как в кино, когда гонятся за ворами! Бабушка хватает ведро с редиской (оно тяжелее), мне впихивает в руку ведёрко с луком и укропом и бежит со всех ног, свободной рукой поддерживая подол юбки, чтоб не запнуться. Я за ней не поспеваю, кричу: «Подожди!». Оторвавшись от блюстителя порядка на безопасное расстояние, она наконец останавливается...

Одевалась баба Маша всегда по-старушечьи: летом – в полинявшие блузки, длинные юбки, бесформенные, до пола, платья, а зимой – в старые кофты и телогрейки. Волосы часто туго затягивала платком. Она была на восемнадцать лет старше бабы Муси, и мне, пацану, казалась такой старой!..

Мне не было и четырёх лет, когда в Павлодар пришло телевидение. Оказалось, что мультфильмы можно смотреть не только в кинотеатре, но и дома. Пусть маленький экран и чёрно-белое изображение, зато можно сидеть на диване рядом с бабушкой! В кинотеатр она никогда не ходила.

Вначале вещание велось два раза в неделю: в воскресенье – с четырёх часов дня, а в один из будних дней (кажется, четверг) – вечером. Потом стало чаще. У обеих бабушек телевизоры появились практически одновременно – маленькие, чёрно-белые. У бабы Маши – «Рассвет», а у бабы Муси – «Рекорд». Для увеличения цветовой гаммы в магазинах продавались специальные наклейки на экран. Только у деда такая наклейка прослужила недолго, он в сердцах сорвал её, заявив, что от неё сплошной обман и затемнение.

На Ленинградской улице телевизор смотрели только члены семьи, а на Фрунзе на просмотр художественных фильмов к Барчукам приходили все соседи. Помнится, однажды соседка баба Люба привела на «Щит и меч» свою знакомую – странную даму в шляпке с вуалью, с зонтиком от солнца и в ботинках на шнуровке. На улице я встречал её много раз, она сильно напоминала Старуху Шапокляк. Это была Анастасия Цветаева.

Правда, тётя Рая говорит, что Анастасия «к нам не ходила, она дружила с Ленкой Павшиной», жившей с бабой Любой в одном дворе, где, вдобавок, была ещё земэкспедиция (а адрес на все строения один: улица Фрунзе, 178). Но после школы тётя Рая уехала учиться в Целиноград (нынешнюю Астану), а сестра Марины Цветаевой приезжала в Павлодар к сыну вплоть до 1972 года. Поэтому, наверное, прав я.

РАЗВОД И МАМИНА ФАМИЛИЯ

Мы съехали от бабушки, когда мама получила однокомнатную благоустроенную квартиру. Она закончила университет и её сразу взяли на работу в Павлодарский областной арбитражный суд. Судья в двадцать шесть лет!

На лидерство в семье отец потерял даже формальное право. Ему – уже за тридцать, а высшего образования нет, учёбу на заочном отделении факультета физвоспитания Омского педагогического института он затягивал, сколько

мог. Раньше все контрольные и курсовые за него делала мама, а теперь у неё самой – работы выше головы.

Правда, когда судье выделили дачный участок, физрук получил возможность реализовать свой потенциал хозяина и добытчика. Физический труд на земле – это было стопроцентно его занятие. Он был настоящим фанатом земледелия и дачный домик построил быстро, своими руками. Причём монолитный, какие тогда мало кто делал.

Постепенно мои родители разошлись по разным мирам. У мамы – хозяйственные споры на миллионы рублей, общественный статус, карьера, у отца – дача, тренировки и незащищённый диплом. Она больше не спускала ему обвинений в расточительстве, а, наоборот, сама предъявляла ответные претензии в его скарденности и необразованности. Конечно, словесные перепалки происходили на повышенных тонах.

«Погода в доме» испортилась окончательно. И, наверное, первой жертвой этого семейного ненастья стал я. Я начал резко полнеть, за зиму из нормального пацана превратился в настоящего «мальчиша-плохиша». Отцова сестра, тётя Лида-маленькая, только закончила ординатуру по направлению «эндокринология», и её первым VIP-пациентом стал родной племянник. Анализ крови на сахар показал двукратное превышение нормы. По медицинским требованиям того времени мне незамедлительно должны были начать делать инъекции инсулина, но тётя Лида не позволила. Дополнительное обследование показало, что мой диабет развивается пока в скрытой форме. Критичные показатели сахара в крови проявляются только под нагрузкой – после выпитого стакана глюкозы, но к норме не приходят долго. Нарушенный обмен веществ выражался пока лишь в быстром наборе лишнего веса, но это – пограничная стадия. Из скрытой формы диабет мог легко перейти в открытую.

– Димку надо срочно везти в Москву, – посоветовала золовка снохе. – Только столичные эндокринологи могут ему помочь.

В конце шестидесятых эндокринологическое отделение Третьей Центральной клинической больницы Министерства путей сообщения считалось одним из лучших в стране лечебных заведений такого типа. Чтобы меня туда приняли, маме пришлось оставить должность арбитражного судьи и устроиться юрисконсультантом в управление «Павлодарстройпуть» – его работники и члены их семей имели право на лечение в железнодорожных больницах.

Моя первая госпитализация длилась два месяца. Маме не хватило отпуска, пришлось возвращаться в Павлодар на работу, оставив меня одного в столице. При выписке лечащий врач Алла Николаевна её ошарашила:

– Строжайшая диета. Ни сладкого, ни мучного, ни жирного. И каждые полгода – плановая госпитализация к нам. Случай трудный. Но мы попробуем подобрать безинсулиновую терапию. И учтите, мамаша, никакого потакания слабостям вашего ребёнка! Любой кусок торта, даже по праздникам, для мальчика может быть фатальным!

Моим любимым блюдом были вареники с сырой картошкой – из бабы-Машиной рецептуры. Картофель и лук нарезают ножом мелко-мелко, солят, перемешивают, а потом залепляют в раскатанное домашнее тесто. Малюсенькие картофельные квадратики внутри вареника не развариваются, а, пропи-

тавшись луковым соком, приобретают удивительный вкус. Сваренное тесто, к которому совсем не прилипла начинка, сохраняет теплоту замешавших его человеческих рук.

Это на самом деле высокая кухня, из самых простых ингредиентов. Не так давно тётя Лида и её дочь Алёнка принимали участие в виртуальном кулинарном конкурсе в Омске. Единодушным решением жюри и зрителей их ролик, размещённый на You Tube, занял первое место.

Вот какого удовольствия мне пришлось лишиться в шесть лет. А ещё – замечательных бабушкиных пирожков, конфет, пирожных, тортов, булочек и даже белого хлеба. Только чёрный, по ломтику в день за обедом. Иногда в минуту душевной слабости я просил маму испечь пирожков или блинов, как это делала бабушка, и получал категорический отказ: не умею! Всей родне – бабушкам и тётушкам – мамой было наказано строго-настрога: Димку запрещёнными продуктами не соблазнять и диету не нарушать.

Я был первым диабетиком в семье. Потом сахарный диабет диагностировали у бабы Муси, у мамы и обеих маминых сестёр. Болезнь во многом предопределила ранний уход бабушки и тёти Саши. Тётю Раю удерживает на плаву её старший сын Руслан, врач от бога. Она уже давно на инсулине, но диету особо не соблюдает. А мама вместе со мной научилась ограничивать себя в еде и до конца дней продержалась на таблетках.

Мои ограничения в питании были только половиной проблемы. Куда серьёзней было другое: где взять деньги на длительные поездки в Москву дважды в год? Зарплата юриста на новом месте – сто тридцать рублей, всего на десятку выше, чем у судьи. А билет на самолёт от Павлодара до Москвы в один конец стоил пятьдесят рублей. На поезде в купейном вагоне – тридцать пять. Плюс оплата гостиницы, лекарства, подарки врачам, передачи в больницу – набегала серьёзная сумма. Отец особым умением зарабатывать деньги не отличался, да, по всей видимости, не особенно-то и хотел.

Уже после развода между родителями состоялся такой разговор.

– Димку надо возить в Москву два раза в год. Давай по-честному: один раз везу я, другой – ты, – предложила мама.

– У меня нет денег.

– Тогда у тебя нет сына.

Отец промолчал. Получив от бывшей жены дачу, он «никаких материальных претензий» к ней не имел. Так и написал в расписке, которую я нашёл в маминых бумагах после её смерти.

Все заботы по добыванию средств легли на её плечи. Она брала подработку, где только могла – на полставки, на четверть... Областная филармония, ремонтно-механический завод, ликёро-водочный – на этих предприятиях она работала юрисконсульт по совместительству годами, а были ещё работодатели краткосрочные и среднесрочные. Однажды кто-то из завистников настучал в партком, что коммунистка Барчук не со всех доходов платит партийные взносы. Маму разбирали на партсобрании, некоторые товарищи, узнав о её «баснословных» заработках, превышавших зарплату начальника управления, требовали даже исключения из рядов КПСС, но, узнав, что деньги нужны на лечение больного ребёнка, ограничились строгим выговором с занесением в личное дело.

Меня приняли кандидатом в члены КПСС в 1988 году. Я уже полгода исполнял обязанности заведующего агропромышленным отделом томской областной партийной газеты «Красное знамя», не коммуниста на эту должность обком бы не утвердил. Одновременно мы с друзьями издавали первую в Томске кооперативную газету «ВАМ!». Тогда-то мама и поведала мне о своём строгом выговоре с занесением:

– Только партийные взносы со всех заработков плати!

И я платил, и с тысячи, и с полутора тысяч. А главный редактор газеты – с шестисот пятидесяти рублей...

Перед каждой госпитализацией, чтобы хоть как-то подсластить пилюлю горечи перед долгим расставанием, в Москве мама выполняла любое моё желание. Экскурсия на Панораму Бородинской битвы, в Оружейную палату Кремля, на футбол в Лужники...

А каждую выписку из больницы мы праздновали на широкую ногу. Это была мамина идея – отмечать окончание разлуки в ресторане. Благодаря ей я с малолетства узнал многие московские рестораны, названия которых до сих пор на слуху: «Прага», «Метрополь», «Пекин» и другие.

Однажды в ресторане «Минск» на улице Горького (нынешней Тверской) с нами произошёл курьёзный случай. Мне, как кавалеру, мама доверила выбрать блюда из меню. Я ещё не ходил в школу или только пошёл в первый класс, поэтому читал по слогам. А еда была вся какая-то мудрёная: осилив кое-как название, я спрашивал маму, что это такое. Она смущённо улыбалась и кончиком туфли придавливала мою ногу под столом. Наконец не выдержала и напрямую спросила у официанта с бабочкой:

– А котлеты у вас есть?

– Есть бифштекс и котлеты по-киевски.

– Несите и то, и другое!

Когда официант ушёл за заказом, она призналась мне, что сама не знала этих блюд. Больше мне меню не доверяли, зато за мной прочно закрепилось прозвище «Грамотей».

Насытившись престижными заведениями, мы пришли к выводу, что там дорого, чопорно и не так вкусно, как хотелось бы за такие деньги. В итоге остановились на кафе. На Калининском проспекте (Новом Арбате) нам понравились «Ангара», «Валдай» и «Печора». По вечерам туда с детьми не пускали, начиналась музыкальная программа, но мы приходили около 17 часов, и горячее доедали уже под музыку.

Новый Арбат мне нравился ещё и потому, что в кинотеатре «Октябрь» показывали стереоскопические фильмы. Правда, репертуар там был однообразный – два-три фильма. И за время наших паломничеств он практически не менялся. «Таинственного монаха» я смотрел раз пять. Мама в это время ходила по магазинам, на «московском Манхэттене» их было много. Приезжая сюда, мы заранее договаривались, где и во сколько встречаемся, а потом расходились по своим делам: она – на шопинг, я – в кино.

Однажды в салоне красоты «Чародейка» мне сделали модную причёску, чего стоило одно только многоцветное мытьё головы между стрижками и укладкой. Посмотревшись в зеркало в конце всех манипуляций парикмахер-

ши, я не узнал себя. На меня глядел мальчик из аристократической английской семьи. Мама была счастлива, что у неё такой красивый сын, правда, стоило это удовольствие три рубля шестьдесят две копейки. Когда дед узнал о цене детской стрижки, его чуть удар не хватил – столько стоила тогда бутылка водки.

Иногда мы устраивали маленькие праздники и дома. Мама готовила что-нибудь вкусное, но не очень калорийное. Из-за меня она даже казахский бешбармак варила не с традиционной лапшой, а с картошкой. Мы накрывали красивый стол, и мама театрально спрашивала меня:

– Кто самые дорогие гости в этом доме?

И я громко отвечал:

– Мы!

Отец женился во второй раз, когда мне было десять лет. Вскоре в новой семье появилась дочь Татьяна, моя родная сестра по отцу.

А в тринадцать лет я сменил фамилию. Свидетельство о восьмилетнем образовании получил Дима Матиенко, а в девятый класс пришёл Дмитрий Барчук.

– Жалко, что отчества Нинович нет, – сетовала мама.

Она никогда не запрещала мне встречаться с отцом, а навестить бабу Машу даже напоминала. Когда в Москве мы покупали подарки для родных, мама никогда не забывала о бывшей свекрови.

Отец был законопослушным гражданином, на моё содержание платил алименты с основного места работы – 36 рублей в месяц из года в год. Мама знала о его приработках, но на долю с них никогда не покушалась.

Во многих советских семьях главой была жена: вела домашнее хозяйство, отвечала за семейный бюджет. А муж отдавал ей зарплату, получая по рублю в день на обед. Во втором браке Виктор Матиенко смирился с зависимым положением. Однако Анна Григорьевна, так звали его новую жену, своим доминированием не злоупотребляла. И, сдаётся мне, что именно она напоминала отцу, что надо бы встретиться с сыном. Например, свозить меня на рыбалку – мальчишки надолго такое запоминают, – или подарить мне на шестнадцатилетие электрическую бритву. Знаковый подарок на вступление во взрослую жизнь. Только я уже привык бриться станком – электробритва сильно раздражала кожу.

Дети остро чувствуют взрослую фальшь, когда не от сердца, а по долгу. Отец неоднократно, словно оправдываясь, говорил мне заученную фразу:

– Вырастешь – поймёшь.

Вырос. Даже постарел. Но всё равно не понял. Почему расстанутся мужчина и женщина – тут всё ясно. Но почему отец, оставляя собственного сына, теряет с ним связь, не борется за него, охладевает к нему – этого я не понял и не пойму никогда... И сейчас, по истечении многих лет, даже благодарен отцу за этот горький урок.

Ещё тогда, в отрочестве, я дал себе слово: что бы ни случилось в моей семье – детей своих не брошу. Я дважды был женат, и оба раза закончились разводом, и в каждом браке был сын. Мне пришлось пережить драму отцовства в

двойном размере. Иногда казалось, что связь с сыном потеряна навсегда, но память об ошибке моего отца придавала новые силы для борьбы.

Сейчас мои мальчишки уже выросли, старший – сам трижды отец. Но мы все – одна семья. Барчуки. Я вырос и воспитан в традиции и на ценностях маминой семьи, поэтому по праву ношу её фамилию.

Здесь к месту вспомнить ещё одну крылатую фразу дяди Рустэма: «Дед, зачем тебе сыновья? Когда у тебя такие дочери!...». Мой отчим Бядов иногда называл мою маму «мужиком в юбке». Она никогда не была помешана на тряпках, как многие женщины. Ей шли строгие деловые костюмы – жакет-юбка. Особенно мне запомнился один, из тёмно-синего кримплена, его мама надевала, когда выступала в суде. Она не бегала постоянно по парикмахерским, не отращивала длинных ногтей, подстригала их сама. Лучшим подарком для неё была массажная щётка, обычной расчёской её густые волнистые волосы расчёсывались плохо. А массажи в то время были недолговечны, металлические зубчики быстро вылетали из мягкой прорезиненной основы... Она умудрялась зарабатывать больше мужа, а ещё тащить на себе весь дом. Хотя в этом была и его вина. Поэтому, наверное, заслуженно, что именно она, Нина Барчук, дочь, продлила отцовский род.

Владислав Глинка в позапрошлом веке не дал свою фамилию сыну Ивану, с этого начался род Барчуков. Три поколения родились в нём. А в четвёртом Барчуков больше не было – Базиковы, Пастовенские, Матиенко. Но случилось, как случилось. Благодаря силе характера моей мамы на мне род возродился, и сейчас в нём – мужчины в трёх поколениях.

С отцом мои отношения возобновились в 1996 году, когда он приехал в Томск посмотреть на внуков. Он ещё занимался спортом, даже бегал по утрам. Следующей весной я нанёс ему ответный визит. Анна Григорьевна накрыла праздничный стол и встретила меня, как родного. Я подарил отцу три улья с пчёлами. Он тогда обзавёлся пасекой, и подарку был очень рад.

В 2002 году, когда я разводился во второй раз и мне было очень плохо, я позвонил отцу, чтобы выговориться, спросить совета, поговорить по душам. Но он ответил мне холодно, дескать, прежде я никогда совета у него не спрашивал и дальше могу продолжать жить по собственному усмотрению.

Через год я привёз в родной город повзрослевшего старшего сына. Мы долго звонили в отцову квартиру, стучали в окна (он жил на первом этаже). Соседи утверждали, что он должен быть дома, у него ведь жена сильно болеет, с постели не встаёт. Наконец он отворил. Нетрезвый.

– Вот, Анна Григорьевна умирает от рака... – не очень послушным языком сказал отец, распахивая дверь в комнату жены.

Бедная женщина, не поднимая головы, извинилась за мужа. Я сам сильно стушевался, пожелал ей выздоровления, и мы ушли.

В 2007-м родитель приехал ко мне на сорокапятилетие. Он сильно сдал, на лице появились старческие пятна. Но тут уже с моей стороны была прохлада. Я встретил его с автобуса, поселил на даче, показал город, свозил в пчеловодческую контору.

На перроне Томского автовокзала, когда отец заходил в павлодарский автобус, я видел его в последний раз.

А род Матиенко продолжил старший сын дядя Саши, Игорь. У него два взрослых внука.

ПРАВНУК МОИСЕЯ

Историю своего второго деда я узнал совсем недавно, уже после смерти мамы. В Павлодаре меня пригласила в гости тётя Неля, вдова дяди Толи, среднего отцова брата. В свои восемьдесят семь лет она выглядела молодцом: поднималась по лестнице на пятый этаж, возделывала огород на дачном участке, ездила в гости к сыну Виталию в Самару, к внучке Кристине в Краснодар. Одна.

Лариса, дочь тёти Нели, работающая медсестрой в центре «Анти-СПИД», с вечера перекрутила на мясорубке говядину со свининой, нажарила домашних котлет, а тётя Неля испекла изумительной вкусноты рыбный пирог. На встрече они позвали и мою родную сестру по отцу Татьяну, тоже медсестру. С ней мы, конечно, были знакомы, несколько раз встречались, но за одним столом не сидели и по душам не разговаривали. От отца у нас осталось общим только отчество – выйдя замуж, Татьяна сменила фамилию Матиенко на мужнюю. Я – ещё раньше.

– Дима, а ты знаешь, что нашего деда звали Илларион Моисеевич, и он, по всей видимости, был евреем? – хитро прищурившись, спросила меня Лариса.

Я даже поперхнулся куском котлеты. На седьмом десятке лет узнать такую генеалогическую особенность – всё равно что прожить чужую жизнь.

Я никогда не был антисемитом, но и юдофилом тоже. Более того, допускал наличие каких-то отдалённых еврейских корней. Как-никак пятая по численности национальность в Российской империи, да и все люди в конечном счёте произошли от Адама. Но мои подозрения касались в основном прабабушки из Кракова Марии Синецкой. От кого-кого, а от Матиенок я такого не ожидал. Когда родители ссорились, мама в сердцах обзывала отца «хохлом», но «жидом» – никогда! А за ней бы не заржавело. Если она на меня сильно обижалась, то фыркала:

– Как ты сейчас на отца похож! Хохлёнок!

Когда я поведал о случившемся двоюродному брату Руслану, чей отец был мусульманином, его первоначальная реакция была посильнее моей:

– Ты обязательно должен сдать тест ДНК на национальность!

Вот ещё! Зачем деньги понапрасну палить, разве от этого что-то изменится? У него по отцу татарско-казахские корни, а у меня пусть будут украинско-еврейские. Хотя, думаю, и русские, и белорусы в отцовом роду присутствовали. Наши матери большей частью русские – Ковалёвы, Неупокоевы, Коршуновы. Но и польская, и белорусско-литовская кровь в них тоже есть. И его маму, и мою иногда принимали за татарок.

– Нина Яковлевна, а что за симпатичная татарочка к вам приходила? – спрашивали маму коллеги по работе.

– Это моя родная сестра – Рая...

Возможно, не зря наши Глинки ведут род от темника Мамаю?

А вообще, одной национальностью больше, одной меньше... Наш генетический интернационал этого даже не заметит.

Первый – краеугольный – камень в наметившемся генеалогическом расследовании мне помогла заложить сестра Татьяна. По ватсапу она прислала скан реабилитационного листа Павлодарской областной прокуратуры на Матиенко Илиариана Моисеевича, 1900 года рождения, уроженца села Сары Аодинского уезда Полтавской губернии, осуждённого Особым совещанием НКВД по статье 58 п. 10 УК РСФСР 26 июня 1929 года.

Так вот почему взрослые не хотели рассказывать мне в детстве про деда! Страшная 58-я статья, клеймившая врагов народов... А наказание-то всего – три года ссылки? И почему он – Илиариан, а не Илларион? Почему «русский» с малоросской фамилией и таким странным отчеством?

Вернувшись домой, я первым делом позвонил двоюродной сестре Алёнке в Омск, дочери тёти Лиды-маленькой, дольше всех внуков жившей с бабушкой и присутствовавшей при её кончине в 1989 году.

– Его отца назвали Моисеем по Святцам. А по отчеству он – Кириллович. О судимости нашего деда рассказ будет долгим, не для телефона. В начале августа у меня отпуск, я к тебе приеду. Тогда и поговорим, – пообещала сестра.

Ждать информацию и сидеть без дела в эпоху Интернета – терять время. Я начал собственное расследование. Запрос о деде «оккупанта» в Саровском сельсовете Гадячского района Полтавской области Украины ожидаемо остался без ответа. Отыскав село Сары на карте, я порадовался близостью к нему Миргорода – каких-то пятьдесят километров. Это же гоголевские места! Миргород, Диканька – сами названия звучат, как песня. Только Сары немного севернее, ближе к Сумской области. Практически на границе черты оседлости, только с украинской стороны, где в Российской империи до Первой мировой проживало девяносто процентов евреев.

Нагруженный новой информацией, я стал заново пересматривать фотографии отцовской родни. И в близких с детства людях без особого труда находил семитские черты лица. Или надумал?

Баба Маша и дед Илиариан познакомились в селе Алексеевка, в Кулундинской степи. После развала СССР оно тоже оказалось на границе России и Казахстана, с казахстанской стороны. Его основали переселенцы из западных губерний империи, в основном Могилёвской и Полтавской, в первом десятилетии XX века. Вначале село называлось Великокняжеское – в честь наследника престола великого князя царевича Алексея, родившегося в 1904 году. Но с установлением Советской власти его переименовали в просто Алексеевку. По всей видимости, с учётом этимологии названия близлежащего города Павлодара: после рождения у царя Александра II сына Павла уездный городок Коряков был переименован в Павлодар. А в честь какого-то Павла – об этом советская историография не распространялась...

Кузьма Онищенко переехал в Алексеевку из-под Могилёва, но его родным языком был не белорусский, а украинский. Вернее, малоросский крестьянский суржик, сильно отличавшийся от литературного языка Тараса Шевченко и Леси Украинки. Он был истинно верноподданным земли-матушки. Она да

тяжёлый труд кормили его семью, учиться грамоте было некогда. Онищенко жили по библейским заповедям, считая, что от наук – только грех и смута. И своих детей Кузьма, как мог, уберегал от просветительской заразы – лучше молиться, а не учиться. Умер он вместе с женой и двумя старшими детьми от тифа в 1919-м, баба Маша с братом и сестрёнкой на руках осталась в семье за главную.

Ещё дошколёнком я был в Алексеевке в гостях у бабушкиного младшего брата, взрослые его называли дядей Петей. Дедом он мне стать не успел, после развода родителей я поддерживал контакты только с близким кругом отцовской родни. Но до сих пор помню вкус алексеевской вишни, сочной и сладкой. Всю неделю, что там гостил, я питался исключительно вишней, домашним молоком и свежеспечённым деревенским хлебом...

Но вот и Алёнка приехала из Омска, на машине, с мужем и сыном. Правда, теперь она не Алёнка, а Елена Юрьевна Фалина, солидная дама, учительница математики. Её домочадцы устали с дороги и давно уже заснули, а мы далеко за полночь всё сидели у тлеющего камина, и я наконец-то узнал так долго утаивавшуюся от меня историю.

– Моисей Матиенко тоже прибыл в Алексеевку по столыпинской реформе, одним из первых переселенцев из Полтавской губернии, – рассказывала Алёнка. – Своему сыну – нашему деду – он сумел дать хорошее по тем временам образование. Бабушка говорила, что он чуть ли не в гимназии учился...

От себя замечу: это маловероятно – ближайшая гимназия тогда располагалась в Барнауле, за четыреста вёрст. Скорее всего, дед учился в Павлодаре, до которого было вчетверо ближе. Видимо, в Высшем начальном училище, затем – в реальном, но диплом об окончании последнего не получил, потому что в графе «образование» его уголовного дела указано – «начальное».

– ...Советскую власть дед принял сразу, и даже вступил в партию большевиков. В созданном колхозе он работал вначале счетоводом, а потом – чуть ли не председателем. Полюбил нашу бабушку. Жених ей понравился, но без венчания она отказалась за него идти, и они обвенчались в церкви. Деда арестовали прямо на свадьбе. Первую брачную ночь бабушка просидела одна в мужнем доме, не зная, что делать дальше: оставаться или домой возвращаться? Наутро деда выпустили, но из партии потом исключили...

Для усиления драматизма напрашивается чисто литературный сюжетный ход: ради любви герой жертвует не только партийным билетом, но даже верой предков... Увы, всё было не так. Хотя в жилах моего деда и текла, по всей видимости, еврейская кровь, она уже была разбавлена русской или малоросской, и ему не пришлось принимать православие. Это сделали до него родители или деда. Ведь в Империи лица иудейского вероисповедания просто так не могли выехать за черту оседлости, даже в Сибирь. Илиариан – имя церковное, греческое, но на старославянский манер. Моисей назвал так своего сына, явно будучи православным христианином. Это уже потом в советских загсах его внуки будут записаны под благородным, под фельдмаршала Кутузова, отчеством – Илларионовичи.

– ...Потом деда сняли с работы и даже осудили. Три года ссылки по 58-й статье он получил за одно только венчание в церкви. Хотя оставался идейным

коммунистом, толковым бухгалтером, досконально знал сельское хозяйство и был талантливым рационализатором. Придумал простую, но очень эффективную зернодробилку, это изобретение помогало семье выжить в дальнейших скитаниях...

Матиенко – главу семейства, жену Марию и годовалого сына Сашу – сослал в Балхаш на медеплавильное производство. Там дед основательно подорвал своё здоровье, угробил желудок, и у него начались первые расстройства психики.

После ссылки Матиенки перебрались в село Ново-Называевка на западе Омской области, уже вчетвером, вместе с родившимся в Балхаше вторым сыном Толей.

В Сибири начинается стабильная жизнь. Дед работает в колхозе бухгалтером, изобретает разные полезные приспособления к технике. У начальства он – на хорошем счету, как образцовому совслужащему профком выделяет ему путёвки на лечение в санатории. Бабушка сохранит его фотографии с курортов: Кавказские Минеральные воды, Сочи... На фоне гор и пальм, в широком полотняном костюме, с маленькими подстриженными усиками, как у Гитлера. Меня маленького всегда интересовало, зачем он такие носил. А бабушка отвечала: ему так нравилось.

В Называевке в 1936 году родился мой отец. Осуждённый по статье «врагов народа», Илиариан Моисеевич спокойно пережил разгул политических репрессий 1937–1938 годов, а когда им вновь заинтересовались органы внутренних дел, решил уехать от греха. Подался в Киргизию, в Талас (бывшую Дмитриевку), основанный в конце XIX века переселенцами из России. За две с лишним тысячи километров на юг, как от Москвы до Стамбула. Там в 1940 году родилась тётя Лида-маленькая, Алёнкина мама.

На фронт деда не взяли, не прошёл медкомиссию. Но в 1943 году он настоял, что должен сражаться с фашистами, и ушёл добровольцем. Только повоевать ему не удалось: ещё в учебном центре у него начались сильные галлюцинации.

Из психиатрической лечебницы откуда-то из Европейской России бабушке пришло письмо, где говорилось, что она может забрать мужа домой, так как сам он уже не доберётся. Но на кого ей было оставить малолетнюю ораву в незнакомом городе? И она не поехала. А потом пришла похоронка. Даже место захоронения Илиариана Матиенко для семьи осталось неизвестным.

Тяжело было Марии Кузьминичне одной поднимать четверых детей. Спасала корова. Как единоличницу, местная власть обязала бабушку сдавать по десять килограммов сливочного масла в месяц. Её дети молока не пили, им доставался только обрат.

Когда война закончилась, за ней в Талас приехал вернувшийся с фронта брат, дядя Петя, перевёз её с детьми обратно в Алексеевку. Потом его самого арестовали по пресловутой 58-й. А первая его отсидка была ещё перед войной...

– В Алексеевке в колхоз бабушку не приняли, – продолжала свой полуночный рассказ Алёнка. – Единоличникам запрещалось заготавливать сено на колхозных лугах, но подбирать оставшуюся на земле после укладки стогов траву они могли. Однажды твой отец и моя мама пошли с мешком подбирать

сено, но на скошенном лугу его оказалось совсем мало, и, чтобы заполнить мешок, они взяли часть со стога. В селе их остановил бригадир, спросил, откуда сено. Дети сознались, что одна охапка со стога. Разразился большой скандал. Бабушку оштрафовали на большую сумму, а могли и посадить.

Труд, только труд, простой физический труд до седьмого пота, до изнеможения может помочь выжить, а от грамоты – одно сплошное зло! К таким выводам привёл Марию Кузьминичну собственный горький опыт, так и детей своих воспитывала.

– Только дяде Саше повезло. Он помнил отца, его уроки, и что бывает другая жизнь! – завершила дедову историю моя двоюродная сестра.

Трудно было с ней не согласиться. И я очень пожалел, что не знал своего второго деда. Мы бы наверняка нашли с ним общий язык. И моя мама тоже.

БЬЮТСЯ МЕЧТЫ О СБЫВАЕМОСТЬ

Мама старалась воспитать во мне отцовского антипода, порой даже чересчур. Работа на даче? Никогда, лучше на рынке всё купим! Спорт? Книги – гораздо полезнее, чем физическое угробление. Шахматы – другое дело, это гимнастика для ума.

В нашем дворе построили хоккейную коробку – летом пацаны играли на ней в футбол, а зимой заливали каток. Футболист из меня был плохой: бегать быстро не умел, и ворота большие – до штанг не допрыгивал. Зато хоккейный вратарь – это для меня. Мои внушительные объёмы в маленьких хоккейных воротах перекрывали много пространства, а быстрая реакция и отсутствие страха перед летящей шайбой часто позволяли сохранить их «сухими» до конца игры. Наша дворовая хоккейная команда даже преодолела отбор на городской турнир «Золотая шайба», но выступить на большом льду мне не довелось. На тренировке получил серьёзную травму, пришлось сознаться маме, что играл в хоккей. Мне показали на книжный стеллаж:

– Вот твои самые верные друзья.

«Книги – самые молчаливые и самые верные друзья; они – самые доступные и мудрые советники, и они самые терпеливые учителя». Этот афоризм американского педагога Чарльза Уильяма Элиота, произнесённый мамой в усечённом виде, но в нужный момент, во многом предопределил всю мою дальнейшую жизнь.

В моей комнате всегда стояли книги, после ухода отца их количество стало быстро расти. В какой-то библиотеке мама подсмотрела устройство стеллажей. Обыкновенные водопроводные трубы обрезались на длину чуть ниже высоты потолка, на торцы нарезалась резьба, а на неё навинчивались служившие распорками железные конусы: низ – в пол, верх – в потолок. Потом такие стойки соединялись попарно в лесенки с помощью маленьких трубочек – через разные отрезки, под книги разного формата. А между лесенками укладывались нарезанные из досок полки. Первый наш стеллаж состоял из трёх рядов полок, затем – из пяти, и, наконец, на всю длину стены, где у обычных жителей хрущёвок располагалась «стенка».

Когда книг было ещё сравнительно немного, пустоты на полках мама заполняла цветочными горшками, а поливать цветы поручала мне. Мужики для таких деликатных дел – народ мало приспособленный, а пацаны – тем более. Я воды не жалел, и она часто переливалась через края горшков, подтапливая книги. Когда мама увидела последствия моего усердия, её чуть удар не хватил. Она раздала все свои комнатные растения и больше никогда их не заводила.

В те времена книги были дефицитом. Приобрести хорошую книгу, а тем более собрать библиотеку можно было или по блату, или через букинистический магазин – втридорога. Собрания сочинений известных авторов часто издавались как приложения к подписным журналам, особенно популярной была Библиотека журнала «Огонёк». Её даже разыгрывали в трудовых коллективах по лотерее.

Жюль Верн, Фенимор Купер, Александр Дюма, Джек Лондон, Герберт Уэллс – тома этих писателей я перечитывал по несколько раз. А за компанию со мной их перечитывала и мама. Потом появились новые фавориты: Бальзак, Мопассан, Драйзер, Хемингуэй... Мы часто обсуждали с мамой прочитанные книги.

Однажды вечером, когда мы возвращались от бабушки с дедом, мама призналась мне, что ей очень нравится подглядывать в чужие окна:

– Представляешь, сын, за каждым окном – своя жизнь, особенный и неповторимый мир. Иногда схвачу краем глаза устройство чужого быта и начинаю выдумывать историю этих совсем незнакомых мне людей. Чем занимаются, какие книги читают и какие фильмы смотрят, кто у них дети и родители... Правда же интересно? Если бы я была писательница, то писала бы такие житейские истории.

– Ну и пиши, мама. Ты так об этом интересно рассказываешь! У тебя точно получится.

Мама посмотрела на меня и грустно улыбнулась:

– Пушкину и Толстому не нужно было каждый день думать о хлебе насущном. Они были дворянами, обеспеченными людьми, за них работали их крестьяне. А твоей маме, Дима, надо деньги зарабатывать. Из нас двоих писателем, скорее, станешь ты.

В 1998 году, когда случился первый экономический кризис в современной России, у компании, где я тогда работал, не стало заказов. Чтобы не сойти с ума от безделья и утраченных возможностей, я каждое утро, как на работу, уезжал из дома к маме и писал у неё свой первый роман. Однажды в это время за чем-то я понадобился университетской одногруппнице, в офисе ей дали мамин телефон. Мама сняла трубку и, выяснив, кто это, по секрету, с придыханием и гордостью, выложила:

– Дима пишет! Он вам позже перезвонит...

Она всегда верила в меня и очень гордилась, что её сын стал писателем. В трудное время безденежья мама оплачивала издание моих книг из своих скромных сбережений.

Когда у меня случается бессонница, я перебираюсь на диван в библиотеку. И там среди старых добрых друзей, книг, собранных в основном мамой, бы-

стро засыпаю. В моём доме нет домашних растений, только животные. Сибирский кот и немецкая овчарка.

В седьмом классе я очень захотел собаку, и не какую-нибудь болонку, а настоящую немецкую овчарку. Но мама была непреклонна.

– Только через мой труп, – категорически сказала она. – Я лучше сама стану злой, как собака, но никакой живности в квартире не будет.

Я не унимался – упрямством ведь весь в неё. За собаку обещал что угодно, хоть золотые горы. И тут меня поймали на слове.

– Хорошо, – согласилась мама. – Станешь отличником – куплю тебе щенка.

Нашу устную договорённость она оформила на бумаге в виде договора, который сама и подготовила. Высокие договаривающиеся стороны скрепили документ своими подписями. На тот момент мамины риски были минимальны, так как за предыдущую четверть в моём табеле стояло всего три пятёрки – по алгебре, литературе и географии. Остальное – четвёрки и тройки.

Благодаря мудрой маминой мотивации я научился главному – достигать поставленных целей. И выработал для этого собственный алгоритм. Вначале сложное надо сделать простым, труднодостижимую цель разделить на выполнение ряда простых задач.

Выглядело это примерно так. На старте последней четверти я внезапно схватил двойку по любимой истории – казалось, всё пропало, собаки мне не видать, как собственных ушей. Но, успокоившись и взяв себя в руки, я составил детальный план. Первая пятёрка следом за двойкой даст в сумме семь, что равносильно тройке и четвёрке. Следующая пятёрка превратит мои оценки в три четвёрки. А исправить «хорошо» на «отлично» – делать нечего, надо только, чтобы пятёрок было больше, чем четвёрок. Таким образом, моя начальная двойка превращалась в отличную оценку за четверть после шести, но лучше семи (с запасом) пятёрок.

Внезапное преображение разгильдяя в успешного ученика поразило многих учителей, а одноклассников – ещё больше. Неуспевающим я никогда не был, но считал, что гнаться за пятёрками – идти у педагогов на поводу, отрывать от школярского братства. И вот изменил прежнему правилу... Я не зубрил, давал всем списывать домашние задания, а на контрольных по математике успевал решать не только свой вариант, но и задачи из другого варианта – для товарищей. Мой авторитет в классе только вырос, я заслужил почётное прозвище «Профессор».

Признание моих заслуг сверстниками, в особенности девочками, мотивировало на успешную учёбу ещё больше. Я уже не мог позволить себе допустить сбой, это подорвало бы мой авторитет в классе. Получение отличных оценок вошло у меня привычку, стало чем-то само собой разумеющимся, как ходить и дышать.

Мама слово сдержала. За табель с пятёрками я получил от неё сорок рублей, тут же побежал в Клуб служебного собаководства областного ДОСААФ и купил месячного щенка немецкой овчарки. Свою питомицу я назвал Радой – в кинотеатрах шёл фильм «Табор уходит в небо», и мне очень понравилась главная героиня, цыганка Рада.

Маленькое косолапое чудо, мягкое и беззащитное! Она любила справлять нужду на ковёр... А мама отыгрывала случившееся сполна, как истинная последовательница Макаренко и Сухомлинского, стремилась получить максимальный педагогический эффект. Выгул собаки, готовка для неё еды и поддержание чистоты в квартире целиком и полностью легли на мои плечи. В случае невыполнения хотя бы одного из этих обязательств или ухудшения успеваемости щенок должен был вернуться в Клуб служебного собаководства, чтобы ему подобрали более достойного хозяина.

Так в тринадцать лет я, по сути, стал отцом. Пусть пока собачьим, но практику получил что надо. Каждое утро – подъём в шесть часов на прогулку. Потом школа, потом дрессировка собаки в клубе, подготовка к урокам на завтра, домашняя уборка и приготовление каши, вечерняя прогулка... И так – каждый день. А когда Радка попала под машину, я полгода выхаживал её после травм, освоив ещё и навыки медбрата.

Но пришло время, и с Радой пришлось расстаться. В моём свидетельстве о восьмилетнем образовании были только отличные оценки, а вот в аттестат зрелости неожиданно вкралась одна четвёрка, по обстоятельствам, от меня не зависящим. В выпускном сочинении у меня неожиданно оказалось две лишние запятых, которых я не ставил. Расследовать случившееся не было времени, поджимали сроки вступительных экзаменов в вуз. Среднего балла аттестата хватило для поступления на отделение журналистики филологического факультета Томского университета по эксперименту, сдав всего два экзамена – по русскому языку и литературе устно и письменно.

Уезжая на учёбу в Томск, я попрощался с Радой с тяжёлым сердцем. В Клубе служебного собаководства обещали пристроить её на границу, когда начнётся осенний призыв. Но сантехник, чинивший краны в родительской квартире, предложил маме отвезти собаку на время в деревню, а потом сказал, что она выпрыгнула из кузова по дороге и убежала в степь. Думаю, что соврал – продал её.

В юности любимым литературным героем у мамы был Павка Корчагин из романа Николая Островского «Как закалялась сталь». «Самое дорогое у человека – это жизнь. Она даётся ему один раз, и прожить её надо так, чтобы не было мучительно больно за бесцельно прожитые годы, чтобы не жёг позор за подленькое и мелочное прошлое, чтобы, умирая, смог сказать: вся жизнь и все силы были отданы самому главному в мире – борьбе...» Она часто цитировала эту фразу из книги пламенного революционера, когда хотела мотивировать меня. Это было её жизненное кредо.

И своего второго мужа мама выбрала под стать Павлу Корчагину. Владимир Бядов был прямой противоположностью моему отцу. Инженер-строитель железных дорог, в тридцать четыре года он возглавлял строительно-монтажный поезд, дислоцировавшийся на маленькой станции Бозшаколь на границе Павлодарской и Целиноградской областей. За строительство трассы Белорецк – Чишмы в Башкирии его наградили орденом Ленина, в Советском Союзе выше была только Золотая Звезда Героя Социалистического Труда. Мама нисколько не сомневалась, что он её обязательно получит.

Воспитанный в номенклатурной семье, он был фанатично предан работе. Отец его во время войны партизанил в белорусских лесах, потом сделал карьеру на партийном поприще. Первый секретарь Могилёвского обкома, затем секретарь ЦК компартии Белоруссии воспитал сына как истинного коммуниста-ленинца – не от мира сего. Свою зарплату Бядов-младший раздавал на запчасти, из собственного кармана поощрял ударников производства, часть высылал в Новосибирск своей первой жене, воспитывавшей его дочь, но отказавшейся разделить с ним тяготы походной жизни. А на оставшиеся деньги, как на стипендию, очень скромно жил в барачном общежитии. Просто книжный герой!

Правда, в быту оказался настоящим тунеядцем. С работы возвращался поздно, уходил рано. Денег не приносил, по дому ничего не делал. Даже ремонты и переезды организовывала мама. Бядов утром уезжал на работу с одной квартиры, а вечером возвращался уже в другую. Чтобы он не транжирил свою зарплату на производственные нужды, мама стала одевать его в кредит. Например, купит ему кожаное пальто с меховой подстёжкой и кредит оформит на него.

Иногда она договаривалась за спиной Бядова с его персональным водителем, чтобы съездить в трансстроевский ОРС за продуктами. Если он узнавал, то закатывал ей настоящие истерики.

– А чем я тебя и Димку кормить буду? В магазинах – шаром покати! – защищалась она.

– Живи, как все! – поучал жену настоящий коммунист.

Из одной крайности мама попала в другую. Антипода моему отцу она, безусловно, нашла, даже чересчур.

Уже студентом я как-то спросил её: счастлива ли она во втором браке? Она задумалась на пару секунд и ответила в порыве:

– Зато Бядова в отличие от твоего отца есть за что уважать!..

Во времена брежневского застоя, когда лозунги о равенстве и справедливости стали прерогативой средств массовой информации и публичных мероприятий, а в повседневной жизни основная масса советских людей выживала, как могла, зачастую по принципу «ты – мне, я – тебе», такие люди, как мой отчим, выглядели пережитками романтической эпохи, белыми воронами.

Однажды в Павлодар приехал с проверкой заместитель министра транспортного строительства СССР, и всех руководителей подразделений после совещания управляющий трестом позвал на праздничный обед в узком кругу. Так Бядов не пошёл.

– А я в рабочее время не пью, – заявил он в присутствии замминистра и уехал в свой СМП.

Сделать карьеру с таким характером ему было очень сложно, и всё же отчиму предложили возглавить трест в Актюбинске. Мама, как декабристка, поехала за ним.

Вся её сознательная жизнь была связана с Павлодаром, здесь она состоялась как личность. Сёстры, друзья, знакомые. Да и сам город за четверть века стал родным, вырос, как я, на её глазах. А в Актюбинске – никого.

Зато в Актюбинске располагалось Управление Западно-Казахстанской

железнодорожной. В СССР было всего 32 таких Управления: Актюбинское занималось всеми железнодорожными перевозками от Оренбургской области до Узбекистана. Главная транспортная магистраль из Европейской России в Среднюю Азию. Прикаспийские нефтяные месторождения, кзыл-ординские урановые рудники, космодром Байконур. Плюс военные перевозки в Афганистан. Ответственность у руководителей служб – огромная, начальнику юридической службы автоматически присваивалось звание генерал-майора.

На этой должности мама проработала восемь лет. Бядов в очередной раз не ужился с местной властью и уехал на Ямал зарабатывать Золотую Звезду Героя. Строительство железнодорожной магистрали Обская – Бованенково в 1986 году было объявлено Всесоюзной ударной комсомольско-молодёжной стройкой.

Годом ранее, уже в Томске, я женился. Вопреки материнской воле. Маме моя избранница категорически не понравилась, она отговаривала меня, как могла. Но мне, что называется, «снесло крышу».

– На развод денег дам! – сказала она, уезжая после свадьбы.

Одиночество в чужом городе и мои семейные неурядицы во многом спровоцировали её инсульт. Три месяца она пролежала парализованная, вначале – в больнице, потом – дома. Заново училась и ходить, и говорить. Ухаживать за ней приезжали тётя Рая из Павлодара и подруга – тётя Жанна Киринос из Ростова-на-Дону. Говорить отчиму и мне о своём инсульте она им запретила. Дескать, просто приболела, скоро поправится.

Но между нами была особая энергетическая связь. В это же время я сам оказался в общей терапии Томского мединститута с гипертоническим кризом. В 24 года. Впервые в больнице после детских госпитализаций в Москве.

А в 1988 году случился инфаркт у Бядова на Ямале. В пятьдесят лет комсомольско-молодёжная стройка в вечной мерзлоте оказалась ему уже не по силам, отняла много здоровья и нервов. Поставки материалов и оборудования задерживались, перестройка неумолимо приближала страну к коллапсу.

Мама забрала больного мужа в Актюбинск, помогла ему трудоустроиться на относительно спокойную должность. Их солнце постепенно клонилось к закату. Наступало моё время.

К тому моменту я уже руководил самым крупным – агропромышленным – отделом томской областной газеты «Красное знамя», и, если бы не развод и склоки бывшей жены, мог даже сделать карьеру партийного функционера во властных структурах. Отчим же мечтал доживать свой век в Белоруссии или хотя бы в Европейской России. Мама тоже хотела перебраться поближе к теплу. А в Ростове-на-Дону трансстроевским трестом управлял дядя Лёша Киринос, муж её павлодарской подруги, с трудоустройством родителей проблем бы не возникло. И вот весной 1989-го по дороге на курорт я заехал в редакцию ростовской областной газеты «Молот», оставил свои публикации и высказал желание там работать. Через месяц мне позвонил заместитель редактора, предложил должность заведующего отделом сельской жизни. По меркам советской журналистики это был серьёзный карьерный рост.

За год я должен был закрепиться на новом месте, получить жилплощадь и

найти обмен актюбинской квартиры на любое жильё для родителей в Ростове-на-Дону.

В «Молоте» у меня получалось практически всё. Я начал успешно работать, завоевал авторитет. Дорога наверх была ясна и понятна.

Лето выдалось очень жарким, я изнемогал от жары, не хватало воздуха. И в прямом, и в переносном смысле. Люди там оказались совсем не такие, как в Сибири – с двойным, а то и с тройным дном. Большинство – куркули, всё – в дом. Бессонными ночами как я вспоминал и ох как понимал своего деда Якова, вылетевшего из Воронежской области, как пробка из бутылки шампанского. Домой! Назад за Уральский хребет!

Телефонные переговоры с мамой были тяжёлыми, она умоляла перетерпеть первоначальные трудности. Но на мою фразу, что боюсь потерять себя, аргументов не нашла.

– Тогда возвращайся. Ищи нам обмен на Томск.

Боже! Сходя по трапу самолёта в аэропорту Богашёво, я не мог надыхаться ядрёным, студёным, настоящим на хвое воздухом...

Обратно в «Красное знамя» меня как летуна приняли с понижением, простым корреспондентом. Готовя отчёт с сессии областного совета народных депутатов, на выходе после заседания я подкараулил начальника территориального строительного объединения Бориса Алексеевича Мальцева, рассказал о планируемом переезде родителей. Информацию об отчине он выслушал спокойно, дескать, управляющие трестами у него все при деле, но для заслуженного строителя что-нибудь найдёт. Когда же я сказал о маме, начальник главка встрепенулся и воскликнул:

– Женщина – генерал? Беру!

Трёхкомнатную квартиру улучшенной планировки на третьем этаже престижного дома в самом центре Актюбинска мне посчастливилось поменять на двухкомнатную на восьмом этаже молодёжно-жилищного кооператива на окраине Томска. Когда загружали вещи в контейнер, сосед с четвёртого этажа, снабженец, всё сетовал:

– И куда ты, Дмитрий, в такие холода родителей под старость лет везёшь? Раньше в Сибирь только ссылали.

– Да казахский язык выучить не могут, – отшутился я, ставя в контейнер связку книг.

– Я тоже не могу, не хочу и не буду! В Актюбинске все говорят по-русски, и будут говорить, – уверял меня молдаванин.

Пускаться в дискуссию я не стал, молча пошёл в подъезд за новой поклажей.

УНИВЕРСИТЕТСКАЯ РОЩА

Так мама вернулась в «самый лучший город на Земле». Университетская роща была для неё вообще святым местом, с ним были связаны одни из самых лучших мгновений её жизни. Каждый уголок заветного парка был наполнен воспоминаниями. У памятника павлодарскому земляку Григорию Потанину

под кронами могучих кедров она любила читать стихи. На берегу речки Медички они с подружкой тётёй Любой Сёмкиной отмечали защиту дипломных работ – газета вместо скатерти, бутылка портвейна, солёная селедка на закуску. У выхода из второго корпуса она встречала меня после вступительного экзамена по литературе, когда я стал студентом. А Научная библиотека – вообще храм!

– Просто прохожу мимо – у меня сразу сердце ёкает, – признавалась мама. – Это ж сколько восторгов познания, открытий накопили эти стены за сто лет!..

Административное здание Томскстроя, где она теперь работала, располагалось в трёх кварталах от Роши и Библиотеки. Иногда, когда наваливалось особенно много сложных дел, в обеденный перерыв мама шла в этот свой центр силы и заряжалась позитивной энергией. А после переезда на Кирова областного Арбитражного суда, куда она регулярно ходила на процессы, таких прогулок стало больше.

Она очень редко проигрывала дела. Конечно, неудачи случались, но в серьёзных, знаковых – никогда. Её любимым исходом правового спора было мировое соглашение. Перед началом рассмотрения сложного дела она предлагала противной стороне решить возникшие разногласия миром, но если не находила взаимопонимания, то произносила свою коронную фразу:

– Не хотите по-хорошему – будет по закону.

А закон почему-то всегда был на её стороне.

В последний раз мама оказалась в суде в качестве ответчицы по незначительному частному иску на восемьдесят втором году жизни – в правовом государстве находится немало граждан, желающих злоупотребить своим правом. На этот раз закон был однозначно за неё, к тому же она, как всегда, качественно подготовилась к судебному разбирательству. Но неожиданно предложила молодому нагловатому адвокату мировое соглашение.

Я недоумевал: почему?

– И судья, и адвокат говорят очень тихо, – ответила мама. – Я ничего не слышу. А позориться не хочу...

Она была гением общения. Максимально благожелательная к людям, она умела найти общий язык с любым человеком, от уборщицы до министра. Интеллигентность, начитанность и какое-то внутреннее сияние, как магнитом, притягивали к ней людей. Но высокомерия, хамства и предательства она не прощала никому. В таких случаях её упрямство и категоричность не знали пределов.

ВСТРЕТИМСЯ В ВЕЧНОСТИ

Бядов с его характером не вписался в томскую действительность, хотя его переезд в Томск был своего рода возвращением к истокам. Ведь свою трудовую деятельность инженера-строителя после окончания Гомельского института инженеров железнодорожного транспорта он начинал на прокладке железной дороги Асино – Белый Яр. Ему, имевшему в послужном списке богатейший опыт грандиозных строек, здешние масштабы были малы. Для рыночной эко-

номики со своей коммунистической убеждённой он не подходил совсем. Неудовлетворённость главным, работой, превратила его в брюзгу. Маме больше не за что стало его уважать. И они развелись, спокойно и буднично.

Выйдя на пенсию, он уехал в Минск. Но родной город разочаровал его ещё и больше, и он вернулся в Россию. Последний раз он звонил маме из Вышнего Волочка Тверской области в 2007 году. А потом растворился во времени.

Первой ушла баба Муся.

Я специально пораньше сдал первую сессию, чтобы успеть на её день рождения. Самолёт из Томска в Павлодар летел ночью. Не отоспавшегося с дороги, к обеду меня разбудила мама, сказала, что бабушка уже ждёт. Шестьдесят один год – не круглая дата, но баба Муся подготовилась к ней основательно. Стол накрыла, как на свадьбу. Хотя были только свои: тётя Рая с дядей Рустэмом и сыновьями Русланом и Тимуркой, тётя Саша с дядей Мишей и Динкой, мама, Бядов и я. Я похвастался перед родственниками зачёткой с одними «отлично», за что удосужился похвалы от дяди Рустэма:

– Ну, Демьян, ты даёшь! Тётя Нина всю жизнь пыталась Димку испортить, но у неё этого не получилось.

Бабушка тоже была очень довольна моими успехами. А дед вообще пожал при всех руку и торжественно заявил:

– Мой внук! Горжусь!

Но потом спросил:

– Одного не могу понять: кто такие – журналисты?

Все дружно рассмеялись. А я начал объяснять, что это те, кто статьи в газеты и журналы пишут, передачи на радио и телевидении делают, пропагандируют, агитируют, мобилизуют.

Дед понял по-своему:

– Раньше были попы, а теперь – журналисты.

И добавил, выдержав паузу:

– Нужное дело.

С важным видом он разлил зятьям и дочерям водки по рюмкам, бабушке и мне – вина в бокал, а себе – вина в рюмку, на самое доньшко. После шестидесяти он стал резко терять зрение, и в один день завязал и с пьянкой, и с куревом. Сильно растолстел, стал прижимистым. Однажды бабушка даже пожаловалась маме на его скупость – лучше б пил.

После студенческой столовки у бабушки я объелся. В четырнадцать лет я последний раз лежал в московской больнице, а потом сказал маме, что больше не поеду, сам буду соблюдать диету. И в подростковом возрасте диабет отступил, но так и остался в скрытой форме на всю жизнь. И всё же иногда, по праздникам, я позволял себе расслабиться... Из-за стола даже вылез с трудом, а придя домой, сразу завалился спать.

Среди ночи разбудил телефон. Звонил испуганный дед: Манечке стало плохо, он вызвал скорую. Мама тут же оделась, побежала к родителям, благо жили они рядом с нами, в квартале ходьбы.

Вернулась она под утро с серым лицом, заплаканными глазами. Тихо произнесла:

– Инсульт. Мама – без сознания, дома.

Бабушка промучилась чуть больше недели, дочери по очереди дежурили рядом с ней. Ветреным пасмурным февральским днём ближе к обеду, когда я собирал чемодан в Томск, позвонила мама, велела срочно прийти к бабушке.

Зашторенное окно. Дед нервно ходит по кухне. Бабушка лежит в комнате на раздвинутом диване, вместо дыхания из её рта вырывается какое-то клоко-тание. Дочери окружили мать, сидят у изголовья. Двенадцатилетняя Динка в шоке, от страха вжимается в угол за сервантом.

Вдруг бабушкино дыхание учащается, она изо всех сил пытается оторвать голову от подушки, словно хочет что-то сказать... Но падает назад с остекленевшими глазами. В комнате устанавливается непривычная тишина. Её разрывают страшные крики мамы и её сестёр. Даже прошедший три войны дед не может найти себе места, мечется из угла в угол. Я, как зомби, подхожу к родному, ещё тёплому телу, закрываю усопшей глаза.

Горе парализовало волю сильных людей. Дядя Миша запил, Бядов работал. Правда, автобус и грузовик для гроба на похороны он из своей организации выделил. Остальные просто были в ступоре, и мне выпало выполнять все необходимые бюрократические процедуры. Ритуальных агентств тогда не было, получением справок, свидетельства о смерти, разрешения на захоронение приходилось заниматься родственникам.

Мама дала мне денег, и я на такси объезжал все инстанции. Проблема возникла только на кладбище, куда меня отвёз на своей машине дядя Рустэм. Могилы рыли экскаватором, а после ровняли лопатами: за работу с мёрзлым грунтом кладбищенские землекопы заломили такую цену, что даже дядя Рустэм был в шоке.

– Сами поправим, для близкого же человека! – решительно заявил он.

Весь следующий день втроём (дядя Миша с глубочайшего похмелья) мы провозились с могилой.

Дед оставался бобылём где-то с полгода. К осени в его квартире уже хозяйничала тётя Даша, бывшая соседка по частному сектору, жившая на углу улиц Фрунзе и Льва Толстого. Года два они прожили вместе, но однажды поссорились по мелочи. Решив проучить деда, тётя Даша ушла и две недели жила в своём доме. А когда вернулась, Яков Иванович её и на порог не пустил:

– Извини, Даша. Но у меня уже Маша.

На его кухне хлопотала другая соседка, с противоположного угла квартала, с улицы Достоевского...

В сентябре 1992 года я прилетел в деловую командировку в Павлодар, пытался восстановить разрушенные после развала Союза хозяйственные связи в интересах уже собственного бизнеса. Перед этим были Грузия, Молдавия, разваливавшаяся Югославия, своими глазами увидел, что такое война. Впечатлениями и мыслями стремился поделиться с дедом.

Яков Иванович как фронтовик лежал в областной больнице в отдельной палате – перенёс инсульт, был прикован к постели. Медсёстры только ставили ему уколы и капельницы, кормили и обмывали полупарализованного старика родные. На одну ночь я подменил тётю Раю. Она облегчённо вздохнула:

– Хоть выплюсь.

Её муж, дядя Рустэм, тоже восстанавливался после инсульта, за ним тоже нужен был уход.

Дед большей частью бредил, меня признал не сразу. С горем пополам я накормил его ужином, поменял утку. И он забылся. Я задремал следом, а среди ночи проснулся от его пронзительного взгляда.

– Умаялся, внучок? Ты так крепко спал. Ну как там мой правнук? Как сам? Чем живёшь? – засыпал меня вопросами дед.

Я рассказал ему всё подробно, но о войне зря заговорил. Дед сразу занервничал, его голос стал отрывистым:

– Таковую страну развалили, сволочи! Сталина на них нет!

И снова впал в беспамятство...

Утром я улетел в Москву. А Яков Иванович Барчук скончался на Покров. Похоронен он на Аллее ветеранов Великой Отечественной войны Павлодарского кладбища, в городе, который он до конца дней своих отказывался считать за границей.

Восемнадцать лет тётя Рая ухаживала за своим больным мужем, который ушёл на инвалидность. В критических ситуациях часто спасал отца сын Руслан, ставший врачом. Благодаря квалифицированной медицинской помощи сына и каждодневной заботе жены дядя Рустэм и протянул так долго. И ушёл в иной мир тихо, по-домашнему: сидел в любимом кресле, держа руки дорогих ему людей, и затих. Остановилось сердце.

Я впервые оказался на мусульманском кладбище в Павлодаре. С портрета, высеченного на могильном мраморе, на меня смотрел близкий человек, которого с малолетства я знал как своего доброго, заботливого, отзывчивого дядю Руслана. Знал, что по паспорту он Рустэм, но так он был ближе, роднее. И вдруг на памятнике – Ахметжан улы Рустем, род Аргын. Даже фамилии его паспортной – Базиков – нет.

Я не удержался, спросил тётю Раю:

– И что, когда ты уйдёшь, будешь лежать далеко от мужа, на другом кладбище?

Вдова вздыхает, отвечает тихо, смиренно:

– Да. А что поделаешь?

Я поворачиваюсь к Руслану, вообще не крещёному:

– А ты свой выбор сделал?

Чтобы не обидеть мать, он уклончиво отвечает, что ещё не решил. Почувствовав неискренность сыновьих слов, тётя Рая со слабой надеждой говорит:

– А может, со мной, сынок?

Руслан поворачивается к машине:

– Скоро вечер. Темнеть начнёт. А на православном кладбище ещё много наших...

Когда чувствуешь, что пережить трагедию не хватает сил, стараешься о ней не думать. Так поступил и я, когда умерла тётя Саша, моя любимая тётушка. Если маме и тёте Рае от Барчуков досталась хоть какая-то внутренняя защита

от негатива жизни, то тётя Саша была лишена такой способности начисто. По степени доброты, жертвенности она превзошла даже бабушку. Возможно, поэтому, уйдя так рано, ненадолго её пережила.

На похороны любимой сестры в Павлодар мама поехала на автобусе одна, потому что я ещё не отошёл от своего инсульта, и такой долгой дороги, особенно за рулём, не выдержал бы. Остался дома на хозяйстве поливать огород и выгуливать собаку, поэтому имел возможность убедить себя, что тётя Саша просто куда-то уехала. Далёко, где нет связи.

И вот спустя четырнадцать лет внушённая иллюзия рушится. На самом краю кладбища в окружении молодых деревьев двоюродная сестра Дина создала для родителей маленький семейный пантеон: два мраморных памятника в одинаковом исполнении со скорбными тюльпанами по краям словно тянутся друг к другу. На могиле тётя Саши я не могу сдержать слёз, соседнее захоронение стараюсь просто не замечать. То, что памятники одинаковы, – не по мне. Несправедливо: она отдала все силы, тянула на себе семейный воз, а он...

Из трёх сестёр счастливым можно назвать замужество только тётя Раи. У мамы их было два, второе удачнее первого, но сердце её успокоилось в одиночестве. У тётя Саши же был брак во всех смыслах этого слова. Люди – не ангелы, в нашем роду тоже много мужиков без тормозов. Но работа есть работа, мужик – на то и мужик, чтобы содержать семью, а в случае с дядей Мишей всё было наоборот. Свой главный лотерейный билет он вытянул, когда на улице Фрунзе в Павлодаре подсел на лавочку к смешливой девчонке. Дивидендов с этого ему хватило на всю жизнь.

Добрый, весёлый, он любил детей, и я его тоже очень любил. Как мы бесились с ним в их двухкомнатной квартире, когда он был слегка под градусом! Однажды даже перебили весь хрусталь в серванте – так тётя Саша даже моей маме ничего не сказала!

Ещё, когда мне исполнилось десять лет, мы вместе переплыли горное озеро шириной больше трёх километров. У берега вода прогревалась, а на глубине – холоднющая. Резиновый матрас оказался с дыркой, дядя Миша несколько раз его надувал, пока я, гребя руками по-собачьи, барахтался вокруг... На другой берег мы выбрались уже в сумерках, меня шатало от воды, и я отказался плыть назад в темноте. Мы пошли в обход по прибрежным скалам, ближе к полуночи нас подобрала лодка.

Мужики на турбазе чуть не устроили над дядей Мишей суд Линча, один даже врезал ему в сердцах по лицу. Это был коллективный выезд сотрудников тётя-Сашиной организации в горы, бедная тётя Саша за долгие часы нашего отсутствия не находила себе места. Металась по берегу, твердя одну фразу: «Что я Нине скажу?», а пятилетняя Динка хныкала рядом: «Ага, мамочка, ты только за своего Димочку переживаешь, а мне и папеньку жалко...». Тогда я не понимал, за что так строго спрашивают с моего дядьки – всё же обошлось... Понял и осознал через много лет, когда сам стал отцом. Наше возвращение на турбазу было сродни чуду, ведь дядя Миша поплыл со мной пьяным.

По профессии он был экскаваторщиком, но на одном месте долго не работал – увольняли за прогулы. Руками умел делать всё, даже лучше моего отца. Когда был трезвым. А это с ним случалось всё реже и реже.

– Бросай ты этого алкоголика! – кто только этого тётке Саше не говорил – и мать, и сёстры.

– Мишка без меня пропадёт, – упрямо твердила Александра.

Проспиртованный насквозь, он пережил жену на семь лет...

А может, Дина и права, что так похоронила отца. Ведь это место на кладбище пустовало, словно дожидалось его. А смерть уравнивает всех.

С Алёнкой мы созванивались редко – поздравляли друг дружку с днём рождения, заодно узнавали, что произошло за год в наших семействах. И вдруг звонок морозным утром в начале декабря.

– Привет, братишка...

Она старалась бодриться, но я сразу всё понял.

– Отец? Когда?

– Вчера. Послезавтра похороны. Ты приедешь?

Мой ответ был уклончивым. Мама переехала на зиму в городскую квартиру, поближе к больнице, а я с сенбернаром и котом собрался зимовать на даче. За старым газовым котлом, который часто отключался, постоянно нужно было следить...

Но не поехать я не смог. Знакомые сантехники пообещали приехать завтра, слить воду из системы отопления, законсервировать дом. Семилетнего пса скрепя сердце пришлось отдать в гостиницу для животных. Но, когда на следующий день я добрался до автовокзала, автобус на Павлодар уже ушёл. Единственным способом успеть на прощание с отцом оставалось такси – почти тысяча километров зимой, в другую страну, через границу и таможню. На это ушло больше половины имевшихся у меня денег, часть на похороны бывшего мужа дала мама.

Отца я начал поминать в первый же вечер после получения печального известия, в дороге ещё накатил. Водка пилаась, как вода. На отпевание в церковь я успел, но был с глубокого похмелья. На кладбище только запомнил, что отца похоронили рядом с бабушкой и дядей Толей...

Удивительно: приехав на павлодарское кладбище спустя десятилетие, не зимой, а летом, я легко нашёл могилу отца и положил на неё искусственные цветы. Словно он сам меня подозвал.

На склоне лет мама увлеклась огородничеством – работа на земле успокаивала, в памяти оживали картины детства, молодости. Добрым словом она поминала уроки своего отца и первой свекрови, учивших её азам земледелия.

В последние годы она страдала от страшных болей в позвоночнике, сильно сгорбленная, передвигалась только с тросточкой, потом – с ходунками. А на восьмидесятилетие внуки подарили ей коляску с сиденьем и багажником для покупок. Она катала её перед собой, опираясь на поручни, могла сама сходить даже в магазин. А однажды впала в детство и решила прокатиться по бульвару на проспекте Кирова – уселась, оттолкнулась и понеслась, как в былые времена по лыжне. Пока не налетела на бордюр. Сильно ударилась, хорошо, что кости не поломала...

Никакие обезболивающие препараты ей уже не помогли, проблемой стало даже передвижение по квартире.

– Но ведь руки же на себя не наложишь – грех! – в глубине души она осталась христианкой.

Её мечтой было уснуть и не проснуться.

Однажды вечером, возвращаясь с прогулки с собакой, я решил провести маму без предварительной договорённости: когда мы созванивались в обед, её голос по телефону был не такой, как обычно... Захожу в квартиру – темно. Вижу на кухне в оконном проёме её сгорбленный силуэт. Включаю свет. Мама сидит у стола перед горой таблеток, руки трясутся. И приговаривает:

– Мне надо выпить таблетки... Мне надо выпить таблетки...

Я вызвал скорую. Оказалось, уровень гемоглобина у неё упал до критического уровня. Её положили в больницу, сделали переливание крови, и сознание вернулось. Причиной внутреннего кровотечения оказалась язва желудка, обострившаяся на фоне приёма обезболивающих таблеток. Но это выяснили уже врачи ковидного госпиталя, куда её перевели после того, как в больнице заразили коронавирусом. Неделю мы созванивались с мамой по телефону. А потом её перевели в реанимацию.

– Слушай, сын... А может, там и впрямь что-то есть? – подняв глаза вверх, неожиданно спросила меня мама за день до вызова скорой.

– Конечно, есть.

– И мы все там встретимся?

– Обязательно, мама. Все встретимся. И всем всё простим. И нас простят...

2023

Мыс Могильный – аномальная зона Томской области

Аномальные места, где наблюдаются необъяснимые явления – миражи, круги и пиктограммы на полях, энергоактивные и геопатогенные зоны, всегда привлекали внимание простых людей, любителей эзотерики и учёных. Таких мест на Земле бесчисленное множество, в том числе на территории России.

Есть одно аномальное место и на территории Томской области – это Могильный мыс в Чаинском районе, расположенный в пяти километрах от нежилого посёлка Восточный и в 15 – от посёлка Варгатёр. Мыс представляет собой узкий песчаный участок суши длиной около 300 метров, возвышающийся на 20–30 метров над окружающими его болотами. Его форма одним напоминает громадный утюг, другим – большую лодку, стоящую в болоте. Остров густо зарос могучими кедрами, высотой до 50 метров, где даже в солнечные дни сумрачно и прохладно, и наблюдается постоянно слабый ветерок. Над мысом даже в солнечные дни стоит туман или дымка.

Местные жители говорят, что при приближении к мысу у человека учащается сердцебиение, возникает непонятное беспокойство, порой переходящее в ужас и страх. Резко поднимается давление, в голове начинает стучать, усиливается чувство безысходности. Место у жителей считается запретным. Ни шишкобой, ни охотники туда не ходят. Даже собаки, говорят, туда не идут. Ни птиц, ни каких-либо животных. Однако деревья здесь растут быстрее, а и травы гуще, чем в ближайшем районе. А в расположенных недалеко от острова озерах в большом количестве водятся караси почти чёрного цвета.

Впервые Могильный мыс как аномальную зону описал в 1984 году журналист из Свердловска Михаил Глухов, который находился здесь в творческой командировке. В посёлках Восточном и Варгатёре он со слов местных жителей записал несколько необычных историй, связанных с Могильным мысом. Заинтересовавшись этим, он даже посетил мыс и передал свои ощущения. Материалы своих «исследований» он опубликовал в одной из свердловских газет.

После этого учёными, любителями эзотеризма и просто туристами было снаряжено несколько экспедиций для исследования Могильного мыса. Их участники собрали и записали рассказы местных жителей. И вот уже почти 40 лет они стараются разгадать загадку Могильного мыса. Однако до настоящего времени внятного объяснения этим явлениям нет.

Чего только с подачи М. Глухова не писали в прессе о необычном острове среди болот и его аномальности. Так, жительница пос. Варгатёр М. Е. Шабашникова рассказала Глухову, что в 1947 году её отец с матерью и дядей ходили

за грибами на мыс. К полудню они остановились на небольшой полянке на острове, и отец с матерью начали раскладывать на платке припасы, чтобы перекусить. А дядя сел на поваленное дерево. Когда они обернулись, чтобы его позвать к трапезе, то дяди на месте не оказалось. Супруги искали родственника до вечера, но так и не нашли. Исчез бесследно неизвестно куда.

И. А. Троицкий из пос. Восточного вспоминает, что в начале 1950-х годов, будучи мальчишкой, пас колхозных коров. Однажды одна корова убежала на Могильный мыс (только непонятно, как она через болото в пять километров туда пробралась). Юный пастух отправился на мыс за ней, где и обнаружил её, стоящую неподвижно и никак не реагирующую на его окрики. Он дотронулся до неё: корова была холодной и как бы резиновой, и его охватил ужас. Он закричал. От крика корова ожила, замычала и бросилась бежать по болоту в сторону деревни, не разбирая дороги, ломая на своём пути мелкий кустарник.

Некоторые жители Варгатёра считают, что до 70-х годов XX века рядом с мысом находился могильник отработанных радиоактивных отходов Сибирского химического комбината, которые по узкоколейке вывозили сюда и просто сбрасывали в болото. Работы эти якобы производили заключённые, осуждённые на длительные сроки за особо тяжкие преступления. Другие утверждают, что неподалёку от мыса падали отработанные ступени космических ракет, запущенных с космодрома Байконур. Однако исследователями следов загрязнения гептилом здесь не обнаружено, а обломки отработанных ступеней ракет падали в соседнем Колпашевском районе.

А ещё местные жители поведали исследователям, что они на мысе видели в лунные ночи таинственных небольших существ – гномов, которые живут здесь в глубоких норах под корнями кедров и питаются рыбой, которая в изобилии водится в ближайших озёрах. А старики из близлежащих посёлков, наоборот, считают, что никаких гномов на Могильном мысе нет, а появляющиеся маленькие фигурки – это призраки, встающие из древних могил, расположенных на острове.

Действительно, по мнению археологов Томского государственного университета, на территории Могильного мыса обнаружены древние захоронения (отсюда, вероятно, и название – Могильный мыс), относящиеся, по их мнению, к исчезнувшей ещё в дохристианскую эпоху кулайской культуре. А побывавший здесь парапсихолог красноярец Сергей Пустояров уверен, что древние капища, а также скрытые под многометровой толщей земли языческие святилища (а таким, по его мнению, является Могильный мыс) являются источниками «энергии вектора искро» – излучения, которое, по мнению современных эзотериков, проникает в наш мир из мира мёртвых. Свообразными «воротами» для таких энергий являются древние захоронения, устройство которых осуществлялось жрецами особым способом, известным только им. Подобные тонкие излучения вызывают у людей чувство безотчётного ужаса, связанного с подсознательным страхом смерти.

Местные жители также рассказывали приезжим исследователям, что над мысом регулярно появляются НЛО, и что здесь находится их база. Иногда, говорили они, со стороны мыса доносятся звуки, напоминающие раскаты грома

или работающего реактивного двигателя. Старожилы уверяют, что в середине 80-х годов в районе Могильного мыса потерпел катастрофу неопознанный объект, и его светящиеся обломки падали с большим разбросом (в последующем никаких обломков не обнаружили). Действительно, 26 февраля 1984 года над территорией Томской области многочисленные очевидцы видели взрыв яркого объекта с хвостом оранжевого цвета, который впоследствии получил официальное название «Томский болид».

В 1985 году члены экспедиции, организованной газетой «Комсомольская правда», наблюдали зависшие над Могильным мысом три светящихся шара молочно-белого цвета в виде равнобедренного треугольника, который, быстро вращаясь, направился к земле и исчез в кедрах.

Некоторые исследователи считают, что необъяснимые явления, происходящие на мысе, имеют вполне земную природу. Так, новосибирские геологи утверждают, что под мысом находятся богатые железные руды, расположенные всего в 10 метрах от поверхности. Они создают магнитные поля, которые усиливаются мощным геологическим разломом, проходящим через этот район. Всё это, по их мнению, и может приводить к наблюдаемым аномальным явлениям на мысе.

В 2004-м на Могильном мысе побывал туристско-экспедиционный отряд «Искатель» из 12 человек под руководством Олега Анатольевича Смолякова. С ними был и известный томский специалист по аномальным явлениям Виктор Фефелов. Отряд с помощью специальных приборов (дозиметра, металлоискателей, GPS-компаса и др.) неделю исследовал территорию Могильного мыса. По результатам работ О. А. Смоляков заявил: «Ничего геопатогенного нет!». А Фефелов, измерявший уровень радиации на мысе, сказал, что «место курортное». Так что ничего существенного, аномального или сверхъестественного на мысе они не обнаружили.

Могильным мысом и причинами его аномальности интересовался Николай Георгиевич Лебедев, известный петроградский специалист по аномальным явлениям. Он получил в Томском геологическом фонде материалы высокоточных магнитных измерений (масштаба 1:50000), проведённых в этом районе с помощью самолёта «АН-2» и магнитометра ММ 305 (Отчёт № 3077) по опорной сети на высоте 150–170 метров со скоростью 180 км/час. Один из маршрутов проходил поперёк Могильного мыса. Целью съёмки было выявление магнитных глубоко погребённых (на 3–7 километров) аномалий. После детальной обработки магнитограмм оказалось, что прямо под мысом, на глубине не более 10 метров, находится слабомагнитная аномалия диаметром 350–400 метров. По данным профессора ТПУ С. И. Арбузова, геология района здесь такова, что никаких эндогенных (внутренних) образований в принципе нет. По-видимому, здесь в далёком прошлом упал железный метеорит.

Один из исследователей, Н. Г. Лебедев, с тремя спутниками и трактористом в сентябре 2018 года на болотоходе посетили Могильный мыс. И вот что он пишет о своих ощущениях: «Пока мои товарищи ставили палатку, я пошёл осматривать остров. Ни сердцебиения, ни тревоги я не ощущал. Никто за мной не шёл. Всё было абсолютно обычно. То же самое было и у товарищей. У всех

сон был абсолютно нормальный, и спали мы без происшествий. Показания дозиметра – около 10 мкР/ч (фон) на всей площади острова. Гумусовый слой в верхней части острова – в штык лопаты. Ниже – сероватый слой земли, суглинок. До глины мы не дошли. Встречаются здесь заросли крапивы, бузины, кусты акации, много малины. Это явные следы пребывания людей. Но остров постигла экологическая катастрофа: непарный сибирский шелкопряд оголил почти все кедровые до самых верхушек. Это почти мёртвый кедровый бор – кора от деревьев уже отваливается. Нашли только один кедр в три объёма, и тот погибший». Так что и группа Н. Г. Лебедева не обнаружила никаких аномалий на мысе. Его рекомендации: нужны на острове детальные геолого-геофизические исследования с бурением скважин и обязательным привлечением археологов.

Так как я родился в пос. Варгатёр, мне было тоже интересно узнать какие-нибудь подробности о необычных явлениях, происходящих на Могильном мысе. Я расспрашивал о необычности этого острова на болоте своих двоюродных братьев Бакушкиных – Василия и Петра, родившихся тоже в 30-е годы в Варгатёре и живших там до 1952 года. Они говорили, что ничего аномального не замечали и не слышали, а остров этот среди болот в то время назывался Кедровым, так как был сплошь заросший могучими кедровыми. Разве что удивлял их сам песчаный остров среди бескрайнего болота. Также они рассказывали, что наши родители – мой отец Яков с дедом Василием Пшеничкины и их отец Семён Бакушкин с друзьями в 30-е годы прошлого столетия жили в Варгатёре. Когда двоюродные братья подросли, они в конце 40-х и в начале 50-х ходили бить шишки на этот остров и ловить рыбу (карасей и окуней) в близлежащих озерах.

Сопоставив некоторые опубликованные материалы по аномальности Могильного мыса, я выдвигаю следующие гипотезы.

1. Остров среди болот – Могильный мыс – это курган кулайской культуры, образованный искусственно на месте падения железного метеорита, упавшего, возможно, в начале железного века (на рубеже первого тысячелетия н. э.), в результате чего и образовалась магнитная аномалия, располагающаяся на глубине около 10 метров. В этой местности в то время проживали люди (этнос), относимые теперь к кулайской культуре. В то время ландшафт был совсем другой и на месте нынешнего болота было, по-видимому, большое озеро.

Падение необычного яркого, грохочущего небесного тела так поразило местных жителей (кулайцев), что место падения метеорита для них стало культовым местом, и они стали здесь насыпать удлинённый курган, где хоронили умерших сородичей. По данным археологов такие удлинённые курганы кулайской культуры встречаются в Верхнем и Среднем Приобье, где тела покойников укладывали в погребальные ящики (или лодки, если хоронили у реки) и помещали в погребальные ямы головой на северо-восток (судя по карте, Могильный мыс как раз и ориентирован в северо-восточном направлении). После полного заполнения площадки покойниками она засыпалась грунтом и начинались очередные захоронения. Ориентированное погребальное пространство кулайского некрополя, таким образом, имеет несколько слоёв захоронений. Так курган постепенно рос в высоту и имел удлинённую

форму. А землю для кургана они, возможно, брали на месте, где образовалось впоследствии современное Копанное озеро, расположенное недалеко от мыса, или в районе пос. Варгатёр, где в юго-западной части села имеется явно искусственного происхождения глубокая выемка, заполненная водой – озеро, уровень которого ниже уровня реки Чаи, протекающей в сотне метров от него.

По-видимому, гора Кулайка (гора духов, гора предков, от селькупского) на берегу реки Чаи у села Подгорного – тоже курган, частично размытый за историческое время рекой Чаей. И, судя по цветным фотографиям обнажения размытой горы, она имеет явное послойное строение (что хорошо видно по цвету слоёв) и искусственное происхождение. Поэтому в пойме реки надо тоже проводить археологические раскопки для обнаружения артефактов и пополнения ими музея кулайской культуры в селе Подгорном.

2. Что касается ветра, отмечаемого некоторыми посетителями Могильного мыса, то это объясняется чисто физически. Сплошной кедрач на мысе всегда создаёт сумрачность и прохладу, туда слабо проникают солнечные лучи. И по сравнению с окружающим открытым болотом в солнечный день температура там будет несколько ниже, чем на прогретом солнцем болоте. В силу разности температур на болоте и мысе возникает движение воздуха: в солнечный день с мыса, с припочвенной части холодный воздух будет двигаться в сторону болота, а с болота тёплый воздух – на мыс. В холодное время (в пасмурные дни) – наоборот: более тёплый воздух с мыса будет двигаться в сторону болота, а более холодный – в сторону мыса. Поэтому на мысе почти постоянно слабый ветерок. Это можно проверить в домашних условиях – откройте окно в комнате зимой или летом и всегда почувствуете движение воздуха холодного или тёплого в комнату и из комнаты.

3. Теперь что касается явления, происходящего с посетителями острова: учащённое сердцебиение, ощущение непонятного беспокойства, появление чувства страха, резкого подъёма давления, стука в голове и прочее.

В фильме «Сибиряда» хорошо показана вся эта аномальность и чертовщина, происходящая с героем Алексеем Устюжаниным (актёр Н. Михалков), когда он посетил пробуренную им на нефть до войны скважину на болоте.

Вся эта «аномальность» заключается в выбросе на болотах большого количества газа – метана, который образуется в результате разложения растительных остатков на дне болота без доступа воздуха и выходит на поверхность в виде пузырьков газа. Метан – газ без цвета и запаха, плохо растворяется в воде, почти в два раза легче воздуха (вот почему он скапливается на острове в кедраче).

Метан относится к токсичным веществам, обладает слабым наркотическим действием и губительно воздействует на психику человека и животных. Вот симптомы воздействия метана на психику человека: поражается центральная нервная система, увеличивается объём дыхания, учащается пульс, нарушается координация движения, возникает внезапный безотчётный страх, паника, диссоциация (человек начинает видеть себя как бы со стороны), жуткие и пугающие галлюцинации, видения, психозы. При содержании метана в воздухе более 30 % он может убить человека и животное. При определённых соотно-

шениях метана и воздуха смесь может самовозгораться. Вот почему нередко на болотах ночью видны огоньки. Это может быть и причиной самопроизвольных пожаров в тайге рядом с болотом.

А теперь сравните это с описанными выше ощущениями некоторых посетителей острова... Никаких аномальных явлений – виноват во всём этом метан! В разное время и в разные годы количество выделяемого болотами метана может сильно меняться. Поэтому кто-то из посетителей мыса ничего не ощущал, а кому-то становилось страшно. Психика у людей разная.

Таким образом, для окончательного прояснения всех аномальных явлений необходимо провести на Могильном мысе комплексные геолого-геофизические исследования с обязательным бурением скважин и привлечением археологов и экологов.

*Анатолий ПШЕНИЧКИН,
кандидат геолого-минералогических наук,
заслуженный геолог РФ*

Светлые повести о былом и вечном

Сборник прозы Галины Ивановны Климовской «Лунеющие облака» включает роман, повесть, рассказы. А также очерк о Киреевске, базе отдыха ТГУ – многолетней (именно летней!) любви Галины Ивановны и её семьи. Книга издана при финансовой поддержке Министерства культуры Российской Федерации и техническом содействии Союза российских писателей (Томск, 2023, 528 с.).

Многие тексты на первый взгляд близки к жанру документальной прозы. Но сквозь тонко сплетённую псевдолёгкую словесную ткань перечисляемых фактов скелетом просвечивает жёсткая правда. Это не всегда лёгкое чтение. Поскольку содержание отражает жизнь советского человека XX века, избивающую драматическими событиями.

Повествование Галины Ивановны подобно тихой песне перепёлки или какой-то другой серой птички, маленькой, но наблюдательной. Внимательной, не ошарашивающей особенными средствами изобразительного художественного свиста. Словно задушевный разговор за чашкой чая. Слышишь интонацию рассказчика, угадываешь эмоции, ощущаешь, что всё излагаемое пропущено через себя.

Повествование мастерски выстроено, умело сплетены главные и побочные сюжеты, лирические отступления и прочие составляющие хорошей прозы.

Несмотря на научную остепенённость автора, читателю почти не приходится лезть в словарь за разъяснением непонятого слова. Разве что пару раз встретится филологический термин.

Рассмотрим содержание книги по порядку. Можно сказать, что «невесёлый роман» (так обозначил автор) «Лунеющие облака» приоткрывает дверь в мир университетского преподавательского круга, где соседствуют чопорный фасад и демонстрация субординации со своими обычаями, подковёрными играми, застольными разговорами, бытовыми деталями и «скелетами» в шкафах.

Мы узнаем понятные во все времена ситуации, женские истории с поиском суженого, но в данном случае с особенным советским временным акцентом и изложенные порой с несоветской откровенностью. Получился такой своеобразный довольно жестокий романс.

Цикл рассказов «Петербургские этюды» расплетается на множество разнообразных сюжетов, объединённых главной героиней. Исторический экскурс перекликается с современностью. Здесь и Ленинградская блокада, и гиблое время 90-х. Защита докторской диссертации героини происходит в 1993 году. И благодаря «волшебнице» Елене, дочери подруги Валюши, осуществляется ошеломительный заключительный банкет. Этот этюд – история города и

дружбы двух сибирячек на фоне времени. Трагическое и сказочное, да и комическое у Галины Ивановны всегда рядом.

О цикле рассказов «Московские этюды» автор пишет: «сложились разные сюжеты... вызовы и веяния тех времён и событий». Поступление в ТГУ вследствие не поступления в МГУ. Неисповедимые пути и формы советского образования – от багажа дореволюционных гимназий до Курсов мастеров и т. д. Московский методологический кружок Г. П. Щедровицкого. «Стромынка» – «аспирантская» группа, состоящая из украинок и монголок, воплощённые в реальность Европа и Азия. Это личные, особенные, пережитые автором истории... Но даже сухая статистика, перечисление фамилий советских лингвистов, факты их во многом трагических судеб окрашены лирическими акцентами, набросаны своеобразным почерком Г. И. Климовской.

В книге наблюдается многолюдье персонажей и персон – рядом почти безграмотные, учёные, старые большевики, студенты, рабочие...

В рассказе «Однажды засушливым летом» дело происходит в Томском онкологическом диспансере. Это реальная ситуация. Сама автор совершает добрый поступок, помогает соседке по палате, используя свой «административный ресурс» и личное знакомство, спасает жизнь... Но всё это изложено легко, без надрыва, без жутких медицинских подробностей...

В рассказе «Переезд на новую квартиру в 1981 году» речь идёт о переезде в преподавательский университетский дом в районе города Томска под названием «Южная». Заселяется архитектурно своеобразное здание «Пентагон». Внезапная удача – получение 4-х комнатной квартиры – сопровождается интригами коллег и смертью матери. В целом это драматичные семейные хроники, но и слепок с тогдашней жизни, страницы недавней истории, что заслуживают долгой памяти.

Повесть «Уроки Колхиды» – о курортных романах в многонациональном Советском Союзе. Яркие портреты, трогательные, наивные люди. По прочтении остаётся светлое послевкусие.

Автор книги, Галина Ивановна Климовская, в предисловии уточняет, что не сочиняет, а «списывает» с жизни реальных людей, встретившихся на жизненном пути, «обстоятельства места, времени и образа действия их жизни». «Все герои моих повестей и рассказов – были».

Главная мысль книги «Луняющие облака»: «Мир не без добрых людей. Чудеса происходят». Свет (ночного ли, дневного ли светила) проходит через облака и озаряет людей и их поступки.

*Елена КЛИМЕНКО,
писатель, член Союза писателей России*

ГОТОВЫ К БУДУЩИМ СОСТЯЗАНИЯМ

В конце октября на сцене Томского областного театра драмы состоялось торжественное награждение победителей и дипломантов Международного фестиваля-конкурса детского и молодёжного литературного творчества «Устами детей говорит мир».

Колпашевские авторы из детско-юношеской литературной студии «Первая капель» выступали отлично, на вопросы жюри отвечали развёрнуто, были эмоциональны, открыты и рады возможности принимать участие в творческих дискуссиях!

Ребята, помимо участия в творческих лабораториях, смогли посетить Театр юного зрителя, посмотрев спектакль «Дети и эти» по мотивам произведения Г. Остера, музей начала наук «Точка гравитации», Томскую писательскую организацию, литературный музей Дома искусств, несколько экспозиций Томского областного художественного музея.

Студия «Первая капель» достойно представила город Колпашево на международном уровне!

Милана Гладких стала дипломантом в номинации «Проза молодых». Николь Беляева в номинации «Проза» заняла третье место. Вера Шаповалова удостоена третьего места в номинации «Поэзия». Арина Кузнецова заняла второе место в номинации «Проза».

Алёне Леухиной, Екатерине Куртуковой и Степану Леухину были вручены сертификаты участников Международного фестиваля-конкурса детского и молодёжного литературного творчества «Устами детей говорит мир».

Благодарим управление по культуре, спорту и молодёжной политике администрации Колпашевского района за организацию поездки для участия в фестивале-конкурсе.

*Иванна ДУНЕЦ,
руководитель детско-юношеской
литературной студии «Первая капель».*

Вера ШАПОВАЛОВА, 12 лет

РОДИНА

Что для меня РОДИНА?
Белая смородина,
И чёрная, и красная,
И река прекрасная –
Дорогая Кеть!
Символ наш – медведь.
Улицы знакомые,
В газетах вести новые,
На закате на яру,
Всматриваясь в красоту,
Обсуждать все эти вести,
В школу утром ходить вместе
С Мишкой – псом из нашего двора,
И на даче – красота:
Флоксы, лилии и хоста...
Или Русь родная просто!

ПИСЬМО ВЕРЫ КНИГЕ

Тебе пишу, и в том причина,
Что восхищения тобой
Высот достигли. Нелечимы
Уроки, данные Княжной
Всех мудростей. И выше чина
Тебе отдать я не могу,
Ведь бог всегда один, иначе
Тебя им назвала бы значит.
Я без тебя жизнь не стерплю.
Всегда хранишь в себе интригу
(Люблю всегда с загадкой книгу)
И мудрость ты хранишь, мораль,
Которая всегда научит.
Расскажешь про весёлый случай
Или про грустный, может. Вдаль
Меня влечёшь и углубляешь
В рассказ, стихок и быль,
Сказанье, сказку иль
Легенду. Ты меня пленяешь!

Николь БЕЛЯЕВА, 12 лет

ВЕРА В ЧУДО

Рассказ основан на реальных событиях

Всё, что выходит за рамки обычного, принято называть чудом. Но есть чудеса или добрые поступки, которые мы делаем своими руками, и не для себя, а для своих близких и родных. Это и есть самая настоящая любовь. Любовь к родному дому, любовь к своей семье, любовь к своей родине.

У моей мамы был дядя, звали его Саша. Он родился слепым. Вообще ничего не видел, мир для него был скрыт, и узнать он его мог, только трогая руками. Мамина бабушка, то есть его мама, водила Сашу по врачам, ему делали операции, но результата не было. Мальчик оставался слепым.

Но бабушка никогда не падала духом. Она выписывала разные журналы про здоровье, и в одном из них прочла, что врачи ищут слепых детей для участия в эксперименте – операции по восстановлению зрения.

Врачи хотели провести этот эксперимент на слепых детях, чтобы дети смогли увидеть этот мир. Бабушка написала им письмо и получила ответ: «Приезжайте». Слепому мальчику Саше было тогда уже семь лет...

Думаю, бабушка очень волновалась, пока добиралась до больницы и потом, когда ждала результат. Когда после операции с маленького Саши снимали повязки, бабушка держала его на руках. И когда убрали последний бинт, Саша заплакал и сказал:

– Мама, я тебя вижу!

Моя мама говорит, что на этом моменте рассказ её бабушки всегда заканчивался слезами, но это были слёзы счастья.

Впереди Сашу ждала удивительная, наполненная красками жизнь. Саша полюбил читать, даже писал стихи и рассказы. И часто посвящал стихи своей малой родине.

И всё это было бы невозможно, если бы не добрые люди-врачи, которые вернули Саше зрение, и чудо, которое сотворила своим добрым поступком для него мамина бабушка.

Арина КУЗНЕЦОВА, 12 лет

СТАРЫЙ ДОМ

Своей историей о старом доме совсем недавно со мной поделилась моя мама. Когда ей было лет пять, она впервые поехала из города в деревню. В этой деревне у неё жила бабушка. Деревушка была совсем небольшой, все в деревне друг друга знали. Можно было спросить у любого в деревне:

– Где живёт баба Лена?

И тебе сразу бы показали её дом.

Деревня была красивой и уютной, так казалось маме. Вдоль деревни текла речка, вокруг бескрайние поля кукурузы, подсолнухов и пшеницы.

Бабушкин дом стоял на окраине деревни, он потемнел от времени, покосился на один бок, но его приветливые окна многие годы вместе с хозяйкой встречали своих гостей.

Баба Лена жила на втором этаже. Лестница, ведущая на второй этаж, была скрипучей. В коридоре всегда было темно, но скрип ступеней создавал особую мелодию, веселил пришедших и прогонял страхи.

Дверь в дом была очень тяжёлой и, так как дом был кособокий, при входе на порог она давала вошедшему такое ускорение, что моя мама забегала сразу в комнату, не останавливаясь в прихожей.

И обстановка в старом бабушкином доме удивляла маму. В прихожей стоял большой старый сундук, на нём всегда стояла деревянная прялка, на которой она пряла шерсть. А потом долгими зимними вечерами вязала носочки для всей семьи.

Особое место в доме занимала печь. Баба Лена готовила в печи еду в чугунном котелке, а доставала приготовленную пищу ухватом – палкой с металлической рогаткой для горшков. В печи бабушка пекла наивкуснейший хлеб. А зимой на этой же печи, хорошенько протопив её, можно было улечься спать, было там специальное место.

В кухне стоял старый, покрашенный в белый цвет буфет. В нём всегда хранились для гостей вкусные конфеты «Дунькина радость». Мама говорит, что это самые вкусные конфеты её детства.

В спальне стояли кровати с сеткой и большим количеством подушек, накрытых кружевным покрывалом. Мама рассказывает, что когда ты ложился в кровать, то проваливался в мягкое облако, которое укачивало тебя. И только слышалось равномерное тиканье часов.

Тихий, старый бабушкин дом. Настолько по утрам было тихо, что можно было услышать собственное дыхание.

Но самым особенным явлением в доме были рамки со старыми фотографиями. В одной рамке – много лиц из разного времени. Можно было спросить у бабушки о любом человеке со снимка, и она рассказывала целую историю.

Родители недавно возили меня в бабушкину деревню на экскурсию. Показали мне старый прабабушкин дом, теперь уже заброшенный и внутрь, к сожалению, не попасть...

Но память жива. И если закрыть глаза и вспомнить рассказ мамы, то можно представить, что дом снова живой и в нём мерно тикают часы.

Милана ГЛАДКИХ, 17 лет

БУДУЩЕЕ НЕ ВСЕГДА ЗНАЧИТ ХОРОШО...

(Фрагмент повести)

Я совру, если скажу,
что не страдаю от стресса...
(из монолога героя компьютерной игры)

Пролог

Время не стоит на месте. Цивилизация постоянно развивается, делая семимильные шаги вперёд, создавая массу новых вещей. Человеческий мозг способен реализовать почти любую идею, которую только может представить, от телепортатора до летающих машин из футуристических комиксов.

И не только инженерия развивается. Спустя десятки лет современная медицина создала лекарства от всех болезней, которые раньше было сложно либо невозможно излечить, например, рак, последние стадии бешенства и прочие. Человечество может не бояться умереть от эболы или чумы, ведь врачи легко излечат тебя, поставив вакцину. Если подождать ещё лет тридцать пять, возможно, создадут лекарство вообще от всех болезней или сыворотку бессмертия. Рассматривая второй вариант, при котором люди смогут стать высшими существами, понимаешь, что, видимо, никто и никогда не сможет превзойти их в развитии.

Но правительство стран не видит многих проблем, происходящих в реальности. Проблемы перенаселения, безработицы, бедности, голода – все они остаются с нами до настоящего момента. Планета не может пространственно расширяться, людям не хватает места. Мы, словно сардины в консервной банке, теснимся друг с другом, живём бок о бок, доедая последние объедки окорока, который до этого доедал какой-нибудь богатый сын депутата города N. Нам не хватает денег на нормальную еду, нам не помогают медицинской помощью, ведь лекарства не бесплатные, за них нужно платить деньги.

Но людям всё равно. Они гонятся за тем, чтобы их уважали другие, платили им больше денег, и чтобы их имя запомнили на долгие времена, упомянув в каких-нибудь статьях в интернете. Это очень огорчает и злит.

Меня зовут Ривел Андервар. Родители дали мне это имя двадцать пять лет назад. Я получил полное образование в школе, но нашей семье не хватило средств на дальнейшее моё образование. Братьев и сестёр у меня никогда не было, как и других родственников. Мои отец и мать умерли не в один период, но по одной причине – туберкулёз. Мне было тогда шестнадцать лет. Смерть мамы отразилась на нас с отцом не самым лучшим образом.

Я чувствовал утрату и не мог смириться со смертью самого родного мне человека. Папа стал апатичен. Он перестал ходить на работу и всё время глядел

в стену пустыми стеклянными глазами. И как бы я ни старался его поддержать и понять, оправиться он смог только спустя год.

Но... в начале апреля 2129 года умер и он. Мне исполнилось двадцать. Я не был человеком очень умным, но и глупым назвать меня было нельзя. Я знал намного больше вещей, чем мои ровесники и даже взрослые. В чём мой секрет? Саморазвитие. У меня первая группа крови, по знаку зодиака я лев. Возможно, это довольно малая автобиография, но я и сам не могу сказать точно, кто я есть на самом деле и какую роль в мире я играю. И мне повезло намного больше, чем другим людям, мне удалось найти себе подработку. Но я даже не мог предположить, насколько это событие изменит меня и мою жизнь.

Часть первая

Зелёные глаза парня, напоминавшие ранее два камня-изумруда, становились тусклее с каждым днём. Боль в животе усилилась и, казалось, скоро прожжёт желудок, постоянные звуки машин снаружи мешали спать, вызывая бессонницу.

Времени на сборы уже не было, поэтому парень успевал надеть своё старое, потрёпанное пальто, которое ему отдал ещё лет пять назад отец. Неопрятный вид, грязные волосы и пустой желудок – идеальный образ потерявшего смысл жизни человека. Но Ривел Андервар был не таким – его образ, скорее, говорил о бедности парня и нехватке времени во всём.

На улице с самого утра происходит движение. Дроны и другие летучие вещи издают жужжащие и гудящие звуки. Одни люди куда-то идут, о чём-то говорят, оставляя лишь следы на снегу. Другие сидят на том самом снегу и, замерзая от холода, просят мелочь.

Зима. Время праздников, тёплого обогревателя, кружки горячего шоколада с зефирками и старых фильмов о рождестве (к слову, нынешняя киноиндустрия – настоящая катастрофа). А для остального человечества – это очень холодное время, когда все кафешки переполнены людьми, и не потому, что они что-то заказывают, они там находятся, чтобы не умереть от страшного мороза. Как же хорошо, что Андервар ещё не дошел до такой печальной и безысходной жизни.

«Температура на улице минус тридцать девять градусов. Синоптики советуют побыть дома и выпить горячий чай», – голосовой помощник реально хорошая вещь, особенно если она встроена в твоё тело. Он всегда с тобой, ему можно задать разные вопросы, в том числе – какая температура на улице. Впрочем, это не самая важная информация, если подходящей одежды всё равно нет.

«Какой же будет у меня коллектив?», – подумал Андервар, подняв воротник пальто, чтобы не простудить горло.

Корпорация Мортифор была не самой большой компанией, которая непонятно что делает для общества. По крайней мере, так думал юноша. В 2087 году доктор Уильям Мортифор применил технологию вечного двигателя в своём

производстве. Ему дали Нобелевскую премию, а на денежное вознаграждение он открыл свою компанию.

Благодаря ему этот мир и выглядит более механизированным, усовершенствованным и удобным. В настоящее время компанией заведует его сын, Стивен Мортифор. Он активно работает над проектом по созданию оружия массового поражения, которым будет управлять пилот.

«Всё не так уж и плохо...», – рассуждал Ривел Андервар с неуверенной улыбкой на лице. Устройство на работу было его первым ответственным шагом, способным изменить жизнь.

Андервар стоял перед входом в здание высотой этажей в тридцать, с огромным окном, через которое можно было разглядеть стойку администратора. За ней находилась фигура, больше похожая на робота, нежели на человека. Каждый зазор белого корпуса существа был подсвечен ярко-фиолетовым неонам, глаза машины напоминали маленькие фары жёлтого цвета, фиксирующие, кто именно зашёл в здание в качестве посетителя. На стойке – цветы, похожие на фиалки, но с более удлинённым стеблем цветка.

Входная дверь открылась, и юноша сразу же почувствовал, как тепло в помещении. Тепло... Оно напомнило ему о прошлом, когда дома была мама, уют, еда и одежда – время, когда всё было хорошо. Когда мальчик возвращался домой с прогулки в грязной футболке, но его не отчитывали за безответственное отношение к вещам, а лишь тепло улыбались и молча стирали футболку, шутя называя его до конца дня маленьким грязнулей.

В жизни Андервара было много счастливых моментов, связанных с матерью. Она была всегда рядом и помогала советами, а по вечерам играла на большой красивой арфе. Ах, как она играла! Её мягкие пальцы перебирали струны одну за другой, извлекая то низкие звуки, то высокие, переливающиеся, словно ручеек весенним утром в лесу. Папа не понимал, зачем ей нужен такой древний инструмент, если можно было купить электронную арфу, на что мама отвечала, что такая музыка живая, настоящая.

– Ты чего стоишь в проходе? – внезапно услышал Андервар очень знакомый монотонный голос, заметив в углу тёмный силуэт.

На вид парню было лет двадцать пять, его лицо частично закрывала длинная чёлка чёрных, словно уголь, волос, а и без того бледная кожа на фоне тёмной одежды окружающим казалась серой. Единственное, что было в нём «живым» – глаза небесно-лазурного цвета, как море. Море...

– Пирс? Это ты? Сколько лет, сколько зим?! – губы Андервара расплылись в улыбке от крайне неожиданной встречи.

– Хм, неплохо. Ты садись, не стесняйся, – парень показал на стул рядом с собой.

– Как твоя жизнь? Ты стал ещё мрачнее с нашей последней встречи.

– С тех пор, как я ушёл из киберспорта, жизнь стала пустой, знаешь, Андервар, мне кажется, я потерял смысл существования, – с искренним сожалением произнёс Пирс.

– Ты перестал увлекаться видеоиграми? Я же помню, как ты в детстве сам посадил меня на них. Такие классные времена были!

Лицо Пирса помрачнело.

– Да, и вправду. Было весело. Давай перейдём на другую тему?

– М-м-м, ты тоже хочешь пилотировать этой непонятной штуковиной?

– Я не знаю. Мне уже без разницы, чем заниматься, – Пирс снова опустил взгляд вниз.

Андервар решил оставить парня в покое. Подойдя к стойке, его встретила высокая, строгая, но не от слова суровая, а скорее официальная машина, которая просканировала его лицо фиолетовым неоном, возможно, чтобы записать новую личность в базу данных.

– Мистер Мортифор находится на тренировочном этаже 02 Е. Путь до лифта я перекину на ваш примитивный компьютер, – механическим голосом сообщил ему робот.

«Какая нынче техника грубая, – подумал Андервар. – И ведь кто-то сидел и специально программировал её на такие фразы?!».

Но он был не прав. ИИ сам научился подобному общению с посетителями. ARCH 903, или андроид-регистратор, был искусственным интеллектом, подключённым ко всему зданию и фиксирующим любые объекты в любой комнате.

Алексей Назаров

литературные пародии

ТОЛЬКО ВПЕРЁД!

*Нет задач неразрешимых –
Фу, какая ерунда!
Неподъёмных, непосильных...
Выход, люди, есть всегда!
Например, носок порвался,
А тебя все в гости ждут.
Ты не разочаровался –
Босиком вперёд! Поймут!*

Алексей Соломин

Я к товарищу собрался
В гости вечером пойти.
Посмотрел – носок порвался,
Палец вылез впереди.

К изобильному застолью
Отправляюсь босиком
Угощаться хлебом-солью
И, конечно, коньяком.

Домочадцы суетятся,
Приглашённые идут.
Начинают разуваться,
Ну а я уже разут.

Затруднений – не бывает!
Босиком пришёл сюда.
Летом это понимают,
А зиму – не всегда.

ЖЕЛАНИЕ СЛАВЫ

*Толстого, Тютчева усадьба,
ах, Овстуг рядом, Красный Рог,
ах, написать бы, написать бы
хоть парочку бессмертных строк!..*

*А если всё-таки осилю,
по карте не ищи, мой друг,
моя усадьба – вся Россия,
и всё так зелено вокруг!..*

Роман Кручинин

Ах, не в имении дворянском
текла зачем-то жизнь моя...
Остановившись рядом с Брянском,
мечтать о славе начал я.

Стою, отчаянно мечтаю,
что вдруг подобное строкам
«Люблю грозу в начале мая...»
и я когда-нибудь создам!

Хотя бы пару... Или восемь.
А если нет, не загрущу –
уеду в Болдино под осень
и там удачи поищу.

Когда случится, не пытайтесь
найти меня, питомца муз:
не дом, не улица мой адрес,
а весь Советский наш Союз!

ПРИЗНАКИ ПОЭТА

*Поэт должен быть голодным,
Несчастливым, влюблённым, пьяным!
Стихами дотла сожжённым,
До горестной правды рьяным.*

*Он должен быть дерзок, молод,
Словами врезаться в душу,
Любовь – его вечный повод
Себя вынимать наружу.*

Алексей Исайчев

Голодным я был и пьяным,
Изрядно меня качало.
Всё было вокруг туманным
И видимость пропадала.

Сожжѣнным внутри скитаться
Я вынужден по пределам.
Словами хотел врезаться,
А врезался бранным телом.

Поднялся бряцать на лире
И понял: сейчас не сдюжу!
Разинул свой рот пошире
И вынул себя наружу.

Мой друг, если в мире этом
Ты будешь трезвым и сытым,
Не станешь, как я, поэтом.
Тем более – знаменитым.

НЕВЕРНЫЙ ПАРОЛЬ

*Не раз выкрикивал: «Сезам!»,
Войти пытаюсь.
Пароль сменили или там,
Как окопались?*

Наталья Коноплёва-Юматова

Стою у памятной скалы,
Где клад запрятан.
Летают горные орлы,
Вход запечатан.

Кричу: «Сезам! Сезам! Сезам!»
Неоднократно.
Гуляет эхо по горам
Туда-обратно.

Не происходит волшебства –
Да что ж такое?
Похоже, слова было два.
Забыл второе...

Увы, я вход открыть не смог
Надрывом связок
Голосовых, плохой знаток
Арабских сказок...

**Дмитрий Викторович
БАРЧУК**

Родился в 1962 году в городе Павлодаре (Казахстан). Окончил отделение журналистики филологического факультета Томского государственного университета и экономический факультет ТГУ по специальности «Мировая экономика». Работал в областных газетах Томска и Ростова-на-Дону. Преподавал культурологию и экономические дисциплины в томских вузах.

Член Союзов журналистов СССР и России. Автор ряда художественных и документальных книг, в частности, романов «Орда», «Новый старый город», «Александрия», «Сибирская трагедия», «Идеальная жена», «Майдан для двоих».

Член Союза писателей России. Живёт в Томске.

**Егор Юрьевич
ВОЛОЩУК**

Родился в 1999 году в селе Краснотуранск Красноярского края. Окончил Сибирский государственный медицинский университет по специальности «лечебное дело». Публиковался в 2023 в сборнике «Зелёный листок» от Дома поэзии Андрея Дементьева.

Живёт в Томске.

**Иванна Анатольевна
ДУНЕЦ**

Окончила среднюю школу № 7 в городе Колпашево. Выпускница филологического факультета Томского педагогического университета и ГПНТБ Сибирского отделения Российской академии наук по специальности «библиотечно-информационная деятельность». Член колпашевских литературных объединений «Отдушина» и «Вдохновение». Руководитель детско-юношеской литературной студии «Первая капель» при библиотеке города Колпашево.

Автор стихотворений, эссеистики и прозы.

Публиковалась в российских газетах, журналах и сборниках: «Литературная газета», «Начало века», «Причал», «Русский Гофман», «Кубок Поэмбука. Осенний сезон», «5-летие Поэмбука», «Балтика». Автор сборника стихотворений «Spaces».

Живёт в городе Колпашево.

**Иван Иванович
ИВАНОВ**

Родился в 1986 году в Семипалатинске (на тот момент – Казахская ССР).

Образование: биолог-охотовед (бакалавриат Семипалатинского государственного университета им. Шакарима).

Геозоолог (магистратура Томского политехнического университета).

Стихи начал писать с 2012 года, выступать с ними на сцене – примерно с 2016 года.

Гран-при фестиваля «Западно-Сибирский соловей-2019», победитель томского поэтического турнира «Предназначено на СЛЭМ» в 2021 и 2023 годах.

Живёт в Томске.

**Эмилия Григорьевна
КАДЕТОВА**

Родилась в селе Каргасок Томской области. Окончила Томское культпросветучилище, была заведующей лекториумом Томской областной организации общества «Знание». В 1991 году окончила Институт кинематографии (ВГИК) в Москве по специальности «киновед». Работала в областном художественном музее лектором-искусствоведом. В последнее время преподавала культурологию в ТУСУРе, а также читала лекции в томском планетарии.

Выпустила сборник стихов «Позови себя по имени».

Живёт в Томске.

**Елена Викторовна
КЛИМЕНКО**

Родилась в 1962 году в селе Первомайском (Пышкино-Троицком) Томской области в семье учителей. Окончила Томский приборостроительный техникум. Училась на факультете прикладной математики ТГУ. Работала в Сибирском отделении РАН. С 1989 года – инженер института развития образования РАО (в настоящее время инженер лаборатории развития образования ТГПУ). В 2008 г. награждена медалью ТГПУ «За заслуги в области образования».

Публиковалась в литературных изданиях Томска, Кемерово, Новосибирска, Красноярска, Мельбурна, Магнитогорска, Ставрополя, Самары. Автор шести поэтических книг: «Неуместные письма» (2000), «В подстрочнике мая» (2003), «Время вить гнездо» (2009), «Времена и города» (2015), «Круговорот стихов в природе» (2018) и др.

Участница Международного фестиваля русской поэзии и культуры «Болдинская осень в Ковент-Гардене» (Лондон, 2007). Руководитель литературной студии «Литературная среда» при Томском государственном педагогическом университете (2005–2015).

Член Союза писателей России. Член творческого совета журнала «После 12».

Живёт в Томске.

**Владимир Иванович
КОЗУБОВ**

Родился в 1949 году в пос. Соколовка Алтайского края. В 1969 году окончил Семипалатинский геологоразведочный техникум по специальности «гидрогеология и инженерная геология». Служил в Советской Армии. Работал в гидрогеологических экспедициях, на Алтайской опытно-мелиоративной станции, в КБ по водоснабжению пастбищ (г. Чимкент).

Печатался в журналах «Книжный клуб», «Воин России», в коллективных

поэтических сборниках. Неоднократно публиковался в журнале «Начало века».

Авторский сборник стихов «Амплитуда» (2011). Сборник рассказов «Перпендикуляры к плоскости бытия» (2015).

Живёт в Томске.

**Татьяна Николаевна
МИКУЦКАЯ**

Родилась в Томске. Окончила факультет истории и теории искусства Уральского государственного университета, прошла учёбу-стажировку в США по программе «Научные исследования и международные связи». Искусствовед. Работала в Томском краеведческом музее, с 1982 – Томском областном художественном музее. Скомплектовала коллекцию живописи, графики и частично стекла и керамики мастеров XX – начала XXI веков.

Автор справочника «Томские художники», альбома «Томский областной художественный музей» и более 60 публикаций, каталогов, статей в научных сборниках. Автор-куратор более 80 крупных выставочных и издательских проектов. С 2000 года – арт-директор единственного в регионе периодического художественного проекта всероссийского уровня: Томская всероссийская триеннале «Рисунок России». Член ВТОО «Союз художников России». Заслуженный работник культуры РФ.

**Алексей Николаевич
НАЗАРОВ**

Родился 15 октября 1965 года в селе Томилово Мошковского р-на Новосибирской области. После службы в армии окончил Алтайский государственный институт культуры (1987–1992). В настоящее время работает преподавателем ДШИ по классу баяна. Его стихи печатают регулярно в культурно-просветительской газете «Спешу домой», в сборниках творчества поэтов Мошковского райо-

на. Неоднократно его пародии публиковались на страницах журнала «Начало века».

Живёт в посёлке Мошково Новосибирской области.

**Виктор Михайлович
ПЕТРОВ**

Родился в 1949 году в Томске. Окончил Томский государственный университет, историко-филологический факультет. Армейскую службу проходил в Заполярье. Участник археологических раскопок в Минусе, Барабе, Притомье и на Оби.

Автор книги-исследования «Колодец поэзии. Опыт погружения», книги-очерка «Образы русской семьи», научно-популярных книг по Древней Руси и о русских религиозных мыслителях, историк. Поэтическое творчество представлено книгами стихов «Колчан сибирских стрел», «Заян», «Речения Яхрома, чулымского шамана», «За пределами суток», «Параллельные миры», «Крепостной дворянин». Автор драматической поэмы «Аввакум. Распря».

Живёт в г. Лобня Московской области и в д. Погореловка Тамбовской области. Лауреат литературных премий «Империальная культура», «Скрижали России», литературных конкурсов «Рождественская звезда» и «Медиа-поэзия».

**Андрей Викторович
ПУЧКОВ**

Родился в 1963 году в посёлке Хандальск Абанского района Красноярского края. После демобилизации из Советской Армии в 1984 году служил в МВД в должности оперуполномоченного уголовного розыска. В 2006-м вышел в отставку в звании капитана.

Рассказы публиковались в журналах: «Молодая гвардия», «Гостиная» (США), «Сибирские огни», «День и Ночь», «Енисей», «Нижний Новгород», «Начало века» и других.

Живёт в городе Сосновоборске Красноярского края.

**Анатолий Яковлевич
ПШЕНИЧКИН**

Родился в 1936 году в с. Варгатёр Чаинского района Томской обл. В 1943–1951 годах воспитывался в Кругловском детдоме Колпашевского района. В 1955-м окончил Осинниковский горный техникум (Кемеровская обл.), после службы в армии (1955–1958), в 1968 году, окончил заочно ГГФ ТГУ по специальности «геологическая съёмка и поиски полезных ископаемых».

А. Я. Пшеничкин является известным в кругах геологической общественности учёным, он – один из основателей томской школы минералогов. В январе 2020 года вышло второе издание антологии стихов о минералах «Поэтическая минералогия». Первое издание получило заслуженное признание на международных книжных выставках-ярмарках в Москве (2014), Париже (2015), Лондоне (2017), Барселоне (2018), Нью-Йорке (2019), Гонконге (2019), Вене (2019).

**Николай Валентинович
СЕРЕБРЕННИКОВ (Николай Бренников)**

Родился в 1954 году в Томске. Окончил исторический факультет Томского госуниверситета, работал в университетах Новгорода и Томска. Доктор филологических наук, профессор.

Автор исследования «Опыт формирования областнической литературы» (2004). Составитель ряда книг архивных публикаций о деятелях русской культуры XIX–XX веков.

Поэт, прозаик. Автор сборников стихов «К морю от медведя» (1992) и «Апокриф» (2009), книги воспоминаний и стихов «Повторение пройденного» (2012), сборника прозы «Чем жить?» (2015), книги «Избранное» (2023).

Член Союза писателей России. Член

АВТОРЫ НОМЕРА

Всероссийского общества Ф. М. Достоевского.

Живёт в Томске.

Александр Сергеевич ТАРАЗАНОВ

Родился в 1954 году в Томске. Служил в рядах СА (стройбат). Окончил Томский коммунально-строительный техникум, был рабочим, электриком, кочегаром. Печатался в журналах «Сибирские Афины», «Начало века», «День и Ночь». Автор стихотворных сборников «Черемошинские вирши», «Берёзовый берег», книги прозы «Ангел Наташа». Лауреат международного литературного конкурса «Балтийский Гамаюн».

Живёт в Томске.

Станислав Петрович ФЕДОТОВ

Родился в 1938 году. Окончил радиотехнический факультет и аспирантуру Томского университета. Автор поэтических книг, романов и пьес, лауреат Международной премии имени Валентина Пикуля и премии «Рукопожатие», член редакционного совета литературного журнала «Берега».

Член Союза писателей с 1973 года. Живёт в наукограде Реутове Московской области.

Андрей Валерьевич ХАРЛАМОВ

Родился в 1985 году в Хабаровске. Вырос и окончил среднюю школу в городе Кокшетау (Казахстан). После школы переехал в город Омск, где обучался на медико-профилактическом факультете Омской государственной медицинской академии.

Там же, в Омске, начал писать стихи и читать их на сцене вместе с музыкантами группы Fugu Club. Автор книг стихов «Мне снился океан», «Следы на ступенях», «Дневник неизвестного», «Зебра», «5».

Победитель томского поэтического турнира «Предназначено на СЛЭМ» 2022 года. Сотрудничает с музыкантами, «заворачивая» стихи в музыку. Послушать можно на всех музыкальных стриминговых сервисах, написав в запросе: Андрей Харламов.

Член Союза российских писателей с 2023 года.

В настоящее время живёт и работает в Северске.

НАЧАЛО ВЕКА

Литературный и краеведческий журнал

Издание томских писателей

Главные редакторы

Г. Скарлыгин

В. Крюков

Технический редактор

О. Карташов

Корректор

И. Киселёва

Редакция журнала принимает к рассмотрению авторские работы в электронном виде, набранные на компьютере на страницах формата А4, размер шрифта 12–14 кегль, гарнитура Times New Roman или Cambria.

Расширение файла doc, docx или rtf. Материалы, представленные в других форматах (txt, pdf, tif, jpg и т. д.), редакция не рассматривает.

Редакция знакомится с письмами читателей,
не вступая в переписку.

Адрес редакции: г. Томск, ул. Шишкова, 10.

E-mail: ya.oxana69@yandex.ru

© Составление и оформление: «Начало века», 2024 г.

Формат 70x108 ¹/₁₆. Усл. печ. л. 18,2. Тираж 100 экз.

Дата выхода журнала 12.02.2024 г. Цена свободная.

Отпечатано в ООО «Томская полиграфическая компания»,
г. Томск, ул. Пушкина, 40/1